

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (36)

2017

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 2 раза в год.

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
М.А. Авимская, к.ист.н., доцент
О.В. Ищенко, д.ист.н., профессор
Д.В. Кирилук, к.ист.н., доцент
В.Н. Логвин, д.ист.н., профессор
В.В. Мархинин, д.филос.н., профессор
А.И. Прищепа, д.ист.н., профессор
И.Н. Стась, к.ист.н.
А.А. Хадынская, к.филол.н., доцент

Ответственный редактор:
А.П. Чалова, к.филол.н.

Переводчик:
М.О. Бенская

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: chalova_ap@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
------------------	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Россия будет прирастать Сибирью», посвященной памяти
почетного гражданина г. Сургута, талантливого краеведа И.П. Захарова
(16 декабря 2017 года, Сургутский государственный университет)*

Шумилов Е. Н.

Уход новгородцев из Западной Сибири во второй половине XIII в.: причины и последствия.....	7
--	---

Солодкин Я. Г.

Об источниках формирования гарнизона Сургута в конце XVI – первой четверти XVII вв.	11
--	----

Задорожня О. А.

Ирбитская ярмарка и купечество Тобольской губернии (последней четверти XVIII – начала XIX вв.).....	16
---	----

Кобелева Е. И., Томилов И. С., Федотова Д. Ю.

Березовский уезд (округ) в этно-демографическом и административном отношениях во второй половине XIX – начале XX вв.	21
---	----

Делицой А. И.

Анализ объявлений о знакомстве в «Брачной газете» ((Иркутск, 1919 г.)	25
---	----

Аксарин В. В.

Кооперация Севера на страницах «Кооперативного листка».....	30
---	----

Загороднюк Н. И.

Е. Е. Колосов в Тобольской ссылке.....	35
--	----

Давыдова А. О.

Из истории гужевого транспорта Сургутского района в 1930-е – 1950-е гг.	41
--	----

Бытко О. А.

О трудовых буднях на промышленных предприятиях Тюмени в годы Великой Отечественной войны	44
--	----

Миropyчев С. В., Алексеева Л. В.

Об изменении национального состава населения Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939 – 1945)....	51
--	----

Орлов М. А.

Документы фондов региональных и местных органов власти и управления как источник по истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интегрированных НКВД – МВД СССР (на примере Государственного архива Кемеровской области).....	55
--	----

Долголюк А. А.

Использование теории модернизации при изучении истории развития строительной индустрии и ее кадров в Советское время.....	60
---	----

Араловец Н. А.

Инфекционные болезни горожан РСФСР в 1960-е годы.....	65
---	----

Ташлыкова М. И., Труфанова Ж. Н.

Революционная тематика в деятельности учреждений культуры Югры в 1966 – 1970 гг.	70
---	----

Соколов С. Н.	
История формирования города Нижневартовска.....	75
Стась И. Н.	
Вахтовый метод в системе расселения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960-е – 1980-е гг.)	81
Веселов С. И.	
Организация системы управления автодорожным строительством на Севере Западной Сибири в 1960-е – начале 1990-х гг.	87
Мантикова Э. К.	
Физическая культура и спорт на предприятиях Минэнерго СССР в Западно-сибирском нефтегазовом комплексе (конец 1960-х – начало 1990 г.)	92
Кирилюк Д. В.	
Организация летнего отдыха школьников в Югре во второй половине 1970-х гг.	98
Кузнецова А. А.	
Участие немцев Сибири в борьбе за свободу передвижения и эмиграции из СССР в 1970-е – 1980-е гг.	103
Клевакин А. Н.	
Архитектор Генрих Васильевич Иванов.....	109
Солодовников А. Ю.	
Развитие сельского хозяйства Нефтеюганского района в начале XXI века.....	114

К 25-ЛЕТИЮ СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Стрельцова Н. Я.	
Сургутский государственный университет: от создания до признания.....	121
Прищепа А. И.	
Г. П. Щедровицкий, Г. И. Назин и историческая школа в СурГУ.....	131

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Плеханова Н. П.	
Представления выпускников психологических направлений о своей карьере.....	137
Хохлова Н. И.	
Сюжеты ролевых игр у современных дошкольников.....	145

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдуллина Л. И.	
Идентификация «Credo» Асель Омар: эффект «дежавю».....	151

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бурханов Р. А.	
Представления о происхождении и строении мира в мифологии ханты и манси.....	159
Наши авторы	164
Требования к оформлению материалов	168

Дорогие друзья!

Представленный вашему вниманию выпуск журнала «Северный регион: наука, образование, культура» содержит результаты научных исследований участников Всероссийской научно-практической конференции «Россия будет прирастать Сибирью», посвященной памяти почетного гражданина г. Сургута, талантливого краеведа И. П. Захарова.

Авторы журнала представляют различные города России (Кемерово, Новосибирск, Пермь, Тобольск, Нижневартовск, Сургут) и ближнего зарубежья. Среди авторов как ученые, преподаватели, аспиранты и студенты из Сургутского государственного университета, Нижневартовского государственного университета, Новосибирского университета архитектуры, дизайна и искусств, Восточно-Казахстанского государственного университета, так и сотрудники Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, а также краеведы.

Основная тематика статей по истории связана с различными аспектами изучения истории региона в контексте общего развития российского государства от Древней Руси до настоящего времени и отражает вектор развития северного края, его тесную связь с историей всей страны и уникальность формирования собственного жизненного уклада. Это и развитие купечества в Тобольской губернии в XIX веке, и жизнь спецпереселенцев в годы коллективизации, и время советской «оттепели», и новейшая история Западной Сибири. Ученых интересуют не только значимые исторические вехи в развитии края, но и вопросы урбанизации, сохранения этнической идентичности народов и успешного взаимодействия в полиэтническом регионе, проблемы развития экономики и управления, регионального и муниципального социально-экономического развития ХМАО – Югры, особенности функционирования отдельных отраслей экономики (розничной торговли, агропромышленного комплекса, машиностроения), формы функционирования финансово-кредитной сферы в историческом аспекте. Также авторы уделяют внимание исследованию практических проблем в области гуманитарного знания: изучению новых литературных произведений, воспитанию молодого поколения в современных образовательных учреждениях, вопросам профессиональной ориентации и социализации в северном регионе.

Рубрика, посвященная 25-летию юбилею Сургутского государственного университета, содержит материалы об истории становления первого университета в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, его значении в развитии научного потенциала региона и об исключительной роли в этом развитии первого ректора СурГУ Г. И. Назина. Редакция выражает особую благодарность кандидату педагогических наук, доценту Надежде Яковлевне Стрельцовой и доктору исторических наук, профессору Александру Ивановичу Прищепе за помощь в работе над этой рубрикой.

Желаем читателям найти много интересного и полезного для работы среди многообразия публикаций. Успехов Вам в научном труде!

*С уважением
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»*

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«РОССИЯ БУДЕТ ПРИРАСТАТЬ СИБИРЬЮ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА
Г. СУРГУТА, ТАЛАНТЛИВОГО КРАЕВЕДА И.П. ЗАХАРОВА**

*(16 декабря 2017 года,
Сургутский государственный университет)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.1)«13»

Шумилов Е. Н.
Shumilov E. N.

УХОД НОВГОРОДЦЕВ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

DEPARTURE OF THE PEOPLE OF NOVGOROD FROM WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIII CENTURY: REASONS AND CONSEQUENCES

В статье описывается период начала освоения русскими природных богатств Западной Сибири. Данная тема еще не получила должного отражения в отечественной историографии. Это объясняется в первую очередь скудостью источниковой базы. Только в последние десятилетия ее заметно расширили исследования археологов. Они позволили установить время появления в Западной Сибири русских людей и время их ухода отсюда. Автор рассматривает указанную проблему на фоне исторических процессов, происходивших в Восточной Европе в X–XIV вв., которые позволяют понять причины ухода русских из Западной Сибири и последствия данного решения.

The article is dedicated to the problem of the development of natural resources in Western Siberia by the Russian people. This topic is underreported in the national historiography. This is primarily due to the paucity of the source base. Only in the last decade it has considerably expanded by the research of archaeologists. They allowed establishing the appearance in Western Siberia of the Russian people and the time of their departure from there. The author considers this problem against the backdrop of historical processes that took place in Eastern Europe in the 10–13th centuries, which allow to understand the reasons for the Russians departure from Western Siberia and the consequences of this decision.

Ключевые слова: новгородцы, Западная Сибирь, освоение.

Keywords: the people of Novgorod, Western Siberia, development.

Природные богатства Сибири издавна интересовали население Восточной Европы. В X–XIV вв. наиболее активными пользователями этих богатств являлись волжские булгары. Еще в IX в. они проникли в земли предков удмуртов (чепецкая культура), в начале X в. – в земли предков коми-зырян (вымская культура) и коми-пермяков (родановская культура) [2, с. 153; 12, с. 126, 141]. Область верховий реки Камы, где обосновались булгары-торговцы, получила название Верхняя Булгария, или Чулыман, сами они стали именоваться чулыманскими купцами. Жители Волжской Булгарии торговали с чулыманскими купцами, те вели меновой торг с югрой – предками современных ханты и манси (в археологическом плане это представители петрогромской, юдинской, нижнеобской, усть-ишимской культур), населявшими Зауралье. Торговый путь купцов проходил по реке Каме и ее левому притоку, Вишере, с выходом на восточный склон Уральских гор. Булгары через посредничество чулыманских купцов получали из Югории меха соболей, белок, горностаев и других промысловых животных. Затем этот товар вновь перепродавался в Булгарии и шел в страны исламского Востока. Жители Сибири получали от купцов изделия из металлов и украшения [8, с. 31–34; 12, 210–216].

Рассказы о богатствах Югры волновали соседей булгар, в первую очередь новгородцев, которые во второй половине XI в. нашли свой оптимальный вариант пути в Сибирь: по рекам Сухона, Вычегда, Вымь и верховьям Печоры. С местными финскими племенами – печорой и зырянами – новгородцы первое время торговали (об этом говорят найденные здесь западноевропейские монеты), затем, поняв, что товары можно получить даром, принудили их платить дань [12, с. 126–130].

Точно так же новгородцы вели себя в Зауралье. В конце XI в. они, как и чулымские купцы, осуществляли обмен товарами с уграми низовой Оби [4, с. 265–267], а к середине XII в. обложили их данью. Однако ситуация здесь была иной, чем в Предуралье. У сибирских угров, в отличие от финских племен, существовал институт вождизма, а также имелась племенная знать – князьки, проживавшие в укрепленных поселениях – городках. И все же новгородцы сумели привести угров к покорности и даже закрепиться на их территории. В низовьях Оби и устье Иртыша археологи раскопали городища Перегребное I, Шеркалы I, Уки II, относящиеся к XII – первой половине XIII вв., на которых выявили срубные дома с печами-каменками, участки деревянных мостовых, характерных для Новгорода, многочисленные вещи, присущие жителям Новгородской республики. Это были торговые фактории. Наряду с новгородцами в них проживали носители вымской культуры. Судя по наличию керамики, ими являлись зырянские женщины, служившие новгородским сборщикам дани (данникам) в качестве проводников и походных подруг [12, с. 208–209, 214–215].

Не всегда походы в Югру были для новгородцев удачными. Порой они получали вооруженный отпор не только со стороны зауральских угров, но и предуральских финнов. Так было в 1187 и 1193–1194 гг.: тогда погибли многие данники [3, с. 229, 232–233]. Описание похода 1193–1194 гг., сделанное летописцем, позволяет установить, что новгородцы прибывали в Югру к октябрю, когда здесь начинался охотничий сезон, и покидали ее в конце зимы, чтобы успеть доставить меха западноевропейским потребителям с началом навигации [12, с. 232–233].

В Предуралье и Сибири интересы новгородцев столкнулись с интересами чулымских купцов, уже прочно освоивших местный сырьевой рынок. Артефакты XII – первой половины XIII вв., выявленные археологами в Западной Сибири в большом количестве и на значительной территории, свидетельствуют: новгородцы здесь занимали доминирующее положение [12, с. 214–215].

Во второй половине XII в. к двум соперничающим сторонам – новгородцам и булгарам – присоединилась третья – владими́ро-суздальские князья, также заинтересованные в югорских мехах. Они действовали сразу на два фронта: как против булгар, так и новгородцев. Их первый удар пришелся на булгар. В 1164 г. владимирский князь Андрей Боголюбский в результате военного похода уничтожил город Бряхимов – главный торговый центр Волжской Булгарии [7, с. 77].

Через пять лет, в 1169 г., князь Всеволод Большое Гнездо, брат Андрея Боголюбского, направил полк в даннические области Новгорода, что привело к вооруженному конфликту с новгородцами [3, с. 221]. Для того чтобы контролировать торговые пути новгородских данников, он заложил в 1178 г. у слияния рек Сухона и Юг «град Гледени» [1, с. 257]. Это привело к некоторой зависимости Новгорода от Владимиро-Суздальского княжества. Теперь владимирский князь защищал не только свои, но и новгородские интересы. В 1183 г. он воевал с Булгарией, но без большого успеха [3, с. 227].

В 1207 г. Всеволод Большое Гнездо посадил на княжение в Ростове своего сына Константина и дал ему в удел пять городов, включая Великий Устюг (первое упоминание в источниках этого города), расположенный на реке Сухона, близ Гледена. Булгары не могли смириться с конкуренцией со стороны владимирских князей. В ходе похода 1219 г. они взяли и разграбили Великий Устюг [6, с. 116]. В качестве ответных действий

владимирский князь Юрий Всеволодович в июне 1220 г. направил свои полки на болгар. В ходе похода они сожгли многие «градки» и села Верхней Булгарии (Чулымана), а их жителей убили или пленили, тем самым парализовав на время болгаро-чулыманскую торговлю [6, с. 116–117].

Монгольское нашествие 1236–1238 гг. нанесло тяжелый удар по экономике Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальского княжества. В выигрыше оказался Новгород, до которого монголы не дошли. Теперь новгородцы могли монопольно торговать с Югрой и грабить ее. Однако продолжалось это недолго. В 1259 г. в Новгород прибыл с татарами князь Александр Невский. Он, как и его отец Ярослав, последовательно проводил промонгольскую политику на подвластной ему территории. Для монголов Александр являлся ценной находкой, так как хорошо знал слабые стороны Новгородской республики, поскольку был здесь князем. Он потребовал от новгородцев признать власть монголов, в противном случае угрожал им татарским погромом. Вспыхнувшее в Новгороде восстание «грозный» князь (такое определение дал ему новгородский летописец) жестоко подавил [3, с. 309–311]. Новгородцы были переписаны и обложены данью, которая распространялась и на обширные колонии Великого Новгорода. В Великий Устюг для сбора дани прибыл татарский баскак Буга [11, с. 47–48]. Не исключено, что именно Буга, выражая интересы болгарских купцов (баскаки, как правило, назначались монголами из числа болгар), уже оправившихся после монгольского погрома, запретил новгородцам ходить в Югру. Это привело к их уходу из Западной Сибири: во второй половине XIII в. следы пребывания здесь новгородцев исчезают [12, с. 215].

Уход новгородцев из Сибири означал для них потерю важнейшего источника ценных мехов, в частности соболя. В Предуралье соболь водился, но его мех был худшего качества. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что именно с этого момента начался необратимый процесс распада колониальной «империи» Новгорода, который растянулся на два столетия.

Место новгородцев заняли болгарские и чулыманские купцы, за спинами которых стояли золотоордынские правители, кровно заинтересованные в развитии транзитной торговли между Югрой и своим Булгарским улусом и в получении доходов от нее. Главными потребителями сибирских мехов являлись Индия, Иран и Китай [10, с. 236]. Булгарско-чулыманско-югорские торговые отношения сохранялись вплоть до распада Золотой Орды.

Однако новгородцы не оставляли надежды вернуть свои позиции в Югре и периодически направляли за Урал данников. Теперь им противостояли ростовские князья, в руках которых находился Великий Устюг. Устюжане нападали на новгородцев, возвращавшихся из Югры, или не пускали их туда. Тем самым они нарушали договор, существовавший между ними и новгородцами, относительно прохода данников через устюжские земли и уплаты за это пошлины. Подобное имело место в 1323 и 1329 гг. [3, с. 309–311].

В 1320-е гг. активизировались московские князья. Юрий Данилович, выступив на стороне новгородцев, взял «на щит» Великий Устюг, а его брат, Иван Калита, породнившись в 1328 г. с ростовским князем Константином Васильевичем, не преминул отправить на Печору ватагу рыбаков [3, с. 309; 6, с. 169]. Теперь московские князья безнаказанно хозяйничали в новгородских владениях по рекам Вычегда и Печора. Оказавшиеся не у дел новгородские сборщики дани выродились в разбойников-ушкуйников, которым было все равно кого грабить: туземцев или своих.

Свой последний поход по старому маршруту новгородцы совершили в 1364 г. Тогда они «по Обе реки до моря» и «на верх Оби воеваша» [6, с. 64–65]. Московский князь Дмитрий Донской отстранил от управления Великим Устюгом князя Константина Васильевича за то, что тот пропустил новгородцев [1, с. 267–258]. Новгородцы вынуждены были найти новый путь в Югру: он оказался очень трудным, так как шел по приполярной

области, с выходом в Северный Ледовитый океан, через систему порожистых рек и волоков по тайге и тундре [9, с. 333]. Однако закрепиться в Сибири основательно им так и не удалось.

Литература

1. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257–258.
2. Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 153.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 659 с.
4. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 265–267.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1848. Т. 4. С. 64–65.
6. ПСРЛ. М. ; Л., 1949. Т. 25. С. 116–117.
7. ПСРЛ. М.; Л., 1978. Т. 34. С. 77.
8. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М. : Гл. ред. восточ. лит., 1971. С. 31–34.
9. Герберштейн С. Записки о Московии. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 333.
10. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 236.
11. Устюжский летописный свод. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 47–48.
12. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. 522 с.

*Солодкин Я. Г.
Solodkin Ya. G.*

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ГАРНИЗОНА СУРГУТА
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ.¹**

**ABOUT THE SOURCES OF GARRISON FORMATION OF SURGUT
IN THE LATE 16th AND EARLY 17th CENTURIES**

О некоторых источниках формирования сургутского гарнизона в конце XVI – первой четверти XVII вв. в значительной мере можно судить по прозвищам казаков, зафиксированных окладной книгой 1625/26 г. и рядом других документов. Эти казаки являлись выходцами из 20 с лишним уездов Европейской России, преимущественно Поморья и Приуралья. В состав гарнизона Сургута вскоре после его основания влилась станица атамана Т. Иванова, включавшая донских, терских и «сольских» (видимо, волжских) казаков. Те же источники складывания служилого населения во многом присущи Березову и Томску первых десятилетий их существования.

Some of the sources of formation of Surgut garrison at the end of 16th and the first half of 17th centuries, generally, can be judged by the nicknames of the Cossacks recorded in the 1625/26 tax census book, and a number of other documents. These Cossacks were descendants from 20 to 30 uyezds of European Russia, mainly Pomorye and the Cis-Urals. The garrison of Surgut shortly after its foundation was joined by Ataman T. Ivanov's stanitsa that included Don, Terek and "solsky" (apparently, the Volga) Cossacks. The same sources of the service population formation are largely inherent by Berezov and Tomsk in the first decades of their history.

Ключевые слова: Сургут, гарнизон, источники его формирования, служилые люди, их происхождение, казачество, окладная книга 1625/26 г.

Keywords: Surgut, garrison, sources of garrison formation, service people, their origin, the Cossacks, 1625/26 tax census book.

В 1594 г., видимо, летом, отправленный из Москвы отряд письменного головы В. В. Аничкова, к которому вскоре присоединился служивший накануне в Тобольске воевода князь Ф. П. Барятинский, заложил Сургут – второй по счету (вслед за возникшим годом прежде Березовым) русский город в Югорской земле. В 1596 г. гарнизон Сургута, насчитывавший в пору основания крепости 155 ратных людей, пополнился «присланными» из столицы 112 казаками, стрельцами, черкасами и литвинами. Численность местных служилых в самом начале XVII в. достигла 280 человек, но затем стала сокращаться; так, в середине 1620-х гг. она составила 200–206 казаков, стрельцов и их «товарищей» [8, с. 98, 120; 17, с. 28–29, 32; 34, с. 13, 16, 18, и др.].

Источники формирования населения крепости, «срубленной» на правобережье «великой» Оби, при впадении в нее речки Бардаковки, еще не становились предметом специального изучения, хотя окладная книга 1625/26 г. по Сургуту – первая из сохранившихся – и ряд других документов позволяют рассмотреть многие аспекты этого вопроса, значимого для выяснения путей ранней русской колонизации Северо-Западной Сибири.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004.

В упомянутой окладной книге перечислены служившие люди, носившие прозвища Тверитин (О. А. Задорожная же считала, что фамилии «Тверитин» и т. п. получили распространение в Сургуте с последней четверти XVII в. [9, с. 40–41]), Олексинец (т. е., видимо, выходец из Алексинского уезда близ Тулы), Устюжанин, Уsoleц, Вычегжанин, Мезенец, Тюменец, Вымитин (надо думать, ранее живший на Выми – притоке Вычегды, что в Восточном Поморье, точнее Яренском уезде), Нижегородец, Белозерец, Пустозерец, Двинянин, Ярославец, Вологжанин, Торопчанин, Колмогорец, Поморец, Пермитин, Балахонец, Казанец, Сысолятин [24, с. 366–370]. Устюжане, вычегжане, двиняне, вологжане, колмогор(ц)ы, происходившие из разных уездов Русского Севера, упоминаются и в пельмских (конца XVI в.) и верхотурских (1620-х гг.) документах [13, с. 346; 15, с. 64; 16, с. 97, 100–101]; колмогор(ц)ы встречались в Тобольске и Березове [1, с. 299; 21, с. 60, 88; ср. 4, с. 82; 24, с. 375]. Выходцами из того же региона Европейской России, очевидно, являлись и мезенец, белозерец, поморец, сысолятин (так или сысоlichem называли обитателя бассейна Сысолы – притока Вычегды, что в Яренском уезде [2, с. 145, 147, 153, ср. с. 150]), пустозерец (немало пустозерцев, кстати, служило в березовском гарнизоне [4, с. 87; 18, с. 55; 23, с. 363, 370]). Усольцами называли жителей Соликамского и Сольвычегодского уездов [20, с. 56]. Пермитины часто значатся в документах по Пелыму, Березову и Верхотурью [4, с. 85; 13, с. 346, 354; 15, с. 64; 16, с. 99–101; 24, с. 353, 354]; в этих городах, да и Томске встречались и те, кто слыли казанцами [13, с. 386, 410; 14, с. 371; 15, с. 64; ср. 7, с. 75]. Немало вымичей и ярославцев несло службу в Березове, а нижегородец упоминается в верхотурской документации [3, с. 81; 4, с. 85, 88; 16, с. 97; 18, с. 124; 24, с. 353, 358]. Окладная книга за середину 1620-х гг. опровергает заключение, что Торопчиновы (Торопчаниновы) известны в Сургуте с конца XVII в. [10, с. 25], к тому же казак Иван Торопчинов служил там еще в начале междоусобия [30, с. 29]. Василий Тюменец являлся в 1616 г. томичом, а затем – одним из первых атаманов Енисейского острога [2, с. 37, 39, 79; 5, с. 12; 14, с. 676, 699, ср. 483, 624, 629; 24, с. 377, 386].

Благодаря разборной книге гарнизона Томска (1680/81 г.) мы узнаем о том, что этот город, а десятилетием прежде Сургут «ставили» пять москвичей («москвитинов»), два новгородца, ярославец, вологжанин, важенин (иначе говоря, ранее живший на берегах Ваги в Центральном Поморье), яренчанин [26, с. 63; 27, с. 18, 19]. (Служилые, носившие прозвище «Новгородец», попадались среди березовцев и тоболяков [1, с. 6; 24, с. 395, 396, и др.]). Та же разборная книга сохранила сведения о переводе из Сургута в Томск четырех москвичей, одного служилого, до появления в Сибири жившего в Великих Луках, неподалеку от Пскова, одного крапивенца (родиной которого, видимо, была Крапивна близ Тулы), одно соликамца, одного березовца, а также Ивана Коломк(н)ина (Коломны) [26, с. 63; 27, с. 18; ср. 13, с. 415]. В состав гарнизонов Сургута, а потом Томска входили и другие казаки, накануне являвшиеся березовцами [4, с. 82–83]. Обратим внимание и на тот факт, что являвшийся в середине 1620-х гг. сургутским казаком Тагинашко Анфилофьев (как и его брат Нехорошко) прежде «годовал» в Маковском остроге, куда был «прислан» из Березова [14, с. 290–292; 24, с. 366, 369].

В Сургут вскоре после его «поставления» перевели ранее находившуюся в Пельме станицу атамана Т. Иванова, включавшую донских, терских и «сольских» (т. е. «польских» или, вероятнее, волжских казаков) [29, с. 10–13]. (О Т. Иванове и казаках его «прибору», кстати, упоминается в адресованном очередному сургутскому воеводе наказе, составленном в 1595 г., а не три года спустя, как писал Н. И. Никитин [17, с. 26–27]). Заметим, что казаки, прославившие Терскими, позднее служили в Тобольске, Томске и Енисейске [1, с. 6; 5, с. 18; 13, с. 341–342, 345, 435, 438]. Донцов было немало и в Березове почти со времени его основания [4, с. 81, 85, 101, примеч. 56, и др.]. Примечательно, что в 1609/10 г. в Кетском остроге «годовал» сургутянин Л. Донской [14, с. 281]. Так, очевидно, именовали вначале выходцев с Дона. Со временем это прозвище сделалось фамилией,

которую носили, к примеру, некоторые воронежские помещики XVII в. [22, с. 135, 137, 186; 31, с. 23].

В 1596 г. среди сургутских казаков числился Савва Корела [24, с. 315]. Служилые с таким прозвищем, а подчас и именем нередко встречались в Сибири [2, с. 188; 14, с. 271, 272; 16, с. 98]. За 1601 г. сохранилась челобитная сургутян во главе с десятником Иваном Ладогой [32, с. 27; 33, с. 18]. В числе первых казаков крепости, «срубленной» близ устья Сальмы, состоял Василий Костромитин [6, с. 28; ср. 1, с. 14]. В Нарыме, где, подобно Кетску, «годовали» сургутяне, в 1612/13 г. находился Петр Каргополец [13, с. 432; ср. 15, с. 65] – не исключено, принадлежавший к «московским сведенцам» (или их потомкам), которых еще в 1585/86 г. сослали «в опале» из столицы в Каргополь, а затем отправили на «сибирскую Украину» с князем П. И. Горчаковым, основавшим Пелым [11, с. 37–38]. Почти одновременно с Сургутом в Среднем Прииртышье была заложена Тара, откуда, видимо, вскоре в город, построенный отрядом В. В. Аничкова, перевели казака Я. Вергуна [21, с. 74].

По завершении московской Смуты в Сургут начали ссылать черкас и литвинов. Одним из последних являлся Я. Плешевский, который в 1623 г. «годовал» в Енисейском остроге [8, с. 125; 34, с. 11]. Включать Плешевского в число литвинов из гарнизона этого острога [2, с. 37; 28, с. 93, 118] не приходится. Как замечал еще Н. Н. Оглоблин, Плешевский в 1625/26 г. относился к служилому «миру» Сургута; там находился и его двор [19, с. 120; 24, с. 375]. Кстати, еще в 1599 г. разрядному воеводе окольному С. Ф. Сабурову предписывалось выслать одного из опальных дворян Быкасовых из Тобольска в Сургут [25, с. 39], но, было ли это сделано, неизвестно. Мнение же, будто «литва», черкасы, поляки, немцы, попавшие в «Сургуцкий город» вскоре после его основания, – это военнопленные, нельзя признать оправданным [30, с. 26–27].

Считается, что сургутские казаки конца XVI в. являлись преимущественно выходцами из северных русских уездов [33, с. 48], из Поморья и Центральной России, а также Березова и Тобольска [12, с. 117]. Но тоболяки (их было самое большее несколько десятков) во главе с князем Ф. П. Бярятинским приняли участие лишь в основании пятого по счету русского города в «Сибирской стране» и, очевидно, вернулись обратно уже поздней осенью 1594 г., как и отряд из Березова под предводительством казачьего головы М. П. Норова и атамана Д. Базарова. В числе первых сургутян, напомним, кроме ранее живших в поморских уездах и центре Московского государства находилось и немало служилых с северо-запада (Новгорода, Твери, Великих Лук, Ладogi, Торопца), из Среднего Поволжья (Нижнего Новгорода, Балахны) и Приуралья (Перми, Усоляя), да и казаков с Дона, Терека и, надо полагать, Волги, «литвы» и черкас.

Итак, служилое население Сургута рубежа XVI–XVII вв. имело разнообразное происхождение, хотя в рядах местного гарнизона тогда, скорее всего, могли преобладать уроженцы Русского Севера.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. СПб. : Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. 2, IV + 438 + 29 с.
2. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 303 с.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 376 с.
4. Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург : Сократ, 471 с.

5. Бродников А. А. О причинах и последствиях енисейского бунта 1626 г. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв.* Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. С. 11–19.
6. *Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.* М.: б. и., 1982. Вып. 1, 160 с.
7. Дмитриев А. А. Кучумов Искер на Иртыше // *Тобольский хронограф.* Екатеринбург : Уральский рабочий, 1998. Вып. 3. С. 71–82.
8. *Древний город на Оби: История Сургута.* Екатеринбург : Тезис, 1994. 327 с.
9. Задорожная О. А. Сургутское купеческое общество в последней четверти XVII – первой четверти XIX в. // *Очерки истории Сургута / науч. ред. А. И. Прищепа.* Сургут : Диорит, 2002. С. 36–49.
10. Колева Г. Ю. Коренное население Сургута: штрихи к истории рода казаков Торопчиновых // *Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Третья научно-практ. конф. (г. Сургут, 26 – 29 ноября 2013 года): мат-лы.* Сургут : Издательско-полиграфический комплекс, 2013. Ч. 2. С. 23–32.
11. Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII в.) // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : сб. ст. памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова.* М. : Наука, 1973. С. 37–59.
12. Литвинчук М. С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII – начале XX вв.: этнонациональная характеристика // *Вестник Сургут. гос. пед. ун-та.* 2013. № 6 (27). С. 114–119.
13. Миллер Г. Ф. *История Сибири.* 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
14. Миллер Г. Ф. *История Сибири.* 2-е изд., доп. М. : Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
15. Мосин А. Г. Антропонимическое наследие Верхотурья//*Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. 26 – 28 мая 1998 г.: Екатеринбург – Верхотурье.* Екатеринбург: Изд-во ИИиА УрО РАН, 1998. С. 63 – 67.
16. Мосин А. Г. О времени и формах утверждения трехчленной структуры именованья в русской антропонимии (на материалах Среднего Урала) // В. О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : мат-лы науч. конф. (Пенза, 25 – 26 июня 2001 г.). М. : Наука, 2005. Кн. 2. С. 95–106.
17. Никитин Н. И. *Служилые люди в Западной Сибири XVII века.* Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1988. 254 с.
18. *Обдорский край и Мангазея в XVII веке : сб. док.* Екатеринбург : Тезис, 2004. 199 с.
19. *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин.* М. : Университетская типография, 1895. Ч. 1, 421 + I + VIII с.
20. Парфентьев Н. П. Усольская школа в древнерусском певческом искусстве XVI – XVII вв. и произведения ее мастеров в памятниках письменности // *Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма / отв. ред. Е. К. Ромодановская.* Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1985. С. 52–69.
21. *Первое столетие сибирских городов: XVII век.* Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 190 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).
22. *Переписная книга Воронежского уезда 1646 года.* Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 208 с.
23. *Русская историческая библиотека.* СПб. : Типография Ф. Г. Елеонского и К⁰, 1884. Т. 8, XVI + II с. + 1292 + 52 стлб.
24. *Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы.* М. : Галерея, 2007. 591 с.

25. Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень : Мандр и К°, 2006. 111 с.
26. Скульмовский Д. О. Разборная книга 1680/81 г. как источник по ранней истории томского казачества // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. Вып. 5. С. 57–65.
27. Скульмовский Д. О. Томская разборная книга 1680/81 г. как источник по ранней истории сургутского казачества // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : колл. моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. Ч. 3. С. 15–24.
28. Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. 212 с.
29. Солодкин Я. Г. Из Пельма в Сургут (О судьбе станицы атамана Т. Иванова) // Вестник Сургут. гос. ун-та. 2015. Вып. 4 (10): Исторические науки и археология. С. 10–13.
30. Солодкин Я. Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Диорит, 2002. С. 25–35.
31. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII века. Воронеж : [б. и.], 1894. Вып. 1: Десятни по Воронежу. 36 с.
32. Ульянова А. Е. Структура сургутского гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI–XVII вв. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 18–31.
33. Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI – начале XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). С. 47–54.
34. Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. С. 10–19.

УДК 94(571.12)

Задорожная О. А.
Zadorozhnyaya O. A.

**ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА И КУПЕЧЕСТВО ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.)
IRBIT FAIR AND MERCHANTS OF TOBOLSK PROVINCE
(THE LAST QUARTER OF THE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES)**

В статье исследуется проблема участия купечества городов Тобольской губернии последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. в Ирбитской ярмарке в качестве поставщика, продавца и покупателя. Показан основной и второстепенный ассортимент товара, в котором заинтересованы зауральские купцы. Выделена роль Ирбитской ярмарки для купечества Западной Сибири как основного центра торговли с российскими оптовыми торговцами.

The article examines the problem of the participation of the merchants of the Tobolsk province cities in the last quarter of the 18th and early 19th centuries in the Irbit Fair as a supplier, a seller and a buyer. The main and minor range of goods is shown, in which the Zauralsk merchants are interested. The role of the Irbit Fair for the merchants of Western Siberia as the main center of trade with Russian wholesale traders is singled out.

Ключевые слова: ярмарка, купечество, Тобольская губерния, Ирбит, пушнина, товар, гостиный двор, лавка, торговля.

Keywords: fair, merchants, Tobolsk province, Irbit, fur peltries, goods, Gostinyi dvor, small shop, trade.

Ярмарочная форма торговой деятельности способствовала при отсутствии регулярного транспортного сообщения между регионами обмену товарами собственного производства и транзитными. Для купечества Тобольской губернии в указанный период Ирбит был единственным торговым центром для приобретения европейского и сбыта азиатского, китайского и сибирского товара. Эта ярмарка играла роль от мелкого торжка до оптового рынка, который был привлекательным для различных категорий торговцев [12, с. 31]. Отметим, что здесь велась торговля как в розницу для низших сословий, так и оптом для состоятельного купечества. Сроки проведения ярмарки были определены еще во времена царствования Михаила Федоровича: конец января – март месяц, что позволяло побывать во многих обменных центрах Сибири, в том числе Кяхте [10, с. 134]. Пик торговой активности приходился на вторую половину февраля и длился до середины марта. Как правило, к этому времени прибывали российские, иностранные поставщики европейского товара и начинался обмен на товары сибирского купечества.

Также важнейшим аспектом для сохранения и развития Ирбита являлись исторические события конца XVIII в.: статус города небольшой населенный пункт получил, после того как жители не только не поддержали восстание Е. Пугачева, но и оказали сопротивление, создав отряд для сопротивления мятежникам [5; 6, с. 317]. В знак благодарности Екатерина Вторая разрешила жителям не строить обязательные торговые помещения, а вести торговлю в собственных домах или постоянных дворах. Этой привилегией пользовались все купцы, в том числе сибирские, имеющие собственные или арендованные дома и торговые помещения. Оптовая торговля проводилась в закрытом помещении без присутствия лишних людей, а розничная – только на рыночной площади.

Тобольский губернатор Чичерин приказал создать в городе магистрат, ратманов для которого каждый город Тобольской губернии должен был присылать на 1 год [11, с. 48].

Так, обязанности ратманов выполняли тобольский купец Смирноборовков, туринский купец Красиков, вновь записавшийся купец Архимандритов [13, с. 31].

Ирбит стал самым западным торговым центром для купечества Западной Сибири, а Макарьевская – для Восточной Сибири. Такое разделение не только ослабляло конкуренцию во внутренних районах Сибири, но и привлекало в качестве торговцев различные слои населения, которые могли приобрести в одном месте российские, немецкие, китайские, персидские и бухарские товары. Сюда же приезжали «греки, армяне, евреи, бухарцы из владений калмыцкого князя Галдана-Церена: ...и всякий товар привез с собой своей земли и провез через Архангельск вино, французскую водку и прочие...» [15, с. 300]. В начале XIX в. в «Казанских Известиях» публиковались ежегодные отчеты об Ирбитской ярмарке, где «купцы были почти всех городов Российских и сверх того Армяне, Бухарцы, Ташкенцы, Татары Казанские и тамошних губерний» [16, с. 244].

По данным источников, в 1814 г. и 1816 г. на ярмарке постоянно присутствовало 287 (всего 290) и 421 (423) гильдейских купца (см. табл. 1). В 1816 г. Ирбитскую ярмарку посетило на 183 купца больше, чем два года назад. В целом наблюдалось увеличение численности торговцев, в том числе за счет купцов из центра России – на 71 человека, Поволжья – на 19 человек, Урала – на 12 человек. Больше всего увеличилось число приезжающих купцов из сибирских городов на 75 человек.

Таблица 1

Количество купцов, торговавших в Ирбите в 1814 г., 1816 г.

[15, с. 300-301; 16, с. 244-245]

Регион	1814 год		1816 год	
	человек	%	человек	%
Сибирь	107	36,9	182	38,5
Урал	64	22	76	16
Европейская Россия (без Поволжья)	84	29	155	32,8
Поволжье	31	10,7	50	10,6
другие территории России	4	1,4	10	2,1
Всего	290	100	473	100

На Ирбитской ярмарке присутствовали купцы из обеих частей Сибири, но численное преимущество было у представителей Западной Сибири. Если обратиться к губерниям, то первенство принадлежало городскому купечеству Тобольской губернии, на которых приходилось в 1814 г. – 26,6%, в 1816 г. – 16,3% от общего числа. В Ирбите в 1814 г. на ярмарке торговало 77 купцов из 8 городов указанной губернии (Ишим, Курган, Омск, Тара, Тобольск, Тюмень, Туринск, Ялуторовск), в 1816 г. из 10 городов (дополнились к первому списку – Березово и Сургут). На Ирбитскую ярмарку приезжали тобольские купцы (1814 г. – 24, 1816 г. – 43 человека), тюменские (12,11), ишимские (30,4), туринские (3,6), тарские (1,6) курганские (4,1), ялуторовские (2,1), омские (1,1), березовские и сургутские (1816 г. по 4 человека). Так, все города Тобольской губернии были представлены собственным купечеством, что обеспечивало местный рынок товарами из Ирбита. В документах отсутствуют данные о численности иностранных купцов, например, в 1831 г. их было 53 человека [4].

Особое положение Ирбита среди ярмарок России обеспечивало «обязательное участие» в торгах королевского товара, которым для купечества Тобольской губернии была мягкая рухлядь (см. табл. 2). Вся вывозимая из Сибири пушнина сбывалась «высокого качества» на Ирбитской, а «худшего качества» – в Кяхте.

Далее мягкая рухлядь поставлялась на запад России, так как российские купцы являлись только перекупщиками сибирского товара для Европы. Конечно, спрос на

различные виды пушного зверя диктовался европейским рынком, например, шкурки зимнего бобра шли на мужские шубы, летние бобры – на шляпки, а жирные бобры на верхнюю одежду.

«Прямая торговля, т.е. торговля, производимая непосредственно с нацией, у которой покупают из первых рук, гораздо выгоднее», – отмечал Дьяконов. Но купечество Тобольской губернии предпочитало быть только поставщиками товара для российских перекупщиков. Предположим, что тобольский, ишимский или омский купец отправился в Курск, Варшаву или Париж. Этот путь занял бы около года, т.е. купец не посетил бы ни Кяхтинскую, ни местные ярмарки. Но и российский купец не смог бы сбыть свой товар в Ирбите, т.е. нарушение движения королевского товара в одном месте вызвало бы «хаос» на всероссийском рынке. Даже начатая не вовремя Кяхтинская ярмарка отражалась на Ирбите – «Кяхтинские отпуска двумя месяцами опоздали <...>, следовательно, <...> Ирбитская ярмарка осталась без китайских товаров, что вексельный курс там будет туг... легко можно предугадать, в какой тон, повсюду взойдут цены на чай, китайку» [15]. Да и поездку в европейскую часть России купцы Тобольской губернии считали «весьма дорогим удовольствием» из-за больших дорожных расходов и вынужденного повышения цен на товары.

В первой четверти XIX в. наблюдалось некоторые колебания товарооборота Ирбитской ярмарки в сторону увеличения. 1816 г. являлся некоторым исключением из-за ограниченности в несколько лет китайской торговли по политическим мотивам и восстановления народного хозяйства Российской империи после Отечественной войны 1812 г. Купечество в 1824 г. смогло доставить товара на 5 162 805 рублей больше чем десять лет назад. При этом на товар гильдейских купцов Западной Сибири в среднем приходилось от 60 до 70%.

Таблица 2

Соотношение привезенного и проданного товара на Ирбитской ярмарке (1803–1824 гг.) [7, с. 430; 15, 16]

Год	Объем товарооборота (рублей)	
	привезено	продано
1803	*	3.692.500
1814	2.015.800	3.871.910
1816	11.907.125	20.281.725
1824	7.178.605	5.457.847

Примечание: данные отсутствуют.

Ирбит имел две важные особенности, связанные с товаром: не весь товар купцам удавалось продать; часть не проданного товара купцы оставляли до следующей ярмарки. Поэтому в документах нередко сумма проданного товара превышала общую оценку привезенного. Так, в 1814 г. Ирбит «был переполнен» товаром из Степи, Кяхты и внутренних территорий Сибири, доставленный сибирскими купцами. Повысился спрос на шелковые ткани, которых было ввезено немного, но с прошлого года остался запас – это позволило удовлетворить потребности покупателей полностью [14]. Среди непроданного товара чаще всего упоминались шелковые и бумажные ткани [20, с. 3–6].

Ассортимент Ирбитской ярмарке состоял из товаров, привезенных российскими, иностранными и сибирскими купцами. В 1785 г. последними были куплены таганрогская бакалея, грецкие и волоцкие орехи, изюм, чернослив, рожки, винные ягоды и немного деревянного масла [9]. Большая разница между ярмарочными ценами и продажными на местах обеспечивала прибыль купцов, например, на 2 тысячи наличных рублей можно было купить 10 тысяч пудов ржаной муки, 4 тысячи четвертей овса, 100 лошадей, 400 коробов или хороший дом с надворными постройками в Ирбите. Не только сибирское, но

и российское купечества не имело достоверных сведений о ситуации на мировом рынке, поэтому не всегда могли предугадать спрос на конкретные товары. После Отечественной войны 1812 г. из-за разорения промышленных предприятий товара было из центра мало.

Вторую группу товара привозили купцы в основном Тобольской и Томской губерний: китайка, различные бумажные изделия, «пряденая бумага», шелковые ткани и т. д. После 1810-х гг. наблюдался высокий спрос на мед, который стали продавать за серебро, а пушнина ежегодно повышалась в цене от 5 до 10 рублей. В описи товаров тарского купца за 1772 г. М. Бекешева указаны группы товаров, которые были доставлены в Ирбит: ушканины (5 294 штуки), медведей (5), соболей (26), хвостов собольих (28), красных лисиц (45), волков (4), хорьков (627), рыбного клея (38 фунтов), коровьего масла (60 пудов) [1; 2, л. 1 об.]. Купец распродал весь товар, полученная прибыль была в два раза больше предполагаемой. В целом пушнина в указанный период пользовалась большим спросом среди покупателей. Это связано с тем, что помимо самих гильдейских купцов на ярмарке присутствовала группа закупщиков товара из других регионов.

Большая часть российского и европейского товара покупалась купцами Тобольской, Томской, Енисейской, Пермской, Оренбургской губерний и Омской области. Для организации торговой деятельности в Ирбите был построен каменный гостиный двор, в котором число лавок с 158 увеличилось до 272, большинство сдавалось в аренду [12, с. 300]. Например, лавки сибирского купечества в 1814 г. были заполнены самым востребованным товаром в гостинном дворе: 10 – с чаем и китайкой, 9 – с кожей; вне гостинного двора: 20 лавок с рыбой, шелковыми и другими товарами, 5 – с пушниной [19, с. 300]. При необходимости на торговой площади города устраивали 152 временных балагана для продажи в розницу штучного товара и продуктов питания [3, с. 247–249].

При достаточно большом объеме привезенного товара у купцов была возможность купить его по низким ценам, но отсутствие в стране стабильной финансовой системы не позволяло это делать. Поэтому купцы вынуждены были обращаться к «заимодавцам», т.е. частным лицам, но и они оказались не готовы к такой ситуации. Из-за отсутствия товара или не продажи часть срочных кредитов оказалась неоплаченной и продлевалась до Макарьевской ярмарки, где была надежда на получение наличных денег. Расплатиться за товар сразу купцы не могли также по причине большого ассортимента товара и длительного периода ярмарки. Ишимские купцы составляли «заклучения условий по торговым записям с отсрочкой платежей до ярмарок...», в том числе в Ирбите и Шадринске [4, с. 171–174].

Таблица 3

Объемы оплаты за приобретенный товар на Ирбитской ярмарке (1814-1831гг.)
[14–16; 20].

Год	Наличными		Векселями		Осталось товара на		Всего рубль
	рубль	%	рубль	%	рубль	%	
1814	2774060	55,3	1097850	21,9	1143890	22,8	5015800
1815	*	*	*	*	*	*	9509765
1816	8803615	73,9	1478110	12,4	1625400	13,7	11907125
1831	*	*	*	*	*	*	3396389-50

Примечание: данные отсутствуют.

Отсутствие кредитующих учреждений становилось важной проблемой сибирских ярмарок в целом. По данным Казанских Известий в 1813 г. купцы жаловались на отсутствие наличности. Так, в 1814 г. было продано товара на 5015800 рублей, из которых наличные было оплачено только 2774060 рублей или 55,3%, выписано векселя на -1097850 рублей или 44,7%. Нередко стороны приобретали товар в долг или с отсрочкой платежа,

например, в 1814 году сумма векселей составляла 20% от той, на которую был продан товар, в 1816 году – 15% [14–16].

Так, Ирбитская ярмарка в последней черти XVIII – первой четверти XIX вв. являлась одним из важных торговых центров для Зауральского края. Она выполняла роль не только крупного оптового пункта, но и мелкой ярмарки, торжка и даже биржи. В конце XIX века сибирские купцы в обращении к председателю Общества содействия промышленности и торговли графу Н. И. Игнатьеву писали: «Для торгового сословия Сибири Ирбитская ярмарка всегда имела, и будет иметь огромное значение как удобный пункт обмена сибирских произведений на фабрично-заводские изделия и, особенно, по торговым сношениям с богатыми заводами горного Урала, продукты которого приобретаемы для Сибири на Ирбитской ярмарке <...> Более чем двухвековое существование служит доказательством полного соответствия пункта, существующим требованиям, тяготевшего к нему промышленного района...» [8, с. 120–125]. На протяжении вышеуказанного периода Ирбит оказывал большое влияние на появление новых купеческих сфер вложения капитала. Например, из-за отсутствия централизованных транспортных путей купцы стали заниматься доставкой груза как по сухопутным трактам, так и по рекам [16–19].

Литература

1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. 364. Оп. 1. Д. 68.
2. ГБУТО. Ф. 382. Оп. 2. Д. 43.
3. Древняя российская Вивлиофика. М. : изд. Н. И. Новиковым, 1791. Ч. 18. 455 с.
4. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М.: В тип. Грачева, 1862. Т. 3. 414 с.
5. Заволжский Муравей. 1832. Ч. 1. № 1
6. Заволжский Муравей. 1832. Ч. 1. № 6.
7. Известия о Ирбитской ярмарке // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1829. № 32.
8. Ирбитский ярмарочный листок. 1895. № 32.
9. Ирбитский ярмарочный листок. 1896. № 20.
10. Ирбитский ярмарочный листок. 1910. № 1.
11. Ирбитская ярмарка. Справочная книжка на 1915 г. Ирбит : Изд-во А. А. Аникина, 1915. 48 с.
12. Исследование Ирбитской ярмарки на основании переписи в феврале 1880 г. Пермь : Тип. Губернского правления, 1882. 302 с.
13. Казанские Ведомости. 1832. № 4.
14. Казанские Известия. 1813 г. № 17.
15. Казанские Известия. 1814 г. № 21.
16. Казанские Известия. 1816 г. № 66.
17. Казанские Известия. 1816 г. № 67.
18. Казанские Известия. 1816 г. № 68.
19. Казанские Известия. 1816 г. № 69.
20. Прибавление к Казанскому Вестнику. 1832. № 16.

УДК 94(571.12)«19/20»:314.12:39

Кобелева Е. И., Томилов И. С., Федотова Д. Ю.
Kobeleva E. I., Tomilov I. S., Fedotova D. Yu.

**БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД (ОКРУГ) В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ
И АДМИНИСТРАТИВНОМ ОТНОШЕНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.¹**

**BEREZOVSKY UYEZD (OKRUG) IN ETHNODEMOGRAPHIC
AND ADMINISTRATIVE APPROACHES
IN THE SECOND HALF OF 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

В статье дается характеристика этнодемографических процессов в Березовском округе (уезде) Тобольской губернии, рассматривается его административно-территориальное деление. В течение полувека (середина XIX – начало XX вв.) в обозначенных территориально-хронологических рамках произошли изменения, уступавшие аналогичным процессам в соседних регионах, но позволявшие говорить о наметившихся сдвигах в жизнедеятельности населения Березовского уезда: прирост населения, увеличение количества населенных пунктов и др.

The article gives characteristics of the ethnodemographic processes in the Berezovsky okrug (uyezd) of Tobolsk province, it deals with its administrative-territorial division. For half a century (the mid-19th and early 20th centuries) in the marked spatio-temporal framework there changes have taken place, inferior to similar processes in the neighboring regions, but showed the emerging changes in the livelihoods of the Berezovsky uyezd people: population growth, increase in the number of settlements etc.

Ключевые слова: Березовский округ (уезд), этнос, демография, волость, населенный пункт.

Keywords: Berezovsky okrug (uyezd), ethnicity, demography, volost, populated place.

Территория Березовского округа (с 1898 г. – уезда) к концу XIX в. вместе с площадью поверхности внутренних водоемов составляла 606 998,5 кв. верст (690 791,5 км²), из них площадь суши – 604 442,2 (687 882,3 км²). Для сравнения: площадь европейской части (континентальной метрополии) Великобритании составляла 242 495 км², Франции – 547 030 км², Германии – 357 021 км², Италии – 301 340 км². Уезд являлся самым большим в Тобольской губернии, занимая 49,6% ее территории, 4,7% – Сибири и 3,5% – страны (см. рис.).

Несмотря на впечатляющие размеры, по численности населения уезд находился на предпоследнем (9-ом) месте среди административно-территориальных единиц губернии, опережая только Сургутский: к 1897 г. здесь проживали 22 481 чел. (11 235 мужчин, 10 176 женщин), или менее 1,5% населения региона; к 1 января 1900 г. – 22 194, к 1903 г. – 19 227, 1904 г. – 24 730, 1909 г. – 25 755, к 1 января 1913 г. – 27 608 [13, с. 3-5; 3, с. 76; 15, с. 2, 59; 4, с. 5-7; 11, с. 7; 6, с. 4].

Приведенные демографические данные условны, к ним необходимо относиться критически. Так, на 1891 г. официальные статистические источники зафиксировали в

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

Березовском округе 29 141 селянина, к 1892 г. – уже 21 472, в 1897 г. – 22 481. Вместе с тем численность всего населения округа всего за 6 лет (1891-1897) снизилась сразу на четверть – с 31 258 до 23 551 чел. Естественный прирост населения уезда за 1890 г. составил всего 318 чел., или около 1% от жителей региона [13, с. 4-5; 5, с. 39; 2, с. 35].

Рис. Площадь Березовского округа в Тобольской губернии

Таким образом, судя по нехарактерным для уезда колебаниям численности населения, данные официальных источников (материалов Всероссийской переписи 1897 г., списков населенных мест, памятных книжек и календарей Тобольской губернии и др.) противоречили друг другу и представляли собой недостоверную картину в силу различных причин: от естественных (охват территории и невозможность учета сезонно кочевавшего населения) до искусственных (однотипность отчетности и халатность чиновников, ответственных за учет местных жителей).

В течение 50 лет доля березовцев в общей численности населения Тобольской губернии составляла: в 1862 г. – 2,4%, 1868 г. – 2,3%, 1891 г. – 2,2%, 1892 г. – 1,7%, 1897 г. – 1,6%, 1904 г. – 1,2%, 1913 г. – 1,4%. За исключением последнего десятилетия доля жителей Березовского уезда неуклонно сокращалась (с 1862 по 1904 гг. – в 2 раза) [6–9].

Ни волны переселений, ни увеличение числа ссыльных, ни демографический всплеск рождаемости, пришедший на начало XX в., не смогли существенно увеличить темпы прироста населения.

В округе во второй половине XIX в. за неполные 30 лет (1868-1897) убыло 1169 чел. (–5,18%), бóльшая часть убивших (632 чел.) пришлась на Березов (–37,13%) [2, с. 35; 5, с. 39; 14, с. 120, 123]. В последующие 16 лет (1897-1913) численность жителей уезда увеличилась всего на 5 414 чел. (24 %), в том числе: в 1897 г. – на 484 чел., 1900 г. – 644, 1906г. – 468, 1910 г. – 192, 1913 г. – на 1450 чел. [6, с. 21; 7, с. 27, 29; 8, с. 34; 9, с. 25]. Плотность населения в округе/уезде на протяжении полувека (1850-е – начало 1910-х гг.), в отличие от показателей по губернии, оставалась неизменной и составляла: с окружным

городом – 0,04 чел. на кв. версту (0,046 на 1 км², или 1 чел. на 21 км²), только для сельской местности – 0,03 (0,034, или 1 чел. на 29 км²). Для сравнения: по всей губернии этот показатель в 1868 г. равнялся 0,75 (без учета городов – 0,7), в 1897 г. – 1,18 (0,99), в среднем для 50 губерний Европейской России – 22,12.

Такое положение вещей было обусловлено удаленным расположением административного центра уезда, а также в значительной мере зависело от природно-климатических предпосылок, влиявших на степень заселения местности. Географически территория уезда делилась на две части:

– наиболее обширная северная (зона полярных тундр) включала в себя районы Крайнего Севера с арктическим и субарктическим суровым климатом, где проживали преимущественно представители коренного населения;

– благодаря частичному расположению на территории Западно-Сибирской низменности условия в южной (таежной) части уезда (зоны лесистых болот и высокоствольных лесов) были более мягкие, но из-за резко континентального климата не способствовали активному заселению.

Среднегодовая температура на территории уезда имела отрицательные величины. Суммарно около семи месяцев в году она держалась ниже 0°С: морозы приходили уже в октябре (фиксировались даже в апреле), непродолжительное лето сопровождалось северными ветрами, а осень наступала уже в августе. Разница между температурами января и июля в Березове составляла около 34°С (для сравнения: в Тобольске – 32, в Западной Сибири – 31,4, на Северо-Востоке Европейской России – 27, в центральных губерниях – 24,5, в Прибалтике – 19,4, Восточной Сибири – 37,6, в том числе в Якутске – до 47) [13, с. 9-10; 16, с. 4, 13; 10, с. 125-126, 140-141].

В этнографическом отношении к 1904 г. во всем Березовском уезде, включая административный центр, проживало: 10 649 остяков (ханты), 6 207 самоедов (ненцев), 5 338 русских и зырян, 2 530 вогулов (манси), 6 татар. Таким образом, доля автохтонного населения составляла почти 4/5 от жителей уезда [4, с. 5–7]. К 1912 г. остяки и зыряне проживали по всей территории уезда: оленные (владеющие оленями) – только в северной части уезда, на Обдорском участке (ассимилировались с самоедами); рыболовы – в Тобольском и Сургутском уездах, звероловы – в районе Березова и севернее. Самоеды обитали в крайне северной части. Обская губа делила их на 6 родов каменных (от верховий р. Соби вдоль Уральского хребта до Карского моря и Архангельской губернии) и 9 родов низовых (между Обскими и Тазовскими губами и далее на восток до Енисейской губернии; небольшая часть также проживала в Куноватской, Ляпинской и Казымской волостях). Вогулы жили в южной части (восточный склон Уральского хребта в верховьях р. Сосьвы и по р. Ляпину), где смешивались с остяками. Русское население концентрировалось в основном в Березове, в селах Кондинском, Елизаровском и Обдорском [2, с. 12; 16, с. 12].

В административном отношении к 1893 г. уезд включал 10 волостей со 178 населенными пунктами, к 1906 г. – 11 волостей с 258 населенными пунктами (для сравнения: в 1860-е гг. – 157, к 1909 г. – 200, к 1912 г. – 259). Наиболее крупными среди них были д. Белогорье, с. Елизарово, с. Сухоруковское, с. Кондинское, с. Троицкое, с. Кушеватское, с. Мужы, юр. Шурышкарские, с. Обдорск и др. Более половины пунктов была сосредоточена в Котской (56), Куноватской (52) и Ляпинской (36) волостях [1, с. 18, 38, 40; 5, с. 52; 9, с. 164; 16, с. 561–563]. Путаница со скачкообразным изменением количества населенных пунктов связана с сезонностью проживания автохтонов: большинство зафиксированных селений представляли собой юрты – небольшие зимние поселения инородцев, в которых проживало в среднем 30-40 чел. Юрты легко собирались, когда их владельцы решали сменить место своей стоянки, перенося ее в более удобное для охоты или пастьбы. Волости были сформированы по сословно-этническому принципу, из которых 3 были русскими, 8 – инородческими. Последние, в отличие от русских, делились не на сельские общества, а на роды.

В Березовском округе (уезде) на протяжении второй половины XIX – начале XX вв., несмотря на периоды спадов, неуклонно росла численность жителей (в том числе городских), увеличивалось количество населенных пунктов. Однако темпы прироста заметно отставали от соседних регионов. Нагляднее всего это проявлялось на показателях плотности, остававшихся практически неизменными на протяжении полувека. Уездный центр и наиболее крупные села, безусловно, росли, но оставались малочисленными даже по местным меркам. На протяжении десятилетий снижалась удельная доля березовцев в населении губернии. В этнографическом отношении 80% жителей уезда являлись представителями коренных народов, что накладывало специфический отпечаток как на административно-управленческое, так и на статистико-демографическое положение уезда в Тобольской губернии.

Литература

1. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1906 г. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1906. 146 с.
2. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10: Тобольская губерния. СПб., 1894. 329 с.
3. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1904. С. 281.
4. Дунин-Горкавич А. А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1904 году // Тобольские губернские ведомости. 1906. 7 февраля. С. 5-7.
5. Календарь Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1893. 372 с.
6. Обзор Тобольской губернии за 1900 год / Изд.-е Губернского статистического комитета. Тобольск : Тип. губернского правления, 1901. 85 с.
7. Обзор Тобольской губернии за 1905 год / Изд.-е Губернского статистического комитета. Тобольск : Тип. губернского правления, 1906. 91 с.
8. Обзор Тобольской губернии за 1910 год / Изд.-е Губернского статистического комитета. Тобольск : Тип. губернского правления, 1911. 88 с.
9. Обзор Тобольской губернии за 1911 год / Изд.-е Губернского статистического комитета. Тобольск: Тип. губернского правления, 1913. 114 с.
10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск : Тип. губернского правления, 1864. 463 с.
11. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск : Тип. губернского правления, 1909. 292 с.
12. Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск : Тип. губернского правления, 1914. 313 с.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. 78 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тобольская губ., 1905. 247 с.
14. Список населенных мест Тобольской губернии по сведениям 1868-1869 гг. Т. LX. Тобольская губерния. СПб. : Изд.-во Центрального статистического комитета МВД, 1871. 276 с.
15. Список населенных мест Тобольской губернии / сост. Губерн. стат. ком. по распоряжению г. тобольского губернатора, по сведениям, доставл. волостными правлениями в 1903 г. и проверенным с перепис. материалом. Тобольск : Тобол. губерн. тип., 1904. 341 с.
16. Список населенных мест Тобольской губернии : [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. Тобольск : Изд.-е Тобольского губернского статистического комитета, 1912. 366 с.

Делицой А. И.
Delitsoy A. I.

**АНАЛИЗ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ЗНАКОМСТВЕ В «БРАЧНОЙ ГАЗЕТЕ»
(ИРКУТСК, 1919 Г.)**

**SINGLES ADVERTISEMENTS ANALYSIS IN THE “BRACHNAYA GAZETA”
(IRKUTSK, 1919)**

Статья посвящена анализу объявлений знакомств в издаваемой в Иркутске в 1919 г. «Брачной газете» (характеристика гендерного и социального состава авторов объявлений, содержательный анализ). Преобладающие в текстах объявлений смысловые и эмоциональные мотивы увязываются с выделенными в исторической науке типичными социально-психологическими практиками людей в годы Гражданской войны.

The article is devoted to the analysis of the singles advertisements in the newspaper “Brachnaya Gazeta” published in Irkutsk in 1919 (characteristics of a gender and social composition of the authors of the ads, a descriptive analysis). The logical and emotional motives dominant in advertisements are linked to the typical socio-psychological practices of people in historical studies during the Civil War.

Ключевые слова: Гражданская война, история Сибири, социально-психологические практики в чрезвычайных ситуациях.

Keywords: Civil War, history of Siberia, socio-psychological practices in cases of emergency.

«Брачная газета» издавалась в Иркутске с июля по сентябрь 1919 г. В это время Иркутск находился под властью белых, причем в городе скопилось большое количество беженцев из других регионов России. Показательно, например, что даже перепись населения, проведенная в апреле 1920 г., после того как весьма значительная часть спасающихся от Советской власти вынужденных мигрантов ушла из Забайкалья на Дальний Восток, определила численность населения Иркутска в 123 747 человек, в т.ч., как минимум, 50 000 беженцев [10, с. 64].

Кроме того, в городе и округе находилось большое количество военнопленных. Так, на 1 сентября 1917 г. в округе содержались 390 германских, 7 080 австрийских и 657 турецких офицеров, 4 503 германских, 23 097 австрийских и 658 турецких солдат. В начале 1916 г. 8 800 из них находились непосредственно в Иркутске [10, с. 56].

Такая демографическая ситуация в Иркутске в рассматриваемый нами период времени еще больше обостряла потребность в модернизированных формах общения между людьми разных полов, актуальную для крупных городов.

Одним из способов такого общения стали объявления в «Брачной газете». Газета издавалась в четырехстраничном формате, с третьего номера установилась постоянная структура, выдерживаемая редакцией: объявления о знакомстве публиковались на 1 и 4 страницах, на 3 странице в рубрике «Почтовый ящик» помещались открытые ответы на объявления, на 2 странице размещались другие материалы: стихотворения, рассказы, очерки, ученые лекции о любви и отношениях между полами и т. д. Коммерческие объявления публиковались на всех четырех страницах газеты, но они никогда не доминировали в общем объеме номера.

Характерно, что уже в № 3 «Брачной газеты» редакция сообщала что «вследствие большого притока объявлений некоторые их них не могут быть напечатаны в настоящем

номере и будут помещены в следующем, который выйдет в увеличенном размере» [2, с. 1]. Интересно, что следующий № 4 газеты в итоге вышел в обычном размере, но при этом число помещенных объявлений в нем действительно резко возросло (очевидно, что они были напечатаны за счет урезания количества материала иного характера).

Вообще количественную динамику опубликованных в «Брачной газете» объявлений характеризуют следующие цифры: в № 2 опубликовано 17 объявлений о знакомстве (№ 1 газеты, к сожалению, не сохранился), в № 3 – 22, в № 4 – 38, в № 5 – 46, в № 6 – 48, в № 7 – 32, в № 8 – 22 [1–7]. Здесь хорошо видна поступательная динамика цифр вплоть до шестого номера газеты (от 1 сентября 1919 г.), после чего наступает сокращение числа напечатанных объявлений (что, скорее всего, связано с резким осложнением положения на колчаковском фронте).

Публикуемые в «Брачной газете» объявления о знакомстве предполагали три варианта общения. Первый – через личное обращение в редакцию (в этом случае ищущий партнера респондент указывал в своем объявлении выбранный им псевдоним), второй – через почту, до востребования (интересно, что при выборе такого варианта податели объявления чаще всего указывали не данные своего паспорта, а номер денежной купюры), наконец, третий вариант – через уже упомянутую выше рубрику «Почтовый ящик» на третьей странице газеты.

Вызывает интерес гендерный состав подателей объявлений. По нашим подсчетам, из 229 объявлений о знакомстве, опубликованных в №№ 2–8 «Брачной газеты», 135 (58,9%) принадлежали мужчинам и соответственно 85 (41,1%) – женщинам [1–7]. Довольно существенное преобладание мужской категории среди авторов объявлений, на наш взгляд, объясняется как половым составом населения города в данный период времени (военнопленные и мобилизованные принадлежали к мужской части населения), так и сохраняющимися в эту эпоху традиционалистскими социально-психологическими стереотипами, с точки зрения которых, публикация женщиной объявления о знакомстве в газете рассматривалась как не совсем достойный в моральном плане шаг. С другой стороны, следует отметить и тот факт, что преобладание мужчин среди авторов объявлений в газете не является абсолютно доминирующим, что свидетельствует о значительной активности, проявленной в трудные годы Гражданской войны, в поиске брачного (личного) партнера одинокими женщинами.

Изучение текстов объявлений знакомств позволяет выявить существенное преобладание интеллигентской категории населения среди их авторов. Так, из 229 объявлений знакомств в №№ 2–8 газеты в 85 респонденты прямо указывают свой интеллигентский статус (инженер, учительница, студент, курсистка, выпускник гимназии, химик-провизор, выпускник университета, артист и т. д.), еще в 30 объявлениях интеллигентность указывается как непереносимое (или предпочтительное) требование к потенциальному партнеру [1–7].

Некоторые сведения о степени результативности подачи объявлений в газете дает опубликованное сообщение от некоей дамы, в котором она сообщает, что получила на свои объявления, опубликованные под разными псевдонимами, 189 ответов, но, «к сожалению, никто не мог придумать оригинального ответа и письма большей частью составлялись пишущими по какому-то канцелярскому шаблону» [5, с. 1]. Как видим, данный автор оказался разочарован результатами своего опыта. Однако, с другой стороны, само число ответивших на его объявление выглядит весьма впечатляющим.

К тому же далеко не все авторы объявлений были столь привередливыми. При изучении материалов газеты удивляет как раз обратная черта, характерная для многих подателей объявлений, – сверхоперативность в совершении акта выбора партнера из числа откликнувшихся на объявление. Так, например, в № 2 газеты (20 июля 1919 г.) было опубликовано объявление от девушки Нины, намеренной выйти замуж за «молодого человека, серьезного, интеллигентного труженика, стремящегося к уютной, тихой

семейной жизни», причем указывалось, что знакомство состоится «после предварительной переписки» [1, с. 1], а уже в следующем номере от 3 августа Нина сообщает следующее: «Довожу до сведения всех, написавших мне, что мною уже сделан выбор и что в недалеком будущем я выхожу замуж за своего избранника» [2, с. 4].

Можно увидеть, что между публикацией объявления о знакомстве Нины и сообщением о ее грядущей свадьбе прошло всего 14 дней, и этот пример является далеко не единичным. Такая быстрота в принятии столь важного жизненного решения может быть объяснена только особыми условиями Гражданской войны.

Важно отметить также, что, по нашим подсчетам, среди напечатанных в №№ 2–8 «Брачной газеты» объявлений 18 (почти 8%) принадлежали иностранцам, среди них – 5 «чехов» (как известно, так тогда называли всех жителей Австро-Венгрии), 3 китайца, 2 жителя Японии (японец и японка), в числе авторов объявлений-иностранцев фигурируют и такие экзотические для Забайкалья персоны, как итальянец и англичанка [1–7]. Очевидно, что такого рода объявления пользовались повышенным спросом, поскольку иностранный статус потенциального партнера указывался в качестве предпочтительного (или даже неперемного) условия во многих объявлениях газеты. По всем видимости, здесь сказывалось характерное для значительной части населения стремление любой ценой избавиться от бедствий Гражданской войны.

Подавляющее большинство объявлений свидетельствует о достаточно выраженном секулярном характере мировоззрения их авторов. Указания на религиозные характеристики потенциального партнера фигурируют в числе неперемных условий или предпочтений в объявлениях нечасто.

Более того, в данной газете публиковались объявления и сомнительного с точки зрения названия данного печатного органа характера. Так, например, в № 3 появилось сообщение следующего содержания: «ВЕСЕЛО кто желает провести время, советую написать в контору «Брачной газеты». «ВЕСЕЛОЙ!» [2, с. 4]. То, что данное сообщение было понято в весьма показательном смысле, свидетельствует ответ на него уже в следующем номере: «ВЕСЕЛАЯ! Пишу на страницах газеты. Что за веселье, и какой ценой можно купить таковое?» [3, с. 4].

При изучении объявлений о знакомстве в «Брачной газете» удивляет большое количество текстов явно романтического плана. Например, женщина, назвавшаяся «Пламенной», пишет следующее: «СГОРЕТЬ хочу на костре любви» [1, с. 1]. В целом ряде объявлений присутствуют стихи явно романтического содержания. Так, один из авторов цитирует строки лермонтовского «Демона»: «Я тот, чей взор надежду губит / Едва надежда расцветет / Я тот, кого никто не любит / И все живущее клянет», а далее поясняет: «Если найдется Тамара, которую я смог бы полюбить, пусть черкнет мне письмецо» [6, с. 1]. Автор под псевдонимом «Поэт» публикует похожие по психологическому настрою строки: «Я тот, кто любит все земное / Я тот, кто любит все вокруг / Кто любит чистое, святое / Я тот, кого ты ждешь, мой друг!» [5, с. 1]. Девушка под псевдонимом «Гражданка» начинает свое объявление словами: «САМООТВЕРЖЕННО могу любить» [3, с. 4]. Уже упомянутая выше Нина в ответном объявлении благодарит Г-на А. Т-ко «за милое письмо, проникнутое искренностью» [2, с. 4].

Чем можно объяснить такой расцвет романтизма в то трудное время, когда в стране полыхала Гражданская война? В последнее время ученых привлекает исследование особенностей повседневной жизни в чрезвычайных обстоятельствах (войны, революции и т. д.). Так, Е. Ю. Дубровская отмечает целесообразность обращения историков и представителей других гуманитарных наук «к исследованию стратегий выживания человека в условиях военного времени, к повседневным социальным и культурным практикам военных и гражданского населения в чрезвычайных обстоятельствах» [8, с. 32]. Однако в самой ее статье, посвященной изучению Карелии в годы Гражданской войны, специфические повседневные практики населения в данный период укладываются

во вполне привычные для историографии рамки паттернов насилия, одичания, попрания законов и т. д. [8, с. 34–43]. Такой подход представляется нам слишком узким, не позволяющим увидеть всю мозаику социально-психологических практик эпохи.

Перспективным дополнением к нему, на наш взгляд, является подход О. М. Морозовой, обратившей внимание на повторяющийся в исследуемых ею биографиях и личных текстах участников Гражданской войны мотив романтической любви. При этом в отношении одного из исследуемых героев она резонно отмечает следующее: «Почему Николай Гикало зимой 1919 г. медлил уходить со своими отрядами из Грозного... Не потому ли, что в Шатое находилась Айша?... После попытки суицида Гикало совсем как романтический герой отправился в далекое путешествие – в Персию... А ведь в действительности он был весьма жесткий и прагматичный человек, знающий цену людям, способный даже на подлость. И если его поведение оказалось зависимо от романтического фактора и подчиняло ему и идею, и работу, и саму жизнь, то другие, более эмоциональные натуры наверняка действовали так же» [9, с. 161].

И далее О. М. Морозова высказывает весьма ценную обобщающую мысль: «Свидетели и участники этих отношений в полном соответствии с пуританством советской морали никак не отразили память о них в опубликованных воспоминаниях. Но немногие из обнаруженных любовных историй времен Гражданской войны могут быть признаны типичными примерами поведенческих практик в экстремальных условиях. Активным участникам тех событий состояние влюбленности помогало пережить и постоянную опасность, и моменты неуверенности в правильности выбранного пути, и потерю привычных ценностных ориентиров. Близкий человек становился тем стабилизатором ума, воли и психики, который позволял пережить нестабильность жизни» [9, с. 161].

Думается, что многие читатели иркутской «Брачной газеты» использовали ту же поведенческую практику, видя спасение от бедствий Гражданской войны в поисках романтической любви.

Таким образом, изучение брачных объявлений в «Брачной газете» позволило увидеть многие малоизвестные и непривычные реалии Гражданской войны. Выявленные в них социально-психологические практики отличаются значительной степенью многообразия (от сугубо прагматических до романтических).

Литература

1. Брачная газета. 1919. 20 июля. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_002%2Epdf&mfn=1803065&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).
2. Брачная газета. 1919. 3 авг. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_003%2Epdf&mfn=1803066&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).
3. Брачная газета. 1919. 13 авг. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_004%2Epdf&mfn=1803067&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).
4. Брачная газета. 1919. 23 авг. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_005%2Epdf&mfn=1803068&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).
5. Брачная газета. 1919. 1 сент. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_na

me=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_006%2Epdf&mf=1803069&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).

6. Брачная газета. 1919. 10 сент. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_007%2Epdf&mf=1803070&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).

7. Брачная газета. 1919. 19 сент. URL: http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cbrachgaz%5C1919%5Cbrachgaz_1919_008%2Epdf&mf=1803071&FT_REQUEST=&CODE=4&PAGE=1 (дата обращения: 14.10.2017).

8. Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: гражданская война в Карелии – время экстремальных ситуаций (1918-1920) // XX век и Россия: общество, реформы, революции : электрон.сб. Самара, 2016. Вып. 4. С. 31–43.

9. Морозова О. М. Любовные тексты участников Гражданской войны как исторический источник // Российская история. 2012. № 1. С. 148–161.

10. Новиков П. А. Иркутск в огне гражданской войны // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 56–64.

УДК 334.735(091) (571.12)+659.4(091)(571.12)

Аксарин В. В.

Aksarin V. V.

КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРА НА СТРАНИЦАХ «КООПЕРАТИВНОГО ЛИСТКА»¹

COOPERATION OF THE NORTH AT THE PAGES OF THE “COOPERATIVE LEAFLET”

В статье анализируются будни северной потребительской кооперации через материалы периодической печати. Объектом исследования стали содержание и оформление «Кооперативного листка», приложения газеты «Северянин». Исследование материалов газеты позволяет дополнить существующее в исторической науке представление о жизни северных кооперативных объединений в 20-х гг. XX в.

The article analyzes the everyday life of the northern consumer cooperation, through the materials of the periodical press. The objects of the study were the content and design of the “Cooperative leaflet” – an appendix of the newspaper “Severyanin”. A study of the materials of the newspaper makes it possible to add to the existing view in historical science of life of northern cooperative associations in the 1920s.

Ключевые слова: кооперация, периодическая печать, селькор, корреспондент, Север Западной Сибири.

Keywords: cooperation, periodical press, rural correspondent, correspondent, North of Western Siberia.

В двадцатые годы XX в. периодически происходят изменения, касающиеся печатных изданий как России в целом, так и отдельных регионов. Например, в 1923 г. перестает издаваться газета «Тобольский Север», на смену ей приходит газета «Северянин» – официальный орган Тобольского округа Уральской области. В «Северянине» печатались разнообразные материалы, основной тематикой которых была жизнь севера. Одно из ведущих мест редакция отводила теме кооперации, в частности деятельности Обь-Иртышского союза северных потребительских кооперативов – Северосоюза [2, с. 19]. С 11 мая 1924 г. стало выходить приложение к газете – «Кооперативный листок» («Северянин», №35) [3].

В советский период периодическая печать являлась средством массовой информации. Изучение материалов приложения «Кооперативного листка», выпускавшегося Северосоюзом совместно с редакцией газеты «Северянин» в 1924 г., дало возможность для рассмотрения и анализа их содержания, информативности как источника по истории потребительской кооперации. В общероссийском масштабе изучению периодической печати посвящены работы В. В. Кузнецова [5], Е. Ф. Семенова [8; 9]. По вопросам периодической печати северной потребительской кооперации специальных работ нет.

В пояснительной статье «Кооперативного листка» указывались причины его создания: «Время выдвинуло вопросы кооперативного строительства в деревне на первый план. <...> Северосоюз, совместно с редакцией «Северянина», решил приступить к изданию настоящего листка...» [3, с. 1]. В нем правление союза планировало давать

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX – первой половине XX вв.)».

ответы на все запросы населения по кооперативному строительству, освещать жизнь и деятельность кооперации на Тобольском Севере и в окружном центре, давать практические советы и указания на места [3, с. 1]. Одно из центральных мест в газете занимал вопрос жизни северного населения, который заключался в поисках оптимальных способов культурного, политического и экономического влияния на северян.

Первый номер «Кооперативного листка» вышел в свет с печатной машины тобольской типографии тиражом 2 000 экземпляров. Листок имел свою внутреннюю нумерацию. В «шпигеле», справа от заголовка, по верху первой полосы помещалась информация о том, что листок является бесплатным приложением к газете «Северянин», выходит не периодически. Ниже шла цитата: «Кооперация – торный путь к созданию социалистического общества». Приложение являлось вкладышем в газету, поэтому по формату было приближено к ней и представляло собой лист, отпечатанный с двух сторон.

Первенец кооперативной прессы уже с первой полосы информировал об итогах XI собрания уполномоченных Обь-Иртышского союза кооперативов, о задачах, стоящих перед кооперацией и обсуждавшихся на окружной партийной конференции, о работе на местах и состоянии низовой сети Северосоюза. На обороте листка были напечатаны Постановление ЦК РКП(б) «О внутренней торговле и кооперации» и статья Д. Чекмезова «Кооперация в районе р. Конды», снабженная аннотацией: «Долгое время кооперативы, разрушенные бандитским восстанием, не существовали. В 1923 г. народились вновь. Работа идет успешно» [3, с. 2]. Отметим, что практически все статьи, помещенные в листке, сопровождались краткими аннотациями. Еще одним положительным моментом можно считать тот факт, что с первого номера газета установила линию связи с читателями. В редакционной статье правление Северосоюза обратилось с просьбой ко всему населению, «как кооперированному, так и не кооперированному, присылать материалы (письма) по всем возникающим на местах вопросам» [3, с. 1]. Правление резюмировало, что интерес к листку у крестьян будет только тогда, когда крестьяне будут находить в нем ответы на свои собственные вопросы.

При рассмотрении содержания статей, анализа названий и информативной составляющей можно выделить ряд направлений или рубрик, освещавшихся в газете: «На местах», «Кооперативная хроника», «В правлении Северосоюза», «Низовая сеть Северосоюза» и т. д. Газета не содержала иллюстративного материала, однако все рубрики были ярко выделены более крупным черным шрифтом и разграничены горизонтальными и вертикальными полосами. На страницах листка можно было встретить большое количество цитат В. И. Ленина, реплик руководителей Северосоюза, а также формулировок задач, выдвинутых правлением союза перед своими кооперативами и членами пайщиками. Они выносились отдельно и печатались крупным шрифтом. Например: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма. Ленин», «Нам осталось “только” одно: сделать наше население настолько “цивилизованным”, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. “Только” это. Ленин», «Хороший кооператив не гонится за прибылями, не разбазаривает товаров в бессрочный кредит, а стремится наценкой только оправдать свои расходы и, давая в кредит, знает, когда получит и получает в срок», «Наша очередная задача – сокращение накладных расходов в кооперативной торговле» [3; 4].

В число авторов и корреспондентов «Кооперативного листка» входили председатель правления Северосоюза Я. Кошелев, заместитель заведующего организационным отделом союза Зубков, Д. Чекмезов. Активно сотрудничали с газетой корреспонденты П. И. Лопарев и селькор из с. Базьяны Н. Башмаков [1, с. 80]. Нередко статьи подписывались без указания конкретного автора, например, правлением Северосоюза, псевдонимом Кондинец, буквой П. Появление псевдонимов среди селькоров

было частым явлением. Оно свидетельствовало о достаточно критических замечках и статьях, опубликованных на страницах «Северянина» и «Кооперативного листка». Постепенно газета начала проникать в кооперативные общества. Повсеместно появлялись свои селькоры, освещающие деятельность кооперативов и будни северян. Нередко, из-за отражения правдивой жизни в статьях, происходили инциденты между селькорами и членами потребительских обществ. В «Северянине» за 28 августа 1925 г. была опубликована статья Березовского селькора, сообщавшая, что за свою заметку о продаже спиртных напитков и безобразиях в кооперативе «Экономия» член правления Мельников обрушил «гром и молнии» на местного селькора [6, с. 2]. В 1925 г. в Обдорске появился свой «миссионер» газетного дела – самоед Иван Осипович Хороля, подписчик газеты «Северянин». В с. Нахрачи Кондинского района трудились селькорами остяк Лаврентий и русский Кузнецов, они выписывали газеты, устраивали их читки вслух [7].

О чем же писал «Кооперативный листок»? Учитывая факт того, что инициатором издания был Северосоюз, поэтому и главными темами являлись пропаганда основных задач, стоящих перед кооперацией Севера. Это и включение в борьбу за культурную работу среди туземного населения, и снижение цен, и устранение в аппарате союза контрагентуры. Вот некоторые названия статей и заметок, размещенных в пятом номере листка от первого августа («Северянин», №64): «Надо подтянуться», «Сознательное отношение к делу», «Новые потреббщества», «Как работает Тундринский кооператив», «В Сургутском Потреббществе», «Дальнейшая работа» [4, с. 1].

Из указанных статей мы узнаем, что задолженность за первичными кооперативами с каждым месяцем возрастала и достигла к 1 июля 1924 г. – 660 000 руб. Такое положение дел объяснялось или затовариванием низовых потребительских обществ, или их сознательной задержкой средств союза в своем обороте. Поэтому с целью дальнейшей недопустимости подобных случаев правление союза решило начислять ежемесячно по 2% на остаток кооперативам-должникам и закрывать кредиты злостным неплательщикам. «Нечего хныкать и жаловаться на союз, а надо подтянуться в выполнении своих обязательств и этим самым дать возможность союзу предоставить периферии более полную товарную нагрузку», – резюмировал автор. В другой статье сообщалось, что «...в нынешнем году будут организованы две показательные засолочно-копильные мастерские: на Белогорском песке, и на «Зажимчаре» недалеко от Кушевата. Особое внимание будет обращено на сарайный способ засолки рыбы» [4, с. 1]. Среди первоочередных задач союза на ближайшее время выделялись следующие: выполнение летнего периода плана забросок, получение целевых долгосрочных кредитов для промыслово-рыбачьего населения, установление взаимоотношений с Центросоюзом, организация сбыта рыбы, вовлечение новых членов и организация новых потребительских обществ, увеличение товарооборота. Наблюдалась положительная динамика роста числа низовой сети союза: к первому мая 1924 г. количество потребительских обществ возросло с 55 до 60, а число пайщиков с 6 287 до 6 824 человек с паевым капиталом в 21 260 руб. Таким образом, к первому июня 1924 г. было кооперировано 16,6% всех домохозяев округа [4, с. 1].

Две трети полосы занимала рубрика «На местах». Она рассказывала о том, что пайщики Зенковского потребительского общества решили купить облигаций крестьянского займа на 500 руб. и отчислить 100 руб. на культурно-просветительные нужды. В июле 1924 г. на территории Демьянского района было организовано три потребительских общества: в д. Солянке, Юртах Кошелевских и с. Алымском. Паевый взнос во всех трех обществах установлен в 3 руб., а вступная плата – 25 коп. Членами-пайщиками кооперации стало преимущественно бедняцкое население, как более заинтересованное в ней. В Тундринском потребительском обществе открылась изба-читальня, литературы в ней было немного, однако население имело возможность получить полезные сведения и узнать, что творится в СССР и за границей. После полного развала

кооперативных организаций в Сургутском районе сообщалось еще в одной заметке, здесь в 1924 г. возникло потребительское общество. Местное население, особенно рыбаки, отнеслись к кооперации отрицательно. В организации общества приняли участие преимущественно служащие, внесшие 15 паев. Кооператив, испытав давление конкурентов со стороны государственных хозяйственных организаций и частных торговцев, увеличил свой оборот за полугодие в восемь раз, а количество его пайщиков возросло до 270 человек [4, с. 1].

Оборот листка на всю полосу содержал большую статью Я. Кошелева «Краткий обзор деятельности Правления «Северосоюза» Обь-Иртышского союза кооперативов за время с 1 января по 1 июля 1924 г.». Автор скрупулезно, по пунктам описал читателям состояние союза на 1 января, основные моменты политики правления с 1 января 1924 г., результаты хозяйственно-оперативной работы за 1923–1924 гг., производственную и организационно-инструкторскую работу союза, книжную торговлю и торговую политику, взаимоотношения с государственными и кооперативными организациями, поделился хозяйственно-оперативным планом на 1924–1925 гг. [4, с. 2].

В листке содержалась и кооперативная хроника, где сообщалось о созыве 25 августа 1924 г. в г. Екатеринбурге первого собрания уполномоченных Уральского областного союза кооперативов. Квота представительства на собрание устанавливалась следующая: от 2 000 человек – один уполномоченный. От Северосоюза на собрание направлялись четыре человека: три представителя – от периферии и один – от союза [4, с. 1].

К сожалению, количество выпущенных номеров «Кооперативного листка» за 1924 г. было небольшим (нам удалось найти только семь). За другие годы в материалах периодики государственного архива в г. Тобольске «Кооперативный листок» отсутствует.

С 28 марта 1928 г. (№ 40) газета «Северянин» была переименована в «Советский Север» – орган Тобольского окружкома ВКП(б) и окрисполкома [2, с. 20]. Однако с этого времени на Севере Западной Сибири потребительская кооперация перестает существовать, перейдя в новую интегральную форму кооперирования.

Как видим, будучи самодеятельным добровольным, открытым для всех слоев населения объединением, кооперация заботилась о просвещении и распространении необходимой информации среди населения Севера Западной Сибири. Используя периодическую печать, как наиболее доступное средство массовой информации, кооперация вела открытый отчет перед обществом о своей деятельности, информировала о задачах и планах на будущее. Объединившись с редакцией газеты «Северянин», правление Обь-Иртышского союза северных потребительских кооперативов оплачивало типографские расходы на выпуск приложения «Кооперативный листок», расширило сеть селькоров от кооперации, информировало членов пайщиков, кооперативы и желающих в них вступить о текущих делах Северосоюза, его жизни, проблемах и задачах. К чести редакционной коллегии «Кооперативного листка», положительные и критические заметки были сбалансированы на его страницах. Правление союза воспринимало критику как сигнал к действию и немедленно реагировало на возникающие проблемы низовой сети. Стоит отметить и влияние партийной линии на материалы листка. Газета публиковала постановления и официальные документы партийных организаций, касавшиеся кооперации. «Кооперативному листку» были присущи свобода мысли, литературное творчество селькоров, что, несомненно, позволяет говорить об особой роли печатного слова в среде кооператоров.

Литература

1. Аксарин В. В. Северосоюз в Западносибирской и Уральской периодике // Менделеевские чтения – 2004 : мат-лы науч.-практ. конф. Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2004. С. 78-80.

2. Белобородов В. К., Пуртова Т. В. Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике (1857–1944) : Библиогр. указ. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 400 с.
3. Кооперативный листок. – 1924. – 11 мая.
4. Кооперативный листок. – 1924. – 1 авг.
5. Кузнецов В. В. Критика в газетах и критика газет (анализ публикаций периодической печати по вопросам аграрных преобразований в Западной Сибири в середине XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2. С. 128-132.
6. Северянин. – 1925. – 28 авг.
7. Северянин. – 1926. – 17 янв.
8. Семенов Е. Ф. Газеты Западной Сибири в первое послевоенное десятилетие (1945-1955 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 128-132.
9. Семенов Е. Ф. Пресса и послевоенная модернизация: возможности и пределы производственной пропаганды (1946–1950) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10. История. С. 65-69.

*Загороднюк Н. И.
Zagorodnyuk N. I.*

Е. Е. КОЛОСОВ В ТОБОЛЬСКОЙ ССЫЛКЕ¹

Е. Е. KOLOSOV IN TOBOLSK EXILE

Статья посвящена последним годам жизни политического деятеля, публициста, литератора, сибирского библиографа Евгения Евгеньевича Колосова (1879-1937 гг.), проведенным в г. Тобольске. На основе опубликованных и неопубликованных источников раскрывается судьба политического ссыльного в годы массовых репрессий.

The article is devoted to the last years of life of a political figure, publicist, writer, Siberian bibliographer E. E. Kolosova (1879-1937), which were spent in Tobolsk. Based on published and unpublished sources, the article reveals the fate of a political exiled in the years of mass repressions.

Ключевые слова: Евгений Евгеньевич Колосов, политическая ссылка, репрессии, тюрьма.

Keywords: Evgeny Evgenyevich Kolosov, political exile, repressions, prison

Евгений Евгеньевич Колосов вошел в российскую историю как советский и политический деятель, библиограф, литератор, историк, редактор собрания сочинений социолога, литератора, публициста Н. М. Михайловского. В «Советской Сибирской энциклопедии» о нем помещена статья как о «видном представителе партии социал-революционеров, литераторе» [5]. Член партии социал-революционеров, он разделил участь однопартийцев и большую часть жизни провел в эмиграции, тюрьмах, ссылке.

Жизнь и творчество Е. Колосова связаны с Сибирью. Он родился в 1879 г. в г. Нерчинске Забайкальской области. Отец его, Евгений Яковлевич Колосов, разделял взгляды сибирских областников, являясь членом «потанинского кружка». После окончания Алексеевского реального училища Е. Колосов поступил в Томский технологический институт, позднее - слушал лекции в С.-Петербургском университете. С этого времени он начал заниматься политической и научно-исследовательской работой. Его убеждения совпадали со взглядами Н. К. Михайловского - публициста и критика, теоретика русского народничества. Вместе с В. М. Черновым, С. И. Гальпериным, М. Р. Гоцем, Н. С. Русановым, Р. В. Ивановым-Разумником Е.Е. Колосов стал одним из первых историографов этого научно-теоретического направления, занимался исследованием этой темы до последних дней жизни. В качестве научного редактора он принимал участие в подготовке к печати первого и третьего многотомного издания полного собрания сочинений Н. К. Михайловского. Им были опубликованы брошюры и статьи «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского (Теория разделения труда как основа научной социологии)» (1912), «К характеристике общественного мирозерцания Н. К. Михайловского» (1914), «Н. К. Михайловский. Социология. Публицистика. Литературная деятельность. Отношение к революционному движению» (1917) и др. Тема областничества нашла отражение и в других его публикациях – о М. П. Драгоманове, Г. Н. Потанине.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири в XIX – первой половине XX вв. (0408-2014-0024))».

Первую русскую революцию Е.Е. Колосов встретил в Москве. Он - участник Всероссийской октябрьской стачки. После подавления восстания Евгений Евгеньевич был арестован, бежал из-под стражи за границу, где вступил в боевую организацию партии эсеров под руководством Б. В. Савинкова. Жил в эмиграции в Италии, куда вывез архив Михайловского. Известно, что он был участником Штутгартского конгресса II Интернационала от партии эсеров [6].

Возвратившись в Россию в годы Первой мировой войны, в 1916 г. Колосов был сослан в Красноярск. Там он продолжал вести нелегальную политическую деятельность. Был призван в армию, в 1917 г. служил в 15-м пехотном запасном полку г. Красноярска. В том же году возглавил красноярскую организацию эсеров, редактировал антибольшевистскую газету «Наш голос» [8]. В июле 1917 г. был назначен комиссаром Кронштадта. Был избран депутатом Учредительного собрания и находился в Петрограде вплоть до января 1918 г. В 1919 г. – один из учредителей Сибирского земского полицейского бюро, части Иркутского полицмейстера, руководившего антиколчаковским движением в Сибири [5].

Определяя место и роль Е.Е. Колосова в гражданской войне, историографы отмечают, что он был «одним из руководителей антиколчаковского движения, входил в Политцентр, представлял его на переговорах в январе 1920 г. о создании Дальневосточной республики»[8], а также «первым исследователем аграрной политики Российского правительства»[8]. Размышляя о сути политических взглядов Е.Е. Колосова в период революции и гражданской войны, Д.Л. Шереметьева отмечает: «Политик и публицист Колосов на протяжении революционной эпохи оставался убежденным народником и патриотом. Он был идеалистом, видел смысл жизни в борьбе за воплощение лозунга партии эсеров «Земля и воля»... Представлениям Колосова о «воле» соответствовали политические завоевания Февральской революции 1917 г.: демократическая республика, декларирование свободы слова и собраний, широкие полномочия органов самоуправления... Виновниками разрушения «февральской» политической системы Колосов считал политиков, общественно-политические группы и партии. Главными и наиболее агрессивными из них, по мнению Колосова, были большевики...» [11, с. 80-81].

В 1920 г. Е.Е. Колосов был делегирован от земства в состав делегации Политцентра, участвовал в переговорах с представителями большевиков и Красной Армии в г. Таллинне. По дороге в Москву, куда он ехал для продолжения переговоров, был арестован местными органами ЧК и заключен в тюрьму.

Из архивных данных известно, что 11 августа 1920 г. Е.Е. Колосов был обвинен в «антисоветской агитации; в возбуждении солдат красноярского гарнизона и рабочих к вооруженному контрреволюционному выступлению; в участии в организации казачьего восстания в Красноярске и Иркутске»; ему вменялась «заведомая подготовка чехов к вооруженному восстанию и свержению советов; участие в организации народной армии; участие в расстрелах как члена партии эсеров» и т.д. Под предъявленным ему фактам обвинения не был признан виновным, вследствие чего был освобожден из-под ареста 12 августа 1920 г. В этом же деле приводится характеристика Е.Е. Колосова, данная Паскевичем (возможно, Г. Паскевичем, правым эсером, членом Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии в 1917 г.): «В то время он [Колосов – Н.З.] производил впечатление очень честного и глубоко серьезного человека, был одним из любимых учеников Михайловского... По складу своего характера был склонен к занятиям кабинетного порядка...» [1].

После освобождения Е. Колосов работал конторщиком Сибздрава, затем в 1922 г. вместе с семьей переехал в г. Петроград. Здесь он устроился на работу в редакцию «Красной вечерней газеты», вел отдел «Из прошлого», помимо этого, на экскурсионной базе Губполитпросвета проводил экскурсии по Петропавловской и Шлиссельбургской

крепостям, сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка» и других изданиях. Им был составлен «Спутник экскурсанта» по Шлиссельбургской крепости.

В 1923 г. он завершил работу над воспоминаниями о гражданской войне и сразу же приступил к работе над книгой «Сибирь при Колчаке» [3]. В 1924 г. им была написана книга о народовольцах – узниках Шлиссельбургской крепости. А в следующем году им была написана, на основании архивных материалов, книга о народовольцах, заключенных в «Государеву тюрьму – Шлиссельбург» [2]. В документальном повествовании внука Е.Е. Колосова указывается, что в этот период он написал статью о пребывании В.И. Ленина в Енисейской губернии в 1897 г.[4].

Супруга Е.Е. Колосова – Валентина Павловна Колосова (в девичестве – Попова) – разделила не только политические взгляды, но и тяжелую участь мужа. В Петрограде она занималась домом и помогала мужу, дочь училась в школе, а сын учился в Военно-инструкторском институте им. Толмачева.

4 мая 1925 г. Е. Е. Колосов был арестован в редакции «Красной вечерней газеты». Причина ареста – принадлежность к подпольной организации партии социал-революционеров, «ведущей контрреволюционную деятельность по подрыву и свержению Советской власти». В итоге – «содержание под стражей при ДПЗ [дома предварительного заключения – Н.З.] по 1-й категории [политический режим]». После ходатайства он получил возможность заниматься литературной деятельностью.

В обвинительном заключении от 28 июня 1925 г. указывалось, что вина гражданина Е.Е. Колосова, «бывшего члена Учредительного собрания при Колчаке в Сибири, ведшего активную борьбу против Советской власти, являвшегося членом Центрального бюро ПСР, активным руководителем Ленинградского эсеровского подполья и подполья Москвы» доказана и поэтому «интеллигента-литератора, обвиняемого по ст.60 УК РСФСР заключить в места лишения свободы, подведомственные органам ОГПУ, сроком на 3 года» [цит. по: 4].

7 июля того же года Ленинградским отделением ОГПУ было возбуждено дело по обвинению В.П. Колосовой в «контрреволюционной деятельности» – принадлежности к подпольной организации партии эсеров. 10 июля 1925 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ по делу Колосова Евгения Евгеньевича по ст.60 УК РСФСР постановило «заключить в места лишения свободы, подведомственным ОГПУ, сроком на 3 года, с зачетом предварительного заключения». 21 августа 1925 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ вынесло обвинение по ст.61 УК РСФСР и постановило заключить Колосову Валентину Павловну «в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на 3 года» [4]. Супруги Колосовы были этапированы в Верхнеуральский изолятор особого назначения.

В январе 1928 г. В. В. Колосова была освобождена из тюрьмы согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР «Об амнистии» от 2 ноября 1927 г. Е. Е. Колосову было отказано в амнистии: по отбытии срока наказания он был сослан в г. Ташкент сроком на три года.

И в тюрьме, и в ссылке Евгений Евгеньевич продолжал писать: подготовил к печати книгу о народовольческой журналистике, переработал для второго издания книгу «Государева тюрьма – Шлиссельбург». В 1930 г. в Москве в «Издательстве политкаторжан» была напечатана его книга «Народовольческая журналистика, в 1935 г. – монография Колосова «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского».

В начале сентября 1930 г. на ссыльного Колосова было заведено дело. Его обвинили в том, что «находясь в Ташкенте, вел руководящую работу, направленную на воссоздание эсеровского аппарата и создание эсеровских ячеек, а также руководил нелегальным объединением по организации материальной помощи своим единомышленникам (касса взаимопомощи)». В итоге – его перевели в московскую тюрьму. 23 января 1931 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ предписывалось выслать Е.Е.

Колосова «на Урал сроком на 3 года» (условно), а также запретить проживание в Ленинграде на 3 года [1, лл. 261-262; 7].

В связи с этим семья Колосовых переехала в Москву. Некоторое время они жили под Москвой, на станции Болшево, жили на литературный заработок главы семьи. Евгений Евгеньевич работал в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев, научно-техническом отделе библиотеки имени Ленина.

В начале февраля 1933 г. Е.Е. и В.П. Колосовы были арестованы по обвинению в антисоветской агитации и участии в «нелегальной контрреволюционной эсеровской организации». По этому делу проходило еще семь человек, в том числе Р.В. Иванов-Разумник, русский и советский литературовед, литературный критик, социолог, писатель. В этот период произведения Е.Е. Колосова подверглись огульной критике. Его обвиняли в том, что в монографии «Сибирь при Колчаке» он писал, что белых победили крестьяне, а рабочий класс, который «держал себя пассивно или тащился в хвосте крестьянства»; в брошюре «В русской Бастилии» ведется пропаганда народнического движения, а в статье «Савинков как мемуарист» – «восхваление террориста»[4]. В обвинительном заключении констатировалось: «В своей литературной деятельности Колосов Е. Е. пропагандировал народнические установки, сознательно используя советскую печать в интересах организации, т.е. в преступлении, предусматривающие ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Вину свою Колосов признал частично. Показал, что он за свои народнические взгляды борьбу не прекращал и не считает нужным прекращать...» [1, т. 3, л. 14]. По постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ от 28 июня Е.Е. Колосов был осужден на 3 года с отбыванием наказания в Суздальском политизоляторе.

В.П. Колосова обвинялась в том, «что организовала контрреволюционную группу из числа правых эсеров, ставящих своей конечной целью свержение Советской власти». Особое совещание при коллегии ОГПУ от 16 мая 1933 г. постановило «гр-ку Колосову Валентину Павловну заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, на срок 2 года, считать срок с 15 февраля 1933 г. Местом отбывания наказания был определен Суздальский политизолятор. 5 января 1935 г. Особым совещанием при НКВД СССР В.П. Колосовой было вынесено постановление о ссылке в Тобольск на 2 года [4].

Первой в Тобольск приехала Валентина Павловна. В Тобольске она сняла комнату и начала устраиваться на новом месте. Город ей понравился, в письме дочери писала: «У меня солнечная комната, солнце здорово греет»; «Пожалуй, самое красивое место здесь – это памятник Ермаку, он поставлен очень удачно» [цит. по: 4].

Особым совещанием при НКВД СССР от 7 февраля 1936 г. Е.Е. Колосов после отбытия наказания был отправлен в Тобольск сроком на 3 года.

С переселением в Тобольск семья переехала в другую квартиру, затем – в отдельный дом по ул. Свердлова, 8 (рядом с политизолятором). Из письма В. П. Колосовой дочери: «Живем на новой квартире из двух комнат. На горе, окна на Иртыш. Довольны, хозяйка готовит для нас, так что все хозяйственные заботы с меня сняты. Очень хорошо. Хозяйка любит печь пироги (очень вкусные), хотя это несколько удорожает наш обиход, но Евгению доставляет такое удовольствие, что я охотно допускаю такой перерасход... В квартире полная тишина, чисто, тепло...»[цит. по: 4].

Устроиться на работу в окружном центре было крайне сложно. Текучесть кадров была напрямую связана с навигацией, поэтому прогнозы были неутешительны, к тому же статус ссыльного не привлекал работодателя. Валентина Петровна зарабатывала на хлеб, печатая на машинке документы со сдельной оплатой, затем устроилась на судовой машинисткой. Но через полгода, осенью 1936 г. она была уволена «по политическим мотивам» во время очередной чистки кадров от т.н. «антисоветского элемента»: «В Главсевморпути в разных отделах нас служило всего 4 человека и всех в один день и один час сняли» [цит. по: 4].

Евгений Евгеньевич, перенесший грипп во время этапа, несколько месяцев не работал, восстанавливал здоровье. Долгожданным событием стало его устройство в Тобольский краеведческий музей. С октября 1936 по январь 1937 г. Е. Е. Колосов работал «временным сотрудником по инвентаризации научного имущества музея». «Сижу, пишу карточки библиотечным почерком, – писал он в одном из писем дочери. – Делаю это впервые, и не скажу, чтоб выходило у меня очень изящно, так, на 3+ не больше. Пока всего было на 13 р., может быть, за месяц у них найдется рублей на 100» [цит. по: 4]. В научном архиве музея за 1937 г. сохранился его автограф – опись этнографической коллекции.

До революции семья жила несколько лет в эмиграции в Италии, и знания языка неожиданногодились. Летом – осенью 1936 г. Колосов был занят переводом с итальянского книги исследователя Севера Стефано Сомме «Зыряне, остяки и самоеды на Оби» [12]. «Перевел за лето книжку в 10 печатных листов с итальянского. Автор – итальянец, был в 1-й половине 80-х годов в Тобольске, Обдорске и написал об инородцах антрополого-этнографическую работу. Перевод потребовался для работников музея. Собираются оплатить – хотя бы по 25 р. за лист, и то хлеб», – сообщал он дочери Елене. В конце октября он завершил работу над переводом: «Сам не ожидал, что одолею и сравнительно без особого труда, целую книгу. Обещали, конечно, заплатить, но еще не знаю, сколько...» [цит. по: 5]. В научной библиотеке Тобольского музея-заповедника хранится эта книга. На форзаце зачеркнутая надпись «с переводами на русский язык (10 тетрадей)». Попытка найти автором статьи эти тетради не увенчалась успехом.

В тобольской ссылке Е. Е. Колосов продолжал изучать творческое наследие Н. К. Михайловского. Возможно, неудовлетворенный изданной в 1935 г. монографией «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского», он вернулся вновь к этой теме.

Аресты в Тобольске начались задолго до приказа от 30 июля 1937 г. Операция по ликвидации «эсеровского подполья» проводилась одновременно по всей стране. 8 февраля 1937 г. в Уфе была арестована бывший лидер левозэсеровского движения М. А. Спиридонова. Ей было предъявлено обвинение в том, что она «до ареста входила в состав объединенного эсеровского центра и организовала контрреволюционные террористические и вредительские группы в Уфе, Горьком, Тобольске, Куйбышеве и других городах...» [10, с. 109]. В тот же день в Тобольске была арестована группа бывших эсеров из 14 человек: Н. К. Железнов, Б. С. Иванов, Е. Е. Колосов, В. П. Колосова, К. А. Макаровский, И. А. Мухортов-Гумилев, А. А. Розенберг, И. Д. Смирнов, И. Н. Тавровский-Смоленский... 5 августа был вынесен приговор о высшей мере наказания. 7 августа того же года приговор был приведен в исполнение.

Из обвинительного заключения по делу: «Е. Е. Колосов «обвиняется в том, что является членом всесоюзного нелегального центра, на протяжении ряда лет до момента ареста вел активную борьбу с советской властью, руководил нелегальными контрреволюционными организациями эсеров в Ленинграде, Ташкенте и Тобольске, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 17-58-10-11 УК РСФСР». «Признал контрреволюционную деятельность только до 1931 г. и связи с троцкистом Каменевым и анархистами Золотаревым и Будковой» [1, т. 1, л. 1].

5 августа 1937 г. «тройка» Омского УНКВД вынесла чете Колосовых обвинительный приговор по статье 58 УК РСФСР и приговорила к высшей мере наказания. Через неделю, 12 августа, приговор был приведен в исполнение. По одним документам, местом гибели назван г. Омск, по другим – г. Тобольск. Реабилитация состоялась спустя полвека.

Тобольский период в жизни Евгения Евгеньевича Колосова и его супруги – трагическая страница в их биографии. Приведенные в статье архивные свидетельства о судьбе политических ссыльных восполняют пробел не только в их биографии, но и позволяют исследователю глубже понять механизмы репрессивной политики и практики Советского государства в Тюменском крае.

Литература

1. Архив Управления ФСБ по Тюменской области. Д. 4837.
2. Колосов Е. Е. Государева тюрьма – Шлиссельбург: по официал. документам / предисл. Н. А. Морозова. Петроград : Атены, 1924. 254 с.
3. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Петроград: Былое, 1923. 190 с.
4. Колосов Е. Е. Хроники двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. (Документальная криминальная история первой трети XX века, происходившая в России, Италии и Советском Союзе). URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/1.htm> (дата обращения: 01.06.2012).
5. Колосов Евгений Евгеньевич // Сибирская советская энциклопедия / под ред. М.К. Азадовского. В 4-х тт. Том 2. З–К. М.; [Новониколаевск] : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, [1931]. Стлб. 828-829.
6. Колосов Евгений Евгеньевич. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kolosov_ee.html (дата обращения: 12.12.2012).
7. Красноярский рабочий. 2006. 3 ноября [электронный ресурс]. URL: http://www.krasrab.com/archive/2006/11/03/07/view_article (дата обращения: 29.12.2012)
8. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. : РОСПЭН, 2008. 463 с.
9. Рынков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России. Лето 1918–1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/gynkov-agrarian/> (дата обращения: 27.11.2016).
10. Спиридонова М. А. Биографическая справка // Известия ЦК КПСС. М., 1989. № 9. С. 107.
11. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сборник научных статей / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 37–94.
12. Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob per Stephen Sommier. Firenze : Tip. dell'arte della stampa, 1887. Pt. 1. 1887.

УДК 656.12(091)(571.122)+908(571.122)

Давыдова А. О.
Davydova A. O.

РАЗВИТИЕ ГУЖЕВОГО ТРАНСПОРТА СУРГУТСКОГО РАЙОНА В 1930-1950 гг.

ANIMAL TRANSPORT DEVELOPMENT IN SURGUT DISTRICT IN 1930-1950

В статье рассматривается организация работы гужевого транспорта в зимнее время по территории Сургутского района. На основе анализа архивных документов и печатных источников автор дает описание некоторых транспортных маршрутов, а также приводит примеры, характеризующие особенности санного пути на данной территории. В статье имеются сведения об организации перевозки пассажиров и почты.

The article describes the organization of work of animal transport during winter time on the territory of Surgut district. Based on the analysis of archival documents and published sources the author gives a description of some transport routes and also gives examples describing the features of the sleigh road in this area. The article also has the information on the organization of carriage of passengers and mail.

Ключевые слова: гужевой транспорт, санный путь, пассажирские перевозки, почта, «Автогужтрест», «веревочка».

Keywords: animal transport, sleigh road, passenger carriage, mail, «Avtoguzhtrest», «горе».

В прошлом столетии транспортное сообщение по территории Сургутского района зимой осуществлялось гужевым транспортом по санному пути – «веревочке». Так не только в Сибири, но и на Руси называли зимнее пассажирское и почтовое сообщение с помощью ямской службы или вольных ямщиков. Пассажиры перевозились от станции к станции в специальных санях – кошевках. Отметим, что использовалась «веревочка» до середины прошлого столетия [5, с. 8].

Зимы изучаемого нами региона довольно длительные и морозные. «Веревочка» с крепкого ледостава до первых проталин на Оби использовался очень активно. Организацией движения по санному пути занималось Сургутское агентство Ханты-Мансийской окружной конторы транспортно-гужевых перевозок Тюменского областного автогужевого треста (Автогужтрест), Контора была образована в 1931 году, а Сургутское агентство в 1934 году [9].

1 августа 1934 года вышло Распоряжение №1 Автогужтреста, по которому на должность экспедитора с правом замещения заведующего в его отсутствие с окладом 150 рублей был принят Лалетин Иван Иванович. 1 октября того же года в трест счетоводом-кассиром был принят Самоловов Герасим с окладом так же в 150 рублей [7, л. 1]. Интересно, что штат сотрудников Сургутского агентства Автогужтреста с окончанием зимнего сезона сокращался с выплатой выходного пособия и отпускных средств согласно трудовому законодательству [7, л. 4]. Согласно основным показателям народно-хозяйственного плану Сургутского района на 1936 год, в штате агентства состояло 4 человека, годовой фонд их заработной платы составлял 2415 рублей [8, л. 4].

Автогужтрест заключал договоры с колхозниками на перевозку почты и людей. В документе первым делом указывалась скорость передвижения по «веревочке» – не менее десяти километров в час. На перепряжку лошадей отводилось не более одного часа.

«Веревочкой» занимались и почти все колхозы, расположенные по берегам Оби: от Покура и Ваты до Сытомино и Сахалей. Из Сытомино можно было уехать в Лемпино, из Покура – в Островное, Орехово, Пасол. Из Сургута – добраться до Югана и Угута. По району напрямую «веревочка» тянулась километров на 400. Добравшись до Ханты-Мансийска, можно было отправиться до Ларьяка – самого отдаленного поселка Югры, находящегося от окружного центра примерно за тысячу километров [2, с. 66].

По свидетельству коренного сургутянина Кузнецова Александра Васильевича, районные власти и сельские советы нанимали жителей не только для перевозки людей и почты, но и для прокладывания тракта с расстановками вешек вдоль него. Вешки, из вырубленных в густых зарослях молодой ивы, расставлялись в открытых местах на расстоянии друг от друга 80-100 метров [4, с. 29]. Это было необходимо на тот случай если конь плохо «следит» дорогу. Ведь зачастую она шла по многочисленным озерам или реке. Как правило, для перевозки пассажиров колхозы выделяли добротных лошадей, но всякое могло случиться. Корм для лошадей готовили колхозники [2, с. 67].

Перед установлением санного пути многие сургутяне сами изготавливали санирозвальни из березы и черемухи, используемой для обвязки деталей саней. Сначала изготавливались полозья, а затем розвальни – продолговатый ящик с небольшими бортами по бокам. Некоторые сургутяне мастерили наголовник с боковыми отводинами, обшитыми парусиной или брезентом, благодаря которому можно было укрыться от непогоды. Лошадей в сани запрягали «гусем» – в оглобли впрягалась коренная лошадь, а впереди нее – пристяжная. Управлялась пристяжная вожжами, идущими от ямщика через упряжь коренной лошади. Под дугой обязательно подвешивались два колокольчика.

Сургутяне-ямщики тщательно готовили себе в дорогу теплую одежду и обувь. К примеру, Кузнецов Василий Алексеевич имел следующую экипировку: сшитые из выделанной телячьей шкуры шерстью наружу штаны, ватную куртку, покрытую сукном, шапку-ушанку, шерстяные рукавицы, обшитые сукном. На ноги одевал две пары носков – шерстяные и из конского волоса, препятствующие проникновению сырости от валенок, валенки казанского производства с голенищами выше колен. С собой возница брал на запас две пары носков, оленью и байковую рубахи ниже колен с наголовником, который в сильный мороз можно было надвинуть поверх шапки-ушанки. [4, с. 30]. По свидетельству Проводникова Василия Георгиевича, его обмундирование состояло из «кумыша» (просторной верхней одежды из оленьей шкуры мехом наружу), теплых ватных штанов, меховых сапог, называемых «топоры» (обувь из оленей шкуры), меховых рукавиц, называемых в простонародье «мошнашки». Пассажир, заплатив рубль за километр, усаживался в сани. Поскольку теплое обмундирование было заботой путешественников, то у них при себе имелся хороший тулуп, меховые сапоги и рукавицы. [1, с. 136].

На «веревочке» существовали «станки» (полустанки). На каждом таком «станке» колхоз держал постоянный двор с платными услугами. За возможность обогреться, нужно было заплатить рубль с человека. На постоялом дворе можно было испить горячего чаю, но опять же – за рубль. Существовали подножные, прорубные и другие виды оплаты. Они касались тех, кто ехал или шел обозом на своих лошадях. За уборку территории после них – «подножные» – пять рублей, за водопой – «прорубные» – три рубля, за сено и ночлег платили отдельную плату. Так же, как и за вкусные горячие пельмени, продававшиеся на развес. К пельменям предлагали и спирт. Стоит отметить, что им никто не злоупотреблял – каждый путник понимал насколько это опасно для дальнейшей дороги. Колхоз в накладе не оставался [2, с. 53].

В национальные поселки «веревочка» не ходила из-за слишком больших расстояний и отсутствия на таких путях заготовленного сена для лошадей. Поэтому в Аган, Тром-Аган, Пим и в другие поселки добирались на оленях. Оленьи упряжки в Сургуте останавливались около агентства Автогужтреста. Порой собиралось до 30-40 нарт. Выезжали из Сургута, как правило, под вечер и, доехав до первого оленьего пастбища,

останавливались на ночевку. Одно из них располагалось на территории нынешнего Сургутского аэропорта. В таких дальних поездках приходилось делать ночевки. Спали прямо в снегу, одев на себя все свое теплое снаряжение. Оленей распрягали и надевали им на задние ноги деревянные колоды, чтоб не разбредались. За время отдыха олени кормились ягелем, разгребая снег, а опытные возницы, как правило ханты, манси или ненцы, разводили костер и кипятили в заранее запасенном чайнике. Зачастую подкреплялись «патанкой» – наструганной мерзлой сырой рыбой. За проезд на нартах тоже брали рубль за километр [6, с. 55].

Во многих организациях района были свои лошади для таких случаев. К примеру, секретари райкома партии частенько выезжали в колхозы на коне по кличке «Загар». Начальник Сургутской нефтеразведки, легендарный Фарман Салманов, имел в распоряжении коня «Казбека». В Банновском колхозе был замечательный тяжеловес «Улдар». Были лошади и в колхозах «Верный путь», «Луч», «Парижская коммуна» [2, с. 67]. Многие сургутяне брали подряд в Сургутском отделении государственной экспортно-импортной конторе (госторге) и Сургутской торгово-заготовительной сельской потребительской кооперации (потребкооперации) на перевозку грузов в Тобольск и из Тобольска. Подрядчики получали аванс для расчета на постоянных дворах за фураж для лошадей, свое питание и постой. Уходили в такую поездку, длившуюся по два-два с половиной месяца, обозом 3-4 подрядчика [4, с. 30].

За несколько десятилетий активного промышленного освоения севера Западной Сибири Сургутский район получил мощнейшее развитие. С приходом геологов, нефтяников и газовиков образовалась мощная транспортная система района. Прослужив десятки лет «веревочка» ушла в далекое прошлое. С 1952 года Сургутское агентство Автогужтреста было преобразовано в Транспортную контору Сургутского района рыболовецких потребительских обществ. Эта контора осуществляла перевозку продуктов питания, товаров народного потребления на территории Сургутского района не только гужевым, но и автомобильным транспортом. Затем она вошла в структуру Сургутского «Межрайпотребсоюза». Окружной Автогужтрест был ликвидирован в 1957 году [3, с. 150].

Литература

1. Давыдова А. О. Обстановочный старшина // Коренные сургутяне. Сургут, 2014. С. 134–139.
2. Захаров И. Веревочка // Моя земля. Сургут, 1999. С. 66–68.
3. Краткий справочник по фондам архивов Югры. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2010. 222 с.
4. Кузнецов А. В. Сибирский санный путь // Югра. 1995. № 1. С. 29–30.
5. Маляревский Г. Я. Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1917. Вып. 28. 157 с.
6. Мунарев П. А. Так было, так начиналось... Сургут, 2008. 152 с.
7. СГА. Ф. 65. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.
8. СГА. Ф.84. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.
9. Ханты-Мансийская окружная контора транспортно-гужевого треста Тюменского областного автогужевого треста (Гужтрест), г. Ханты-Мансийск Ф. 90, 119 ед. хр., 1934-1957 гг. [Электронный ресурс] // Архивы Югры : Интернет-портал. URL: <https://arhivugra.admhmao.ru/kratkiy-spravochnik/1-tom-kratkogo-spravochnika-po-fondam-gosudarstvennogo-arkhiva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga/transport-i-svyaz/394453/khanty-mansiyskaya-okruzhnaya-kontora-transportno-guzhevykh-perevozok-tyumenskogo-oblastnogo-avtoguzh> (дата обращения: 11.07.2017)/

УДК 94(571.12)«1941/45»

*Бытко О. А.**Bytko O. A.***О ТРУДОВЫХ БУДНЯХ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЮМЕНИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****ABOUT WORK DAYS AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISES OF TYUMEN
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Автор предпринимает попытку реконструировать одну из важнейших составляющих повседневности жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны – труд на промышленных предприятиях. В статье рассматриваются такие вопросы, как трудовое законодательство в годы войны, эвакуация заводов в тыловой город, ввод их в эксплуатацию, отношение людей к трудностям военного времени. Делается вывод о вкладе тюменских тружеников в дело достижения Победы.

The author makes an attempt to reconstruct one of the most important components of the everyday life of Tyumen residents during the Great Patriotic War, which is a labor at industrial enterprises. Such aspects as labor legislation during the war years, evacuation from factories to the rear city, putting it into operation, people's attitude to the difficulties of wartime are considered in the article. A conclusion is drawn from the contribution of Tyumen workers to the achievement of Victory.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневная жизнь тюменцев, эвакуация.

Keywords: The Great Patriotic War, everyday life of Tyumen residents, evacuation.

В СССР на протяжении десятилетий складывалось особое отношение к труду как необходимой составляющей жизни человека. Данная идея всячески подчеркивалась в средствах массовой информации, выступлениях советских лидеров. Показательны слова И.В. Сталина об ударничестве, произнесенные в 1930 г.: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства» [26]. Конституция 1936 г. провозгласила труд обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина, предав пословице «кто не работает, тот не ест» статус закона [20].

В условиях военного времени обязанность трудиться приобрела новое звучание. Особенно актуально это было для жителей тыловых городов, ставших основой промышленного потенциала страны. Местные заводы перестраивались на выпуск продукции для фронта, активно шел процесс эвакуации заводов из центральной части страны, пострадавшей от военных действий.

До войны в Тюмени были развиты лишь деревообрабатывающая промышленность и судостроение. Городская промышленная база была представлена такими заводами, как «Механик», Фанерокомбинат, лесозаводами «Республиканец» и «Красный Октябрь», Судоверфь, овчинно-шубный завод им. Кирова, сапоговаляльная фабрика им. Челюскинцев. С началом войны в город были эвакуированы десятки промышленных предприятий (после объединения друг с другом и с местными заводами их число составило 22), большинство которых разместилось на базе местных заводов. Так, заводы «Красный экскаватор» из Киева и имени 10-летия Октября из Одессы разместились на площадке «Механика», судостроительные заводы из Керчи и Ленинграда объединились с

тюменской Судостроительной, мотоциклетный завод расположился в цехах пивоваренного, завод № 636 – в цехах водочного завода [1, с. 9]. Для размещения прибывших предприятий в Тюмени за короткий срок было построено более 70 тыс. м² производственных площадей. Подчас оборудование размещалось в недостроенных помещениях. Например, «оборудование завода имени 10-летия Октября устанавливалось в корпусах, еще не имевших дверей, окон, лестниц, – поднимались в цеха по доскам», – вспоминает эвакуированная с заводом работница Л.М. Кошачевская [21, с. 59]. Чтобы разместить киевский завод «Красный экскаватор», пришлось переоборудовать цеха завода «Механик», использовать под производственные нужды гараж, раздевалки, помещения, ранее занятые бытовыми службами [22, с. 193]. Ситуацию осложняло то, что из 835 рабочих предприятия в Тюмень прибыло только 78 человек. Поэтому вся работа по размещению прибывшей техники, которую нужно было закончить до 10 сентября 1941 г., легла на коллектив завода «Механик».

Проблемы, мешавшие введению прибывших предприятий в эксплуатацию и переориентированию местных на выпуск военной продукции, были одинаковыми: острый недостаток транспорта, электроэнергии, рабочих рук. Немаловажную роль в срыве первоначального срока пуска заводов сыграли «выжидательные» настроения среди приехавших в Тюмень работников. Квинтэссенцией этого настроения стала фраза главного инструктора завода АТЭ-2, произнесенная в присутствии работников: «Если бы я знал, что тут такой гроб с музыкой, я бы лучше под суд пошел, но сюда не поехал» [7, л. 6]. В свою очередь, местный горсовет, вынужденный решать большое количество других проблем, ждал от новоприбывших большей самостоятельности, инициативности в принятии решений. Несмотря на тяжелый адаптационный период уже через 2-3 месяца после прибытия эвакуированные предприятия поставляли продукцию на фронт.

Проблема нехватки рабочей силы решалась путем привлечения на производство молодежи. 23 мая 1942 г. вышел приказ, согласно которому руководителям предприятий разрешалось на период войны принимать для обучения и последующей работы лиц, достигших 14 лет. Рабочий день юных работников не должен был превышать шести часов [15, л. 120]. Многие школьники города по примеру учащихся школы № 13 Б. Ильинского, Ю. Мотовилова, Ш. Богданова, Г. Иноземцева, организовавших первую школьную рабочую бригаду, приходили работать на заводы после учебы. Однако были и те, для кого работа на заводе стала основным занятием. По воспоминаниям работника Судостроительного завода В.В. Важенина, «в первые дни войны ушли на фронт квалифицированные рабочие и мастера и на заводе стало не хватать рабочих рук. Отдел кадров стал принимать на работу совсем юных мальчишек и девчонок 14-15 лет, организовывал их обучение по специальностям, и они заняли рабочие места вместо ушедших на фронт отцов и братьев. В цехе № 5 был организован участок из двенадцати мелкотокарных станков для изготовления мелких деталей для катеров. На этом участке в основном работали подростки 14-15 лет. Трудились наравне со взрослыми, работая по 12 часов в сутки, без выходных и отпусков» [18, с. 137]. К концу 1942 г. на предприятиях Тюмени трудилось 10 620 молодых работников и работниц [22, с. 195].

Другим немаловажным источником пополнения рабочей силы стало активное использование женского труда. Женщины заменили мужчин в таких профессиях, как электромонтеры, кочегары, слесари, ремонтники промышленного оборудования. При этом, как вспоминает работавшая в годы войны помощником машиниста Н.В. Федорова, «менять работу, искать легкий труд даже в голову не приходило. Тогда все понимали: идет кровавая нешуточная бойня... И если не мы, женщины, девушки, то кто же будет водить воинские поезда, обеспечивать наших защитников техникой, продовольствием и всем необходимым?» [27, с. 30]. По воспоминаниям В.П. Кулаковой, в лыжном цехе ДОКА работали почти одни женщины. «Приходилось самим ворочать огромные деревянные

чураки. Бревна были слишком тяжелыми, поэтому толкали их под распил животом, наваливаясь всем телом» [27, с. 59].

Чтобы решить проблему нехватки рабочих рук, 13 февраля 1942 г. вышел Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве». Согласно Указу, люди мобилизовались для работы по месту жительства, «в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности...» [24, с. 61].

Однако даже нетрудоспособные люди считали себя обязанными помочь фронту. Так, в газете «Красное знамя» за 10 июля 1941 г. помещено обращение пенсионера А.Ф. Лузина к ветеранам труда с призывом вернуться к станкам и заменить ушедших на фронт рабочих. Несмотря на то, что автор обращения являлся инвалидом III степени, он считал себя «мобилизованным на трудовом фронте» и работал на овчинно-шубном заводе им. С.М. Кирова. Целенаправленная работа по трудоустройству и обучению инвалидов в Тюмени началась с января 1942 г. К концу марта 1942 г. было трудоустроено 72 человека, организовано 4 группы по обучению инвалидов счетному, часовому и сапожному делу [28, с. 136]. Выздоровливающие бойцы, находившиеся на лечении в тюменских госпиталях, также привлекались к участию в труде на предприятиях [28, с. 228].

Большую роль в решении проблемы нехватки трудовых ресурсов играли внеэкономические факторы трудовой мотивации. Уже 22 июня 1941 г. на заседании бюро ГК ВКП(б) секретарям первичных парторганизаций было дано задание развернуть на производстве массово-политическую работу, принять меры к укреплению трудовой дисциплины и добиться повышения производительности труда [8, л. 188].

Одной из форм повышения производительности труда было социалистическое соревнование. На заводах создавались бригады двухсотников, трехсотников, тысячников, ширилось движение за совмещение профессий и т.д. Нижегородский историк В.А. Сомов справедливо полагает, что «все подобные движения во многом были обусловлены действенностью такого морально-психологического фактора как чувство долга и коллективной ответственности за порученное дело» [25, с. 197].

Местные власти старались поощрять производственные успехи тюменских тружеников. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольствием и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» директорам заводов было дано право выдавать выполняющим и перевыполняющим план рабочим дополнительные карточки на продукты, снабжать их товарами широкого потребления, обеспечивать первоочередное выполнение бытовых запросов трудящихся (ремонт обуви, снабжение стройматериалами и др.) [16, л. 40]. Действительно, перевыполнение плана тюменскими рабочими отмечались небольшими, но очень ценными в военное время прибавками к продуктовым карточкам. Так, токарь Судостроительного завода Т.И. Черных вспоминает, что часто после окончания смены мастер просил задержаться еще часа на два, за что работницам выдавали 100 г хлеба [18, с. 155]. Реже работников премировали ценными подарками, каковыми являлись платья, туфли, чулки [9, л. 109].

Не менее важно было общественное признание. Производственные успехи широко освещались в городской периодической печати. Практически ни один номер газеты «Красное знамя» не обходился без заметки о достижениях тюменских стахановцев, отличников соцсоревнования. В марте 1945 г. было решено учредить городскую Доску Почета для лучших предприятий и передовиков производства города [9, л. 134]. Ветеран завода строительных машин Н.А. Долгих, пришедший работать туда в 1942 г. 15-летним подростком, вспоминает, что «награда» за хорошую работу в военное время представляла собой усиленное диетическое питание (УДП) – баланда с голушками. Талоны на УДП рабочие копили, потом сливали баланду, а голушки, ели [6]. Но зато ощущалась моральная

поддержка: «Идешь, бывало, со смены, а на проходной уже плакат: “Поздравляем с трудовым успехом!”. Это придавало сил» [19].

Рассматривая законодательную базу трудовых отношений, необходимо отметить, что существенное ужесточение трудовой дисциплины произошло еще в довоенное время. Так, согласно Указу Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., продолжительность рабочего дня рабочих и служащих была увеличена до восьми часов, все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения переведены с шестидневки на семидневную неделю, запрещен самовольный уход и затруднен переход с одного предприятия на другое [2]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. за мелкую кражу на производстве и хулиганство устанавливалась уголовная ответственность [3].

Процесс ужесточения законодательной базы трудовых отношений, развития ее репрессивной направленности был логично продолжен после начала войны. Уже 26 июня 1941 г. вышел Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» [4], согласно которому были установлены обязательные сверхурочные работы и отменены отпуска. Первые полгода войны продолжали действовать общие для всех рабочих и служащих страны меры наказания за самовольный уход с работы (от 2 до 4 месяцев лишения свободы), предусмотренные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года. Однако острая необходимость закрепления мобилизованной рабочей силы на предприятиях военной промышленности и необходимость обеспечения бесперебойного и нарастающего выпуска военной продукции привели к ужесточению мер наказания. 26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [5]. Согласно Указу, рабочие и служащие этих предприятий объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись здесь для постоянной работы, а за самовольный уход следовало чрезвычайно суровое наказание – от 5 до 8 лет лишения свободы. Возможно, идея принятия этого указа была инициирована «снизу», директорами региональных заводов. Так, в начале 1942 г. директор Судверфи В.В. Никифоров обратился к начальнику Главного управления трудовых резервов СНК СССР с просьбой закрепить рабочую силу за своим заводом [17, л. 5].

Существенно на рабочем процессе отражаются жилищно-бытовые условия, в которых находятся люди. За первые годы войны численность населения Тюмени существенно увеличилась в результате массовой эвакуации, что вынудило руководство города изыскивать дополнительные ресурсы для размещения прибывающих людей. Помимо широко распространенной в это время в разных городах страны практики уплотнения, в соответствии с которой норма жилой площади на одного человека составляла 4 м², тюменцы переоборудовали нежилые помещения, строили новые жилые дома и ремонтировали имеющееся жилье. И хотя в марте 1942 г. омский Облисполком отмечал, что план строительства выполняется «преступно медленно» [12, л. 107], результаты этой работы значительны: к концу 1943 г. в Тюмени было построено 6 633 м², отремонтировано 13 600 м² жилплощади [10, л. 11]. При этом значительная часть рабочих, эвакуированных вместе с заводами, обустроивались рядом с ними, строя бараки. Условия жизни здесь нельзя назвать удовлетворительными как в бытовом, так и в санитарном отношении. Самые плохие условия, пожалуй, были в общежитии завода «Механик», где люди вынуждены были и спать, и работать в одной одежде, не были обеспечены дровами и лишь время от времени протапливали помещение, ломая доски с кроватей и разбирая соседние заборы [29].

Эвакуированным, разместившимся в городских домах, было непросто добираться на работу, ведь большинство эвакуированных предприятий расположилось на окраинах Тюмени, и добираться до них работникам приходилось пешком, так как общественный транспорт в городе отсутствовал. Работа начиналась в 8 часов утра, опоздание же влекло за

собой жесткое наказание. По воспоминаниям ветерана судостроительного завода Тамары Муносиповой, «за опоздание в первый раз лишали хлебных талонов на десять дней. Задержался на пять минут – высчитывают в течение шести месяцев по 25 процентов из заработной платы, в народе эту меру наказания называли «закон 6:25». Не вышел на работу – можно «загреть» в тюрьму» [30]. О том, что выполнение производственных заданий – дело государственной важности, работникам напоминалось постоянно. Неслучайно на заводе «Красноармеец» за дисциплиной следил оперуполномоченный от наркомата обороны. Пришедший на этот завод в 16 лет О.Е. Аникин вспоминает, что в начале войны после отработанной смены приходилось еще 5-6 часов проводить на стройке новых корпусов. Получалось где-то 17-18 часов. «Уставали, конечно, здорово, но утром «как штык» на работу» [23, с. 4].

Повышенное внимание к трудовой дисциплине имело и обратную сторону, а именно позволяло обеспечить работникам элементарные условия труда. Например, в 1943 г. председатель горисполкома С.Ф. Загриняев стал инициатором создания в поселке близ завода № 639 (находился в 3 км от Тюмени) собственной амбулатории. При этом ее необходимость обуславливалась тем, что рабочие поселка «вынуждены посещать городскую амбулаторию, тратя на ходьбу целые дни, и срывают тем самым оборонные задания завода» [14, л. 12].

Некоторое смягчение трудового законодательства произошло лишь на завершающем этапе войны. Так, 9 августа 1943 г. вышло Постановление СНК о предоставлении одного выходного дня в неделю женщинам, имеющим детей до 8 лет [13, л. 96]. Согласно Постановлению от 5 марта 1944 г. подросткам моложе 16 лет также предоставлялся еженедельный отдых и отпуск, причем за неиспользованную часть отпуска руководители предприятий должны были начислять денежную компенсацию [24, с. 230].

Условия работы на заводах были тяжелыми. Из-за жесткой экономии электроэнергии многие рабочие цеха не отапливались, даже в сильные морозы. Эвакуированная из Одессы работница завода имени 10-летия Октября Л.М. Кошачевская вспоминает: «В короткие перерывы мы, чтобы согреться, прижимались друг к другу, сидели вокруг железных печек» [21, с. 59]. По свидетельству В.В. Важенина, зимой работать приходилось в ватниках, шапках, валенках и рукавицах [18, с. 137]. Спецодеждой рабочих практически не обеспечивали. Рабочим городского водопровода выдали непромокаемые сапоги в мае 1942 г. лишь после настойчивых просьб директора [11, л. 200]. По воспоминаниям работницы Судовой верфи Н. Катаргиной, за неимением другой одежды работники в одних и тех же ватниках и трудились, и в кинотеатр ходили [18, с. 134]. Другой ветеран этого завода, В.А. Важенина (Юдина) вспоминает: «Девчататокари точили снаряды. Они тяжелые, стружки крупные. А работали почти босиком: попадет в ногу такая, вытащат и опять работают» [18, с. 144].

Особенно тяжело было эвакуированным, многие из которых приехали в Тюмень без теплой одежды, обуви. В первые два военных года в Тюменский горисполком поступало большое количество заявлений с просьбой о помощи («Прошу не отказать мне и помочь в обуви, а то приближается весна, и у меня не в чем ходить на работу» [11, л. 220]). В условиях дефицита товаров широкого потребления, горисполком все же находил возможность в минимальном объеме удовлетворить многочисленные просьбы, выдавая одежду и обувь, либо оказывая материальную помощь, размер которой, в зависимости от обстоятельств каждого человека, варьировался от 50 до 400 рублей [12, л. 35]. Примечательно, что решение исполкома Омского областного Совета о создании спецфонда из необходимых для жизни товаров (нательное белье, обувь, пальто, шапки, детские товары) для помощи эвакуированным было принято лишь в марте 1943 г. [13, л. 28].

При этом, какими бы трудными не были условия труда, работникам удавалось сохранить бодрость духа: «Нелегко было; но мы, комсомольская молодежь, в массе своей

не были пессимистами, в свободное время участвовали в заводской самодеятельности, ходили с концертами по госпиталям города», – вспоминает эвакуированная Л. М. Кошачевская [21, с. 60].

Таким образом, Тюмень стала одним из многих тыловых городов, крепивших оборонную мощь страны. Война существенно изменила облик Тюмени: город, традиционно являвшийся центром деревообрабатывающей промышленности и судостроения, впервые был вынужден принять большое количество предприятий и эвакуированных людей. Ввод в эксплуатацию прибывших заводов, размещение и обустройство свыше тысячи людей потребовало преодоления многочисленных трудностей. Во многом это удалось благодаря самоотверженному труду тыловиков, являющих нам пример гражданского подвига.

Литература

1. Адреса Победы. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2010. С. 9.
2. Библиотека нормативно-правовых актов СССР / О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: указ от 26 июня 1940 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 12.10.2017).
3. Библиотека нормативно-правовых актов СССР /Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство : указ от 10 августа 1940 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4269.htm (дата обращения: 12.10.2017).
4. Библиотека нормативно-правовых актов СССР / О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время: указ от 26 июня 1941 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4322.htm (дата обращения: 12.10.2017).
5. Библиотека нормативно-правовых актов СССР / Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : указ от 26 декабря 1941 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 12.10.2017).
6. Воспоминания Н. А. Долгих (1926 г.р.). Записаны автором.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 581.
8. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 948.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 504.
10. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 435.
11. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 454.
12. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 493.
13. ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 67.
14. ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 74.
15. ГАТО. Ф. 293. Оп. 5. Д. 119.
16. ГАТО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 15.
17. ГАТО. Ф. 969. Оп. 1. Д. 107.
18. Завод-труженик, завод-воин. Тюмень : Тюменский дом печати, 2010.
19. И дети приближали Победу // Тюменская правда. 2016. № 12. URL: <http://tyumpravda.ru/obshchestvo-main/25117-i-deti-priblizhali-pobedu> (дата обращения: 10.10.2017).
20. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 12.10.2017).
21. Кошачевская Л. М. Работали, не покладая рук // Литературно-краеведческий альманах (приложение «Тюмень – фронту»). 2011. № 2. С. 59.
22. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. 1994.

23. Память воскрешает : сб. воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов труда военного времени и вооруженных сил. Кн. 3 / ред.-состав. : П. Цацуньников, Л. Баженова, Е. Раков, К. Страшненко, Н. Соловьева, А. Самойлик. Тюмень, 1996.

24. Подвиг тыла : док-ты, материалы газет и радио военных лет, дневники, письма, воспоминания / сост. И. И. Рощин, Б. Л. Тихоненко. М. : Политиздат, 1970.

25. Сомов В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008.

26. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 г. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t12/t12_21.htm (дата обращения: 12.10.2017).

27. Тыл – это половина Победы. Тюмень : Тюменский дом печати, 2006.

28. Тюменцы – фронту : сб. док-тов / отв. ред. В.П. Петрова. 2-е изд. Тюмень : Тюменский дом печати, 2005. С. 136.

29. Тюменская правда. 1944. № 14, 20 окт.

30. Тюмень – колыбель сибирского судостроения. URL: <http://tumentoday.ru/2015/01/23/тюмень-колыбель-сибирского-судост/> (дата обращения: 22.09.2017).

УДК 314.9(091)(571.122)

Миронычев С. В., Алексеева Л. В.
Mironychev S. V., Alekseeva L. V.

**ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЛАРЬЯКСКОГО
РАЙОНА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1945)**

**ABOUT CHANGING THE ETHNIC COMPOSITION OF THE LARJAK DISTRICT
POPULATION OF KHANTY-MANSI NATIONAL OKRUG
DURING THE SECOND WORLD WAR (1939-1945)**

В статье на основе архивных источников, извлеченных из государственных и муниципального архивов, рассматривается изменение национального состава населения в Ларьякском районе в период Второй мировой войны. Авторы представляют статистику численности населения и его национальный состав. В статье раскрыты источники пополнения населения района в годы Второй мировой войны: ими стали эвакуированные, спецпереселенцы, депортированные.

The article describes the changes in the national composition of the population in Larjak district during the Second World War on the basis of archival sources derived from the state and municipal archives. The authors present the population statistics and its ethnic composition. The article reveals sources of entrants in the population of the area during the Second World War, they were evacuees, special settlers, deportees.

Ключевые слова: Ларьякский район, коренное население, национальный состав, миграции, репрессии, численность.

Keywords: Larjak district, indigenous population, ethnic composition, migration, repression, population.

Демографические аспекты развития превратились в одну из глобальных проблем современной России. В этой связи обращение к исследованию демографической истории страны становится, как никогда, актуальным. Применительно к истории Ханты-Мансийского округа следует обратить внимание на фрагментарность исследований по историческим периодам и отсутствие комплексного труда по исторической демографии региона [1, с. 89]. Хотя отдельные попытки ряда ученых предпринимались для восстановления демографической картины региона, однако мы все еще далеки от создания обобщающей характеристики демографических процессов, имевших место в разные исторические эпохи, в особенности в советский период истории.

То, что трагические события 1930–40-х гг. в отечественной истории существенным образом отразились на демографических процессах, – общепризнанный в науке факт. Борьба с «вредителями» в промышленности и «кулаками», политические репрессии, депортации привели в движение огромные массы советских граждан, изменивших до неузнаваемости состав населения отдельных регионов СССР. Не стал исключением и Ларьякский район Ханты-Мансийского национального округа, где за исследуемый нами период национальный состав населения претерпел существенные изменения.

Основной задачей данной статьи является систематизация количественных данных (в связи с увеличением численности населения района в результате принудительной миграции и эвакуации и, как следствие, влиянием этих процессов на изменение этнического состава) по численности и национальному составу населения Ларьякского района.

В 1933 г. население Ларьякского района составляло 1 412 человек. Коренное население было представлено преимущественно ханты. На 1 января 1936 г. общая численность населения района составляла 2 636 человек. В его составе были выделены следующие этносы (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 января 1936 года [5, л. 66]

Всего	Русские	Ханты	Ненцы	Тунгусы
2 636	788	1 828	13	7

В середине 1930-х гг. наблюдалось значительное численное превосходство коренного населения над русским. Доля автохтонного населения в Ларьякском районе составляла 70%. Неизученным остается вопрос о количестве ссыльных крестьян, оказавшихся на территории района в период 1930–1933-х гг. При сопоставлении данных о численности населения 1930 и 1936 гг. можно заметить, что оно увеличилось почти в два раза. Из этого следует предположение, что в районе оказалось не менее 1 000 спецпереселенцев-крестьян. В 1941 г. численность населения района составила 5 796 человек. 11 апреля 1942 г. вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) о призыве в действующую армию «бывших кулаков», не являвшихся на момент выселения главами семей. К 1 ноября 1942 г. из ХМНО было призвано в Красную Армию не менее 1 200 трудпоселенцев [4]. Из Ларьякского района на фронт за годы войны всего был призван 561 человек. В 1942 г. район пополнился спецпереселенцами для рыбной промышленности. В протоколе №91 заседания Ларьякского райисполкома от 11 марта 1942 г. отражен вопрос о приеме спецпереселенцев. Планировалось принять и расселить 200 семей. На 1 сентября 1942 г. в Ларьякском районе было расселено 130 семей [9, л. 35]. При плане в 4 000 человек в округ было завезено на 1 июля 1943 г. 6 924 человека. Большинство вновь прибывших спецпереселенцев использовали в рыбной промышленности. Б. У. Серазетдинов приводит следующие данные по распределению вновь прибывших: 43,4% – рыбная промышленность; 19,3% – строительство; 26,2% – прочие работы; 10,9% – без определения на работу [11, с. 155-156]. В 1943 г. на территории Ларьякского района проживали представители 12 национальностей. Доля коренного населения ханты (другие этносы не упоминаются) составляла 32% (см. табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 июля 1943 года

[6, л. 2; 46]

Всего	Русские	Ханты	Финны	Татары	Украинцы
5 260	3 188	1 784	173	40	31

На территории района также проживали: евреи – 3; англичане – 3; поляки – 2; белорусы – 4; буряты – 4; чувашаи – 10; цыгане – 3 [6, л. 2, 46].

Существенно повлияли на увеличение численности населения и изменение национального состава в районе административно высланные из Ленинградской области немцы и финны. Как известно, они стали прибывать в Омскую область уже весной 1942 г. В ХМНО они были распределены в следующих населенных пунктах: Сургут, Погорельское, Локосово, Самарово, Нахрачи. В Локосово, в частности, жили сплошь депортированные [2, с. 89].

По данным на 1943 г., в район планировалось поселить 2 000 человек. В ведомостях по Ларьякскому району об учете национального состава населения за

1943 г. немцы не упоминаются. Финны проживали в количестве 173 человек. Весной 1944 г. в округ стали прибывать первые ссыльные калмыки. К ноябрю, по данным Б. У. Серазетдинова, их насчитывалось в Ларьякском районе 652 человека [11, с. 160].

В сводных ведомостях о населении района в 1945 г. отражены этнические группы калмыков, финнов и немцев (см. табл. 3).

Таблица 3

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 июля 1945 года [8, л. 2]

Всего	Русские	Ханты	Калмыки	Финны	Немцы
5 882	3 186	1 789	574	172	30

Следует отметить, что в других источниках, а именно в «Краткой экономической характеристике Ларьякского района» за 1945 г., содержатся сведения о населении на 1 января 1945 года. В документе упоминались ненцы в количестве 16 человек, там же представлены сведения о группе людей, именуемых иностранцами [10, л. 158].

К 1 июля 1945 г. в ХМНО на спецпоселении, как указывает А. С. Иванов, находились следующий контингент спецпоселенцев: калмыки – 5 700; ссыльнопоселенцы – 2 885; немцы – 953; бывшие кулаки – 11 304; «сектанты» – 629 человек [4].

Во второй половине 1945 г. в Ларьякский район стали прибывать депортированные украинцы. На 1 января 1947 г. абсолютная численность населения Ларьякского района составляла 5 831 человек (см. табл. 4). Существенных изменений в численности и распределении населения по национальному признаку в сравнении с 1945 г. не отмечается. Доля коренного населения в Ларьякском районе на 1 января 1947 г. составляла 30%.

Таблица 4

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 января 1947 года [7, л. 32–41]

Всего	Русские	Ханты	Калмыки	Финны	Татары	Украинцы	Немцы
5 831	3 137	1 769	565	133	37	34	26

Среди спецпереселенцев и эвакуированных преобладали женщины. Свидетельство тому мы находим в справке о половом составе населения Ларьякского района на 1945 год (см. табл. 5).

Таблица 5

Национальный состав Ларьякского района по данным на 1 июля 1945 года [8, л. 2]

Пол	Всего	Русские	Ханты	Калмыки	Финны	Немцы
Муж.	2 455	1 243	860	212	59	6
Жен.	3 427	1 943	929	362	113	24

Как показывают сведения, приведенные в таблице, женщины в значительной степени преобладали среди всех имевшихся национальных групп, проживавших в Ларьякском районе. Лишь коренное население имело незначительную разницу в половом соотношении, которое за десять лет изменилось в сторону увеличения женщин по отношению к мужскому населению. Так, на 1 января 1936 г. мужского пола среди ханты было учтено 1 011 человек, а женского – 837 человек [3]. На 1 июля 1945 г. мужчин насчитывалось 860, женщин – 929 человек. Общее количество коренного населения, которое было представлено главным образом ханты, уменьшилось на 59 человек (с 1848 до 1789) [8, л. 2].

Таким образом, население Ларьякского района до начала Второй мировой войны характеризовалось преимущественно двунациональностью (русские и ханты), однако в годы войны национальный состав существенно меняется. Изменение национального состава населения Ларьякского района в рассматриваемый период связано в первую очередь с насильственными миграциями и эвакуацией. На всем протяжении исследуемого времени абсолютная численность автохтонного населения существенно не менялась. Группы депортированных и эвакуированных в Ларьякский район увеличили общую численность населения и изменили процентное соотношение коренного и пришлого населения. Так, за десять лет преобладание коренного и пришлого населения поменялось местами: в 1936 г. процент коренного населения составлял 70%, а на 1 января 1947 г. он составил только 30%. В районе теперь проживали представители следующих национальностей: калмыки, финны, немцы, украинцы, татары, молдаване, поляки, белорусы, буряты, чуваша, мордвина, цыгане, эстонцы, евреи, англичане.

Эвакуированные, депортированные, спецпереселенцы обеспечили рост абсолютной численности населения, компенсировав его отток в связи с мобилизацией на фронт. Однако точная реконструкция динамики численности населения, характеристика демографических структур и процессов сталкивается с немалыми трудностями. Дело в том, что сохранность материалов текущего сельсоветского учета, являющихся основным источником для определения численности, состава сельского населения, того периода оставляет желать лучшего. Фонды государственной статистики также страдают противоречивостью и неполнотой. Необходимо продолжить демографические исследования, особенно касающиеся периода войны, когда сельское население Ханты-Мансийского округа увеличивалось, в том числе и механическим путем. Те же тенденции наблюдались и в Ларьякском районе.

Литература

1. Алексеева Л. В. К вопросу о населении Ларьякского района и об установлении численности нижевартовцев, участвовавших в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны // Шатиловские чтения. Нижневартовск, 2016. С. 89.
2. Алексеева Л. В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 142 с.
3. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 66.
4. Иванов А. С. Человек и система спецпоселений Северо-Западной Сибири в годы войны (1941–1945 гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. №3. С. 63-68.
5. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11.
6. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33.
7. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 4. Оп. 1. Д. 49.
8. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97.
9. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 14.
10. Государственный архив Ханты-Мансийского округа – Югры. Ф. 129. Оп. 2. Д. 21.
11. Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург : Пакрус, 2005. 224 с.

УДК 930.253:352(571.17)

Орлов М. А.

Orlov M. A.

**ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАГЕРЕЙ ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
НКВД-МВД СССР
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**FUNDS DOCUMENTS OF STATE AND LOCAL BODIES OF AUTHORITY
AND MANAGEMENT AS THE HISTORY SOURCE OF INFORMATION ON CAMPS
OF MAIN DIRECTORATE OF PRISONERS OF WAR AND CIVILIAN INTERNEES
OF THE USSR NKVD-MVD
(AS ILLUSTRATED BY KEMEROVO OBLAST STATE ARCHIVES)**

В статье на примере Государственного архива Кемеровской области показаны возможности документации фондов региональных и местных органов власти и управления как источника по истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. Автор анализирует фонды архива, в которых выявлены документы по указанной теме, раскрывает характер имеющихся в этих документах сведений о лагерях.

The article shows potential of regional and local bodies of authority and management documents as history source of information on camps under the Prisoners of War and Internees General Directorate of the USSR NKVD-MVD as illustrated by Kemerovo Oblast State Archives. The author considers collections of the archives in which documents on the subject mentioned were found and pays attention to the nature of data on the camps being contained in these documents.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, лагеря военнопленных и интернированных, Государственный архив Кемеровской области, Кемеровская область.

Keywords: prisoners of war, internees, camps for prisoners of war and internees, State Archives of Kemerovo Oblast, Kemerovo Oblast.

Кемеровская область – один из регионов, где во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы содержались иностранные военнопленные и интернированные гражданские лица. В 1944 г. в области были созданы лагеря военнопленных и интернированных № 162, 142 и 203, весной 1945 г. преобразованные в лагеря № 503 (с центром в Кемерове), 525 (с центром в Киселевске, а впоследствии – в Сталинске) и 526 (с центром в Юрге). В 1948 г. был ликвидирован лагерь № 526, в 1949 г. – № 503. Лагерь № 525 в 1949 г. был преобразован в лагерь № 464, ликвидированный в 1950 г. Перечисленные лагеря подчинялись Главному управлению (до января 1945 г. – Управлению) по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР.

Значительный объем документов, содержащих сведения о лагерях ГУПВИ, хранится в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО). Некоторые документы, в которых имеются сведения о лагерях ГУПВИ, их работниках и содержавшемся в лагерях контингенте, отложились в фондах органов власти и Управления. Одни из этих документов связаны с участием данных органов в решении тех или иных вопросов,

непосредственно касавшихся лагерей военнопленных и интернированных, другие столь прямого отношения к лагерям не имеют.

К числу органов власти, в фондах которых выявлены документы по указанной теме, относятся, в частности, исполкомы Советов: Кемеровский облисполком, Анжеро-Судженский горисполком, Рудничный райисполком города Кемерово.

Отдельные материалы данных фондов, содержащие информацию, связанную с лагерями ГУПВИ, посвящены вопросам отвода земли, использования тех или иных помещений, функционирования городского коммунального хозяйства. Например, решением Анжеро-Судженского горисполкома от 19 сентября 1945 г., которое касается рассмотрения и утверждения протокола городской архитектурно-планировочной комиссии (прилагаемого к решению), к территории одного из отделений лагеря № 503 по улицам Красина и Фурманова был, как и постановила комиссия, прирезан участок земли под строительство бараков и столовой [4, л. 384, 385].

Выделения земли под посеvy подсобных хозяйств и индивидуальные огороды касается решение Рудничного райисполкома города Кемерово от 28 апреля 1947 г. Среди организаций и учреждений, сотрудникам которых предоставлялась земля под огороды, в тексте решения упоминается штаб лагеря № 503 [3, л. 311 об.]. Вместе с данным решением в деле помещено приложение к послужившему для него основанием решению Кемеровского горисполкома от 8 апреля 1947 г. (сведения о выделении земли работникам лагеря, содержащиеся в этом приложении, аналогичны информации в решении райисполкома) [3, л. 312].

С ходатайством, поданным лагерем № 503 в Рудничный райисполком города Кемерово, связано издание решения райисполкома от 5 марта 1946 г. «О передаче во временное пользование здания школы № 6 управлению лагеря № 503». Заголовок решения имеет не вполне точную формулировку: он позволяет считать, что в итоге здание школы было передано лагерю, тогда как в действительности просьба лагеря была данным решением отклонена [2, л. 11].

Решением Рудничного райисполкома города Кемерово от 19 февраля 1947 г. о завозе гравия для строительства дорог и тротуаров района был утвержден прилагаемый к решению соответствующий график на март 1947 г. Среди перечисляемых в графике организаций и учреждений, обязанных осуществить подвоз гравия, упоминается управление лагеря № 503 (с указанием количества гравия и района, куда он будет завозиться) [3, л. 164, 165].

В одном из дел фонда Рудничного райисполкома города Кемерово выявлен план очистки дорог района от снежных заносов в зимний период 1946–1947 и 1947–1948 гг. В документе перечисляются участки дорог, за очистку которых ответственны те или иные организации, и к числу данных организаций относится лагерь № 503 [3, л. 44, 825].

В одном из решений Рудничного райисполкома города Кемерово, изданном 5 июля 1946 г. и посвященном подготовке школ к новому учебному году, зафиксировано намерение райисполкома просить райком ВКП(б) о включении управления лагеря № 503 в число организаций, оказывающих шефскую помощь школам района [2, л. 262].

Часть материалов о сотрудниках лагерей военнопленных и интернированных входит в состав документов наградной группы Кемеровского облисполкома, включенных в отдельную опись дел фонда облисполкома. Документы наградной группы, в которых упоминаются работники лагерей, относятся как к периоду деятельности данных лагерей, так и к более позднему времени, когда лагеря ГУПВИ на территории Кемеровской области уже были ликвидированы, а их бывшие сотрудники были заняты на другой работе.

В выявленных документах указаны фамилии, имена и отчества награжденных лиц, их звания, но, как правило, отсутствуют сведения о месте работы (факт работы в лагерях тех, кто упоминается в документации наградной группы облисполкома, удается подтвердить с помощью других документов). В ряде документов указывается также

прежнее место работы награжденного или регион, где он проживал до переезда в Кемеровскую область. В число работников лагерей, фамилии которых обнаружены в документах наградной группы облисполкома, входят Г. А. Владыкин, М. Б. Гольденберг, С. И. Ивашкин, Г. В. Лаврентьев, Ф. Д. Пономарев, Я. И. Шатров, занимавшие в лагерях военнопленных и интернированных преимущественно руководящие должности. Наградами, о которых идет речь в документах, являются ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги».

К числу документов, которые отложились в делах, включенных в опись наградной группы облисполкома, и содержат сведения о работниках лагерей ГУПВИ, относятся:

- Указы Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1945 г. и 20 марта 1952 г., в которых перечисляются награжденные лица (в одном из этих документов рядом с фамилиями награжденных вписаны номера ордена и орденой книжки) [6, л. 119; 7, л. 17];

- списки награжденных орденами и медалями, датируемые 1946 г. (в списках содержатся ссылки на Указы Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которыми было произведено награждение) [5, л. 86; 6, л. 60];

- протокол вручения орденов и медалей СССР, относящийся к 1952 г. (по формуляру близок к спискам награжденных) [8, л. 193];

- копии писем министра и заместителя народного комиссара внутренних дел СССР заведующему отделом по учету и регистрации награжденных при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, датируемые 1946–1947 гг. и посвященные необходимости вручения той или иной награды (адресат этих писем пересылал их копии в Кемеровский облисполком, что подтверждается другим письмом от лица заместителя заведующего отделом, направленным председателю облисполкома) [6, л. 16а, 80, 81, 106].

Существенную по объему группу документации Кемеровского облисполкома образуют личные дела различных руководящих работников. После поступления в Государственный архив Кемеровской области данные дела не были включены в фонд облисполкома, а составили основную часть одной из описей фонда-коллекции личных дел партийно-хозяйственного актива Кемеровской области. В этой описи выявлены два дела работников лагеря № 503 – П. П. Лесникова и Е. П. Шмакова. Дела были заведены спустя значительное время после ликвидации лагеря, в 1960-е – 1970-е гг., когда указанные лица уже занимали ответственные должности. Содержащиеся в делах личные листки по учету кадров позволяют установить факт работы П. П. Лесникова и Е. П. Шмакова в лагере, выяснить их должности и определить время пребывания на этих должностях [9, л. 1 об.; 10, л. 7 об.]. Несмотря на то, что данные дела содержат сведения не столько о работе указанных лиц в лагере, сколько о периоде после его ликвидации, они могут быть использованы при изучении вопросов, так или иначе связанных с кадрами лагерей.

Один из документов, относящихся к периоду деятельности лагерей военнопленных и интернированных и содержащих информацию об этих лагерях, хранится в фонде отдела народного образования Кемеровского облисполкома. Документ представляет собой справку о школьных зданиях области, которые используются не по назначению, составленную от имени исполняющей обязанности облоно (но в действительности подписанную другим работником) и датированную 15 января 1948 г. В справке имеются сведения об использовании двух зданий школ Анжеро-Судженска для нужд лагеря № 526. Так, в документе отмечается, что здание школы № 30, ранее занятое под «зону японцев», в 1947 г. было освобождено и возвращено школе, а здание школы № 5, с 1944 г. используемое для нужд шахтного строительства, по состоянию на начало 1948 г. занято под лагерь военнопленных [1, л. 57]. Сведения об одном из сотрудников лагерей ГУПВИ, Н. И. Лаврентьеве, обнаружены также в фонде управления органов ЗАГС Кемеровской области. По другим документам были установлены не только факты работы Н. И. Лаврентьева в лагере № 503, а также место и дата его рождения, в связи с чем появилась

возможность поиска соответствующей метрической записи. В ходе данного поиска было установлено, что дата рождения, указанная в других документах, несколько отличается от даты в метрической записи. Таким образом, дата рождения, обнаруженная в документах фонда управления органов ЗАГС, позволяет уточнить анкетные данные о Н. И. Лаврентьеве, присутствующие в других документах [11, л. 128].

Документы, которые содержат сведения, имеющие отношение к лагерям военнопленных и интернированных, но отстоят от времени деятельности лагерей на 49–50 лет, выявлены в фонде Администрации Кемеровской области. К числу этих документов относятся распоряжения администрации области от 1 сентября 1999 г., 21 апреля и 18 сентября 2000 г., посвященные местам погребения иностранных военнопленных и интернированных (в том числе и той их части, которая содержалась в лагерях ГУПВИ), а именно восстановлению памятных знаков на местах захоронений и мерам по обеспечению сохранности знаков и захоронений. К распоряжениям прилагается ряд других документов: список захоронений (утвержденный одним из данных распоряжений), план мероприятий по обеспечению достойного содержания и охраны иностранных воинских захоронений на территории области (тоже утвержденный одним из распоряжений), расчет договорной цены на проведение работ по восстановлению памятного знака на одном из захоронений, замечания заместителя губернатора области и заместителя начальника главного управления архитектуры и градостроительства области по поводу текста распоряжений, справка о согласовании проекта распоряжения с различными должностными лицами, листы согласования [12, л. 16–21 об.; 13, л. 14–17 об.; 14, л. 23–30 об.].

Изучение фондов органов власти и управления, несмотря на небольшой объем выявленных в этих фондах сведений о лагерях ГУПВИ, подтверждает, что документы по обозначенной теме могут отличаться существенным разнообразием как по своей фондовой принадлежности, так и по времени создания. Среди фондов ГАКО, включающих в свой состав документы о лагерях военнопленных и интернированных, фонды региональных и местных органов власти и управления к настоящему времени наименее изучены на предмет выявления подобной документации. Несмотря на это, проведенная работа позволяет сделать некоторые выводы.

В ГАКО документы о лагерях ГУПВИ, их контингенте и сотрудниках содержатся в фондах исполкомов Советов, администрации области, областных отраслевых отделов и управлений, причем даже тех, которые напрямую с обозначенной темой не связаны. Основную часть документации данных фондов, которая имеет отношение к лагерям и их персоналу, составляют распорядительные документы, а также различные виды документов, связанных с присуждением государственных наград.

Основная сложность выявления в распорядительной документации органов власти и управления сведений о лагерях заключается в том, что в заголовках дел и большей части самих документов отсутствуют прямые указания на наличие искомых сведений. Упростить работу по использованию тех распорядительных документов органов власти и управления, в которых уже выявлена информация о лагерях, может составление перечня или указателя данных документов. Работу с документами наградной группы облисполкома затрудняет то, что при упоминании награжденных, как правило, не указывается место их работы. Помочь в выявлении сведений о награждении работников лагерей, сопоставлении личностей сотрудников лагерей и награжденных жителей области способен именно указатель, составленный на основе различных архивных документов, в которых упоминаются сотрудники лагерей.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-323. Оп. 6. Д. 63.
2. ГАКО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 10.

3. ГАКО. Ф. Р 469. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-625. Оп. 2. Д. 56.
5. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 10. Д. 6.
6. ГАКО. Ф. Р 790. Оп. 10. Д. 9.
7. ГАКО. Ф. Р 790. Оп. 10. Д. 126.
8. ГАКО. Ф. Р 790. Оп. 10. Д. 128.
9. ГАКО. Ф. Р-849. Оп. 7. Д. 1140.
10. ГАКО. Ф. Р 849. Оп. 7. Д. 2395.
11. ГАКО. Ф. Р-1239. Оп. 1. Д. 223.
12. ГАКО. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 449.
13. ГАКО. Ф. Р 1345. Оп. 1. Д. 507.
14. ГАКО. Ф. Р 1345. Оп. 1. Д. 524.

УДК 338.45:69

Долголюк А. А.
Dolgolyuk A. A.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ
РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ И ЕЁ КАДРОВ
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ**

**USE OF MODERNIZATION THEORY IN THE STUDY OF THE HISTORY
OF DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY AND ITS CADRES
DURING THE SOVIET ERA**

В статье раскрываются возможности использования теории модернизации при изучении истории развития капитального строительства и занятых в нем работников. Показано, что строительство самым непосредственным образом способствовало подъему экономики и нарастанию технического прогресса во всех отраслях материального производства. Одновременно с этим значительно возрос культурный и профессиональный уровень строителей.

The article describes the possibility of using modernization theory in the study of the history of capital construction and involved workers. It is shown that the construction directly contributed to the economic recovery and the growth of technical progress in all branches of material production. At the same time, the cultural and professional level of builders grew significantly.

Ключевые слова: строительная индустрия, строители, теория модернизации, инвестиционный процесс, научно-технический прогресс.

Keywords: construction industry, builders, modernization theory, investment process, scientific and technical progress.

В настоящее время историки в своих работах используют множество теоретических концепций. Нередко для изучения какой-либо темы они опираются одновременно на несколько теоретических подходов, чтобы более глубоко исследовать различные аспекты сложных научных проблем. История развития капитального строительства в России и его кадрового потенциала, несомненно, принадлежит к таковым. Её комплексное изучение предполагает использование нескольких теоретических подходов. Однако, по мнению автора, среди них должна присутствовать и теория модернизации. При изучении темы она позволяет исследовать историческую реальность как единый поступательный процесс при длительном, охватывающем несколько столетий, переходе от традиционного общества к современному, индустриально-урбанистическому.

В настоящей статье сделана попытка показать возможности теории модернизации для изучения вышеобозначенной научной проблемы. Эта исследовательская концепция предполагает рассмотрение и анализ исторических явлений в их преемственности и изменчивости с учетом постоянных социальных и экономических трансформаций в обществе.

Вплоть до установления в различных странах капиталистических отношений ведущим являлось аграрное производство. В этот период доминировал хозяйственный способ организации строительного дела, в котором доля ручного труда всегда была преобладающей. И даже при капитализме, особенно в сельской местности, использовались методы строительного производства, характерные для средневековья. Соответствующим был и кадровый состав артелей. В них было совсем немного высококвалифицированных специалистов.

Теория модернизация зародилась на западе в середине XX в. У её истоков стояли такие ученые, как У. Ростоу, Д. Белл, Д. Аптер, Г. Алманд, Т. Парсонс, Ф. Саттон, М. Леви, Ш. Эйзенштадт и др. С учетом идей, высказанных этими авторами, уже в постсоветское время появились сотни работ на тему российской модернизации. Поначалу более активно разрабатывалась модель «догоняющей» модернизации. Согласно ее положениям, разным обществам в перспективе предстояло приближаться к стандартам, заданным экономически развитыми странами (подразумевались США и ведущие страны Европы). Ее представителями были В. А. Красильщиков, В. Г. Хорос, В. Г. Федотова, А. Г. Вишневский [4; 5; 10; 11]. В их работах проводилась идея, что на протяжении трех веков модернизационных преобразований Россия постоянно стремилась догнать западную цивилизацию, в первую очередь, в индустриальной сфере, включая строительное производство. В целом это обеспечивало рост экономического и оборонного потенциала страны.

Несколько позднее к разработке проблемы подключились уральские историки В. В. Алексеев и И. В. Побережников, которые подготовили несколько обобщающих работ по теории модернизации. В публикациях этих авторов обоснованы возможности применения модернизационной парадигмы для изучения региональной истории России [1; 2; 6; 7; 12].

Здесь следует заметить, что неравномерность в развитии отдельных территорий в значительной степени определялась инвестиционной государственной политикой. Реализация в регионах крупных программ общегосударственного значения, как правило, влекла за собой индустриальный рост, появление новых городов, увеличение численности населения, создание новых трудовых, в том числе строительных коллективов.

Уже в ранних версиях теории проводилась идея о полной перестройке общества в ходе модернизации. Она, по мнению Ш. Эйзенштадта, одного из разработчиков этой концепции, основывается на систематическом применении новых научных знаний и связана с использованием новой техники и более совершенных технологий. В ходе нарастающей индустриализации, по мнению автора, происходила дальнейшая специализация производственных процессов и целых секторов экономической деятельности, росли масштабы производства. Вместе с этим происходили количественные и качественные изменения рабочей силы. Одновременно шли прогрессивные перемены в культурной сфере. Росла грамотность. На основе светского образования осуществлялась профессиональная подготовка в соответствии с изменениями в технологической основе индустрии [13]. Таким образом, теория модернизации уже в 1960-х годах ориентировала на изучение трансформаций в составе занятого населения, в том числе в разрезе отдельных отраслей экономики, включая строительство.

Начало модернизационных преобразований в России одни исследователи относят к XVII в., другие – к началу XVIII в. Однако у них нет расхождений в том, что в XX в. Россия вступила всё же аграрной страной. Индустриальной она стала уже в советское время. Между российскими учеными также нет разногласий о стадийности и волнообразном характере российской модернизации. Различия существуют лишь в количестве таких стадий (этапов, «эшелонов модернизации») и их хронологических границах. Сходятся они и во мнении, что российская модернизация часто была вынужденной, иногда навязанной извне, и почти всегда носила догоняющий характер. В этом отношении западные модернизационные процессы зачастую коренным образом отличались от российских. Там они зарождались как результат внутреннего развития, на своей собственной базе. И это придавало им дополнительный импульс, обеспечивая глубокие преобразования в различных сферах жизнедеятельности общества.

В России (СССР), как считают многие отечественные ученые, зачинателем инноваций выступала центральная власть. В частности, А. С. Сеньевский отмечал: «Модернизация в России всегда инициировалась и проводилась сверху государством, а

иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей её развития» [9, с. 25]. Руководители государства, а позднее и лидеры Коммунистической партии Советского Союза решали за народ, какие реформы следует осуществлять и какую часть национального богатства направлять на их реализацию. На государственном уровне принимались важные для судьбы всей страны решения, для выполнения которых мобилизовывались сотни тысяч граждан, направлялись крупные финансовые и материальные ресурсы. Строительная отрасль практически всегда была призвана решать большую часть задач, возникающих в связи с необходимостью осуществления поставленной цели.

Рассуждая о стадийности советских модернизаций, некоторые из исследователей пытаются обозначить их границы. Так, академик В. В. Алексеев выделяет два этапа. Первый он относит к периоду трех первых предвоенных пятилеток. Вторым этапом, по мнению известного историка, начался в послевоенные годы, когда Советский Союз оказался перед необходимостью «нового индустриального рывка». Разоренной войной стране «пришлось решать сразу две новые капиталоемкие задачи: выхода на принципиально иной уровень технологий и значительного подъема благосостояния населения, обездоленного советскими преобразованиями и кровопролитной войной» [3, с. 19–20]. Автор согласен с таким подходом к периодизации.

В послевоенные годы, как и в предшествующий период, модернизация по своему характеру оказалась догоняющей. Основным ее инициатором и главным координатором стало руководство страны. Оно уже в первые послевоенные годы осознавало необходимость крупномасштабных перемен в технико-технологической основе всех отраслей материального производства. Однако в стране на это не хватало средств. Основная часть капитальных вложений направлялась на восстановление разрушенного войной народного хозяйства, которое по возможности старались проводить с учетом новых научных достижений. После смерти И. В. Сталина новое руководство страны было вынуждено активнее включаться в гонку за наиболее развитыми капиталистическими странами. Хрущевский период модернизации пришелся на начало научно-технической революции. Он проводился в жизнь под лозунгами строительства материально-технической базы коммунизма и воспитания человека, соответствующего коммунистическому обществу.

В период хрущевской оттепели руководством страны осуществлено несколько реформ, направленных на децентрализацию управления, расширение властных полномочий регионов. Они дали некоторые позитивные результаты. Однако их дальнейшее углубление могло повлечь за собой ликвидацию некоторых социалистических институтов. Партийное и государственное руководство страны проявляло колебания и непоследовательность в проведении прогрессивных преобразований, не решалось на внедрение в жизнь элементов рыночной экономики. Это замедляло темпы социалистической модернизации.

В. В. Алексеев отмечает, что на протяжении нового этапа модернизации Россия развивалась неравномерно. Самые высокие темпы экономического роста наблюдались в 1950-е гг. К 1960 г. доля СССР в мировом промышленном производстве достигла 19,6 %, т. е. пятой части [3, с. 20–21]. С этого времени хозяйственное развитие страны стало замедляться. Автор не называет точной даты «пробуксовки модернизации». Фактически, по мнению автора, это произошло уже в начале 1970-х гг., когда в советской экономике начали нарастать трудности, стали усиливаться диспропорции, еще более снизились темпы экономического роста. Во многом это было связано с замедлением технологического прогресса, что проявилось во всех сферах материального производства, включая капитальное строительство.

С приходом к власти Л. И. Брежнева темпы модернизационных процессов стали замедляться. Попытки Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина провести

более радикальные реформы управления с целью повышения эффективного действия хозяйственного расчета предприятий и организаций, ввести элементы рыночной экономики не нашли поддержки у партийного руководства страны. В конце 1960-х гг. власти, опасаясь дальнейшего расслоения населения по доходному и имущественному признакам, фактически приостановили реформы. Результатом этой политики стали стагнация экономики и постепенный рост социальной напряженности, что позднее назвали «брежневским застоём».

На примере истории развития строительной индустрии в Сибири и ее кадрового потенциала отчетливо видно, как на втором этапе советской модернизации происходило упрочение индустриально-урбанистического общества в нашей стране. В это же время происходили важные перемены в капитальном строительстве. Во многом изменялись сами сооружаемые объекты, под влиянием технического прогресса вносились коррективы в технологию строительного производства, в неё активно внедрялись индустриальные методы ведения строительного производства.

Непрерывный прогресс технической основы строительного дела изменял требования к занятым в нем кадрам. В первое послевоенное десятилетие они лишь начали проявляться. Со второй половины 1950-х гг., чем интенсивнее шла механизация производственных процессов, тем большие требования предъявлялись к строителям, их профессионализму. Появлялось все больше работников, занятых обслуживанием техники и механизмов. Для овладения профессиональными знаниями, необходимыми для освоения сложной строительной техники и новых технологий, ведения работ с использованием индустриальных методов требовался более высокий общеобразовательный уровень.

Постепенно трансформировалась и государственная кадровая политика. Изменялись источники и формы комплектования работниками строительных управлений и трестов, формы и методы профессиональной подготовки кадров, совершенствовался процесс организации труда, формы его оплаты, больше внимания стало уделяться решению социальных проблем строителей и их семей. Они стали составлять немалую часть населения страны, особенно городского.

Таким образом, модернизация рассматривается автором статьи как всеобъемлющий процесс, как прогресс во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в развитии человека, его свободы, культуры, профессионализма, повышении жизненного уровня.

Применительно к строительным кадрам модернизация в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике состояла в вытеснении из отрасли принудительного труда и замены его свободным, ростом культурно-технического уровня работников, их способности выполнять сложный механизированный труд, в росте реальных доходов, решении социальных проблем.

Модернизационная теория предполагает изучение количественных и качественных изменений в кадровом потенциале строительной отрасли в советской России как проявление модернизационных процессов за длительный исторический период.

Таким образом, инвестиционную деятельность следует рассматривать как часть российской модернизации, а занятых в капитальном строительстве работников как активных субъектов, самым непосредственным образом участвовавших в подъёме российской экономики на более высокий технико-технологический уровень и в решении социальных проблем населения региона.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М. : Наука, 2004. 600 с.
2. Алексеев В. В. Регионализм в России. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1999. 193 с.

3. Алексеев В. В. Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное многообразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 14–24.
4. Вишневецкий А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
5. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М. : РОССПЭН, 1998. 148 с.
6. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 240 с.
7. Россия в XVII – начале XX вв.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2006. 342 с.
8. Сенявский А. С. Цивилизационная специфика российского модернизационного процесса: теоретико-методологические вопросы // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 25–33.
9. Федотова В. Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 56–77.
10. Хорос В. Г. Российская модернизация: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 11–19.
11. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всерос. науч. конф., 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 428 с.
12. Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change / Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966. P. 2–5.

Араловец Н. А.
Aralovets N. A.

ИНФЕКЦИОННЫЕ БОЛЕЗНИ ГОРОЖАН РСФСР В 1960-Е ГОДЫ

INFECTIOUS DISEASES OF THE RUSSIAN SFSR RESIDENTS IN THE 1960s

В статье рассматриваются социальные, демографические, биологические, географические, психологические, наследственные и другие факторы, влияющие на состояние здоровья человека. Особое внимание автор уделяет изучению особенностей инфекционных заболеваний городских жителей РСФСР в 1960-е гг. На основе данных текущей и медицинской статистики было показано снижение уровня заболеваемости населения инфекционными и паразитарными болезнями, что в целом соответствовало эпидемиологическому переходу.

The article discusses the social, demographic, biological, geographical, psychological, heritable and other factors affecting the human health. Special attention is paid to the study of the characteristics of infectious diseases with urban residents of the RSFSR in the 1960s. On the basis of current data and medical statistics the decrease of morbidity of infectious and parasitic diseases has been seen, which confirmed the epidemiological transition in general.

Ключевые слова: факторы заболеваемости, инфекционные болезни, эпидемиологический переход.

Keywords: morbidity factors, infectious diseases, epidemiological transition.

Распространение болезней среди населения, т. е. заболеваемость населения [5, с. 142], обусловлено совокупностью социальных, демографических, биологических, наследственных факторов.

Заболеваемость населения, ее особенности также связаны с влиянием географического фактора. Исследователи создали общую классификацию болезней, обусловленных географическим фактором. А. П. Авцын, классифицируя заболевания, выделил болезни, непосредственно связанные с географическим фактором (например, солнечный, тепловой удары, снежная слепота и т. д.). Вместе с тем исследователь пришел к выводу, что возникновение и распространение болезней определяются влиянием природно-климатических и социальных факторов [1, с. 242, 275].

Психологический фактор оказывает мощное влияние на организм человека. Положительные эмоции, испытываемые человеком, ощущение радости, удовольствия улучшают состояние здоровья человека. Чувства страха, неуверенности, безнадежности, стрессы рассматриваются исследователями как факторы риска для многих, в том числе сердечно-сосудистых заболеваний. Заметное влияние оказывают социально-психологические факторы [4, с. 172, 174]. Исследователи пришли к выводу, что улучшение социальных, санитарно-гигиенических, бытовых условий жизни, успехи медицины и здравоохранения, увеличение ценностей самоохранительного поведения способствуют оздоровлению населения. Эти факторы способствовали в том числе сокращению распространения инфекционных заболеваний в городах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее РСФСР).

Изучение *инфекционных и паразитарных* болезней показало, что эти заболевания самым непосредственным образом связаны с процессом общественного развития, а также с изменениями как биологических свойств возбудителя, так и иммунных реакций организма человека [11, с. 316]. Улучшение социально-экономических условий жизни российского

населения, достижения медицины и здравоохранения, применение массовых прививок способствовали заметному сокращению заболеваемости населения такими заразными болезнями, как *дифтерия, коклюш, брюшной тиф, дизентерия, трахома* и другими инфекционными и паразитарными болезнями. Однако в 1960-е гг. в РСФСР опасность заболевания населением этими болезнями сохранялась, особенно в зимне-весенний период [6, л. 39 об. – 40, 42-68].

Значительная скученность проживания населения в городах обусловила превалирование инфекционных болезней преимущественно в городах (исключением был 1965 г., когда в сельских местностях уровень заболеваемости населением *коклюшем, дифтеритом, сибирской язвой* был выше, чем в городах).

Высокие показатели заболеваемости населения давала *корь*, особенно в городах. Это явление объяснялось, прежде всего, воздушно-капельным способом передачи кори, что способствовало массовому распространению в детских коллективах. Особенность данного заболевания состояла не только в существенных осложнениях состояния больного, но и летальности. На 100 000 человек населения болело в 1959 г. в российских городах – 1203, в селах – 16, в 1965 г. – 1105 и 762. В этом году особенно сильные вспышки кори фиксировались в Горьковской области, Волгоградской, Куйбышевской, Ленинградской и в других областях. В 1960-е гг. в СССР корью болело от 1,8 до 2,0 млн детей. Вместе с тем за период с 1959 по 1965 гг. в городах заболеваемость корью снизилась, а в сельских местностях увеличилась. Снижение уровня заболеваемости корью объяснялось массовой вакцинацией детей в возрастах до 1 года до 8 лет.

Воздушно-капельным путем передается *скарлатина*. Медики отмечали, что ее распространение заметно увеличивается в осенне-зимний период. Заболеваемость населения *скарлатиной* в городах была выше, чем в сельских местностях. Это явление объясняется длительным пребыванием городских жителей в закрытых помещениях, что заметно активизирует распространение заразного заболевания. Однако вакцинация населения значительно ограничила распространения скарлатины. Данные статистики свидетельствовали о снижении уровня ее заболеваемости. В СССР – на 100 000 человек населения было зафиксировано в 1955 г. 400 случаев заболеваний скарлатиной, в 1965 г. – 230. В то же время в 1965 г. в РСФСР высокие показатели заболеваемости данной болезнью отмечались в Москве и Ленинграде, в Московской и Ленинградской областях, Красноярском и Краснодарском краях.

Уровень заболеваемости населения *дизентерией, коклюшем и дифтеритом* был заметно ниже, чем *корью*. В 1965 г. высокие показатели заболеваемости населения *дизентерией* отмечались в Кемеровской области, а также в Хабаровском крае, Иркутской и Горьковской областях, Красноярском крае. *Дизентерия* широко известна во всем мире, однако особенно активное ее распространение отмечалось в странах Азии и Африки. В период с 1950 по 1960 гг. были зарегистрированы случаи заболевания дизентерией: в 28 странах Азии – 3,9 млн, в 31 стране Африки – 1,5 млн.

В условиях вакцинации населения в СССР уровень заболеваемости этими болезнями понижался как в городах, так и в селах. В 1965 г., по сравнению с 1958 г., в СССР заболеваемость *коклюшем* снизилась в 4,8 раза, *дифтерией* – в 24 раза. В РСФСР – на 100 000 человек населения болело *дизентерией* в 1959 г.: в городах – 777, селах – 234, в 1965 г. – 539 и 156; *коклюшем* соответственно – 504 и 351, 74,3, и 104; *дифтерией* – 59,6 и 1,3, 26,9 и 3,3. Из приведенных данных видно преобладание в 1965 г. заболеваемости населения *коклюшем и дифтерией* в сельских местностях.

Грипп имеет самое широкое распространение во всем мире. Это заболевание характеризуется сезонностью. Исследователями были зафиксированы периодические эпидемии гриппа, охватывающие многие страны, а также пандемии, распространяющиеся на несколько материков. Наиболее крупные пандемии гриппа отмечались в 1889–1890 гг., 1918–1920 гг., 1957–1959 гг. В эти годы, по наблюдению ученых, гриппом переболело

практически все население земного шара. Эпидемии и пандемии гриппа связаны с падением у населения иммунитета к данному типу вируса, а также с распространением новых типов разновидностей вирусов. Вакцинация населения способствовала усилению иммунитета детей и взрослых и ограничению распространения гриппа. Однако профилактика гриппа осложнена многими факторами, среди них: недостаточная эффективность вакцин, а также кратковременный эффект противогриппозного иммунитета.

В городах и селах РСФСР широкое распространение имели связанные часто с простудным фактором *острые инфекции верхних дыхательных путей*. На 100 000 человек населения ими болело в 1965 г. в городах – 16 047, селах – 3 574.

Данные статистики показали значительное снижение уровня заболеваемости населения *брюшным тифом* и *паратифом*. На 100 000 человек населения в 1959 г. болело *брюшным тифом* в городах – 16,6, в селах – 10,8, в 1965 г. – 7,1 и 4,9; *паратифом* соответственно – 3,8 и 0,8, 2,0 и 0,5. Однако заболеваемость населения этими болезнями в городах сохраняла более высокие показатели, чем в селах.

В 1960-е гг. в данных статистики заболеваемость российского населения *сыпным и возвратным тифами* не фиксировалась. Это явление объяснялось проведением разнообразных мероприятий по борьбе с опасными болезнями и их ликвидацией: *возвратный тиф* был ликвидирован практически на всей территории СССР в 1938 г. (отдельные случаи заболевания отмечались в годы Великой Отечественной войны); *сыпной тиф* – в 1948 г. Однако в 1950–1960-е гг. эти заболевания встречались в странах Европы, Азии, Америки и особенно Африки.

В 1960-е гг. в РСФСР значительно понизилась заболеваемость детей в возрасте до 5 лет *полиомиелитом*. Болезнь связана с вирусом, имеющим три разновидности, поражающие центральную нервную систему, однако только в 0,1–1% случаев наступает развитие у больного стойкого паралича. Полиомиелит передается в том числе воздушно-капельным путем. Это явление создает дополнительную опасность, так как известные разновидности болезни не вызывают друг у друга иммунитет. С 1940 по 1955 гг. полиомиелит получил широкое распространение практически во всем мире, особенно в США и скандинавских странах. Однако после 1955 г. в результате массовой вакцинации населения уровень заболеваемости полиомиелитом в этих странах снизился. В 1959–1960 гг. поголовная вакцинация населения РСФСР привела к снижению, а затем и к ликвидации заболеваемости этой болезнью. В РСФСР – на 100 000 человек населения было случаев заболеваний полиомиелитом в 1959 г. в городах – 8,4, селах – 4,8, в 1965 г. – 0,1 и 0,1.

Низкий уровень заболеваемости населения был от *церебрального менингита* (на 100 000 человек населения в 1959 г. болело в городах – 0,7, селах 0,5, в 1965 г. – 0,3 и 0,1; *малярии* (соответственно – 0,3 и 0,2, 0,2 и 0,02), *сибирской язвы* (0,1 и 0,4; 0,02 и 0,2).

Следует отметить, что такими инфекционными болезнями, как *корь, скарлатина, ветряная оспа, эпидемический паротит, полиомиелит* в основном болели дети. Значительное число детей также болело *дизентерией, инфекционным гепатитом, гастроэнтероколитом, менингоковой инфекцией, церебральным менингитом*, а также *острыми инфекциями верхних дыхательных путей*. У взрослого населения преобладали *малярия, грипп, геморрагическая лихорадка* (группа заболеваний вирусного происхождения) [2, с. 55-57, 62, 92-94, 99, 101, 108-112, 172-173; 3, с. 121, 126-127, 129-130, 133-134, 136-138, 167-168, 184-189, 269-271; 7, л. 6-7, 9-10, 12-13, 15-16; 9, л. 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30, 33, 39, 42, 45, 48, 51, 54 (подсчеты автора); 10, л. 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 34].

Актуальными инфекционными заболеваниями, особенно в городах, оставались *венерические болезни*. Приток в города населения наиболее молодых репродуктивных и брачных возрастов, низкая сексуальная культура способствовали их распространению.

Доля венерических больных в городах увеличивалась, а в селах – уменьшалась. В 1959 г. в РСФСР доля больных с впервые в жизни установленным диагнозом *венерическое заболевание* составляла в городах – 73,6% (от всех венерических больных с впервые в жизни установленным диагнозом), в селах – 26,4%. В 1965 г. соответственно – 87,6% и 12,4%. В РСФСР значительное распространение имела *гонорея*. Об этом свидетельствовало увеличение числа больных этим заболеванием. В то же время численность больных сифилисом сокращалась. В 1959 г. доля больных *сифилисом* составляла в целом в РСФСР – 4,9% (от числа всех венерических больных), *гонореей* – 95,1%; в городах – 3,5% (от числа всех венерических больных в городах) и 96,5%; в селах – 8,7% (от числа всех венерических больных в селах) 91,3%; в 1965 г. соответственно – 2,2% и 97,8%; 1,8% и 98,2%; 4,5% и 95,5% [8, л. 1–2].

Улучшения условий жизни и труда населения в СССР и РСФСР, проведение вакцинации способствовали спаду заболеваемости *туберкулезом*. С 1950 по 1960 гг. в СССР заболеваемость населения туберкулезом уменьшилась на 51%. В 1959 г. в РСФСР противотуберкулезные диспансеры и диспансерные отделения больниц, а также туберкулезные больницы провели групповые обследования населения с целью обнаружения больных туберкулезом. В ходе этого обследования было выявлено 0,2% (от числа всех обследованных) больных активными формами туберкулеза [2, с. 171].

Однако опасность заболевания туберкулезом, особенно органов дыхания оставалась. Тяжелые формы туберкулеза сохранялись у населения, проживавшего в условиях высокогорного климата. Из данных отчетов о заболеваниях населения *активным туберкулезом* видно, что больные с впервые в жизни установленным диагнозом *активный туберкулез органов дыхания* составляли в 1959 г. в городах РСФСР – 81,7%, в сельских местностях – 82,8%; *активный туберкулез костей и суставов* – 3,7% и 6,2%; *туберкулезный менингит* – 0,9% и 2,8%; *туберкулез кожи* – 0,6% и 0,7%; *прочие формы активного туберкулеза* – 13,1% и 7,6%. В 1965 г. соответственно – 82,1% и 86,6%; 2,6% и 3,2%; 0,6% и 0,4%; 14,2% и 8,5%.

Следовательно, в 1965 г. увеличилось число больных с впервые в жизни установленным диагнозом *активной формой туберкулеза органов дыхания*, особенно в сельских местностях, и *прочими формами активного туберкулеза*. В то же время понизилась численность больных *активным туберкулезом костей и суставов*, а также *туберкулезом кожи* [1, с. 70; 8, л. 4–5 об.].

В конце 1950-х гг. в РСФСР фиксировалось такое заболевание, как *трахома*. Данные отчета лечебных учреждений о заболеваниях населения трахомой за 1959 г. свидетельствовали о том, что в РСФСР среди взрослого населения (без детей в возрастах от 0 до 14 лет) болело 71,4% (от числа состоявших на учете в конце отчетного периода), в СССР – 59,6% [8, л. 10].

Таким образом, в 1960-е гг. в РСФСР, и прежде всего в городах, отмечалось снижение уровня заболеваемости населения инфекционными и паразитарными болезнями. Многие из этих заболеваний были ликвидированы. Данные явления были характерны и для СССР в целом. Все это соответствовало эпидемиологическому переходу.

Литература

1. Авцын А. П. Введение в географическую патологию. М. : Медицина, 1972. 328 с.
2. Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М. : Медицина, 1968. 303 с.
3. Бароян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека: заболеваемость в зарубежных странах. М. : Медицина, 1967. 347 с.

4. Гундаров И. А. Закон духовной детерминации здоровья // *Философия здоровья*. М. : Институт философии РАН, 2001. С. 158–174.
5. *Народонаселение: энцикл. словарь*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. 639 с.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 942.
7. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 27. Д. 943.
8. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 27. Д. 944.
9. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 27. Д. 2773.
10. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 27. Д. 2775.
11. *Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни : коллективная монография / под ред. Г. И. Царегородцева*. М. : Медицина, 1975. 352 с.

УДК 791.6(571.12)«1966/1970»

Ташлыкова М. И., Труфанова Ж. Н.
Tashlykova M. I., Trufanova Zh. N.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕМАТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ЮГРЫ В 1966-1970 гг.

REVOLUTIONARY THEMES IN ACTIVITY OF CULTURAL INSTITUTIONS OF UGRA IN 1966-1970

В статье рассматривается деятельность учреждений культуры Ханты-Мансийского национального округа по организации празднования дня Великой Октябрьской социалистической революции. В соответствии с требованиями политики Советского государства в области культуры, учреждения Тюменской области приложили усилия на организацию мероприятий патриотической, революционной тематики, разъяснения постановлений правительства и решений съездов ЦК КПСС.

The article describes the activity of cultural institutions of Khanty-Mansi National Okrug in the organization of celebration of the day of the Great October Socialist Revolution. According to the policy of the Soviet state in the field of culture, institutions of the Tyumen oblast directed efforts into development of patriotic, revolutionary themes, explanation of government resolutions and decisions of congresses of the CPSU Central Committee.

Ключевые слова: День Великой Октябрьской социалистической революции, организация празднования, Всероссийский смотр художественной самодеятельности, Ленинские чтения, читательские конференции и диспуты, тематические утренники и вечера.

Keywords: day of the Great October Socialist Revolution, the organization of celebration, All-Russian amateur arts festival, Lenin readings, reader's conferences and debates, thematic morning and evening performances.

Революционные события октября 1917 г. породили самые значимые и яркие праздники советской эпохи. Более 70 лет День Великой Октябрьской социалистической революции – «красный день календаря» – оставался главным праздником страны. Отмечать его начали практически с первых лет советской власти – с 1918 г. В сталинскую эпоху окончательно утвердился и неукоснительно соблюдался праздничный столичный регламент: приветствие народа вождем и государственными деятелями на трибунах Мавзолея, массовое шествие – демонстрация трудящихся и, конечно, военный парад на Красной площади. Праздник сопровождался торжественными концертами, отчетами трудовых коллективов о своих достижениях во всех сферах деятельности: в труде, военно-патриотическом воспитании, спорте и культуре. Подобный канон мероприятий был воспринят на всей территории Советского Союза: от центра до самых удаленных регионов страны. Однако особенности развития периферии обуславливали специфику подготовки и проведения торжеств, посвященных очередным годовщинам революции.

К 50-летию Советской власти по стране был объявлен Всероссийский смотр художественной самодеятельности. В связи с подготовкой к столь масштабному мероприятию, регионом заинтересовалось Министерство культуры, впервые за последние десять лет направившее в Тюменскую область своих представителей. Подводя итоги проверки, в Министерстве культуры пришли к выводу о наличии серьезного отставания в работе культурно-просветительских учреждений области от предъявляемых на тот

момент времени требований. Сказано было достаточно жестко: «...Проехали всю Россию, а такого убожества, как в вашей области, не видели» [3, л. 38-39].

Столь пристальное внимание к учреждениям культуры на севере Тюменской области было вызвано в значительной степени началом освоения колоссальных запасов углеводородного сырья. В регион направлялись тысячи рабочих и специалистов преимущественно молодежного возраста, что заставляло партийное руководство уделять особое внимание организации мероприятий, направленных, прежде всего, на идейно-патриотическое воспитание. В полном соответствии с политикой советского государства в области культуры культпросвет (культурно-просветительский отдел) учреждения и учреждения искусств Тюменской области направляли свои усилия на разработку патриотической, революционной тематики мероприятий, разъяснение постановлений правительства и решений съездов ЦК КПСС. Под непосредственным контролем партийных органов, как правило, разрабатывался некий стандартный набор форм обслуживания, который работники культуры обязаны были проводить в жизнь.

Празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в стране всегда отводилось особое внимание, а юбилейная дата – 50 лет – отмечалась с особым размахом. Учреждения культуры Тюменской области включились в подготовку торжественного мероприятия в соответствии планом Министерства культуры СССР. В мае 1966 г. был создан окружной комитет Всероссийского смотра. Накануне мероприятия проводились творческие отчеты коллективов художественной самодеятельности на местах. При этом был отмечен значительный рост численности кружков художественной самодеятельности в национальных округах, достигших 257 единиц и объединивших около 9 тысяч участников – геологов, нефтяников, лесорубов, рыбаков, охотников, рабочих совхозов, учителей, врачей и т. д. [5, л. 287].

Для обеспечения коллективов художественной самодеятельности новым репертуаром, соответствующим тематике смотра, Тюменским областным управлением культуры, облпрофсоветом и обкомом ВЛКСМ был объявлен творческий конкурс профессиональных и самодеятельных драматургов, композиторов и поэтов [8, л. 50]. По результатам районных смотров был отмечен коллектив из Сургутского района, выступивший с литературно-музыкальной композицией «Вечный огонь революции», а на областном смотре – инструментальный ансамбль Ханты-Мансийского национального педагогического училища под руководством А. Мотошина – за высокий уровень исполнительского мастерства и тематическую направленность репертуара [5, л. 289-290.].

Следует отметить, что по итогам смотра были отмечены существенные недостатки в работе учреждений культуры. В некоторых районах Ханты-Мансийского округа работники культуры не проявляли особой активности, и только к августу сформировались оргкомитеты в Березовском, Кондинском и Нижневартовском районах. В результате многие клубы и дома культуры оказались не готовы к участию в различных этапах смотра. Так, только треть окружных клубов приняли участие в районных творческих отчетах, проводившихся весной 1966 г., поскольку в большинстве организаций отсутствовали постоянно действующие кружки художественной самодеятельности [3, л. 14]. Ни один район вовремя не представил заявки для участия в окружном и областном показах смотра [5, л. 184]. Уровень подготовки самодеятельных коллективов не отвечал требованиям, предъявляемым к качеству исполнения. Были высказаны претензии и к содержанию репертуара, который часто не соответствовал тематике торжества [3, л. 39.]. Долгое время остававшиеся на периферии культурной жизни окружные учреждения культуры проводили подготовку к смотру весьма формально, ограничившись минимумом необходимых мероприятий. Учреждения культуры Кондинского района вообще не принимали участие в смотре самодеятельных коллективов [3, л. 39].

Определенных успехов достигли только те районы, в которых этому вопросу уделили большое внимание партийные организации и районный оргкомитет, как,

например, в Нижневартовском районе, где по инициативе райкома партии был организован народный университет марксизма-ленинизма с двухгодичным обучением. Для проведения занятий приглашались лекторы из общества «Знание», лекции и беседы сопровождались обязательным показом кинофильмов о вожде революции В. И. Ленине [6, л. 23].

Ленинская тематика впоследствии нашла свое продолжение. В 1968 г. началась подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В рамках этого мероприятия были объявлены Всероссийский смотр работы районных домов культуры, II Всероссийская переключка сельских клубов и Всероссийский фестиваль искусств. Одной из важнейших задач смотра домов культуры стало расширение объема деятельности клубных учреждений по ряду показателей – тематические вечера, устные журналы, диспуты, лекции, самодеятельные концерты и спектакли, университеты ленинских знаний, кинолектории и другие массовые мероприятия [10, л. 1-2.]. К примеру, в Сургутском городском доме культуры были созданы факультеты по изучению биографии В. И. Ленина «Ленин и искусство». На ежемесячных занятиях слушатели знакомились с любимыми произведениями Ленина, просматривали кадры из кинофильмов, иллюстрации советских художников, прослушивали любимые им музыкальные произведения [1, л. 7].

Лениниана стала одной из главных тем в преддверии грядущих празднеств. Важное значение в этом направлении имел областной смотр сельских киноустановок, проводившийся совместно с профсоюзными организациями под лозунгом: «Ознаменуем столетие со дня рождения Ленина добрыми делами». В ходе проведения смотра работники киносети и кинопроката должны были решить задачи по широкому использованию произведений отечественных киностудий в идеологической работе, воспитанию советских людей в духе коммунизма [6, л. 10]. Областная контора кинопроката формировала репертуар таким образом, чтобы фильмы о В. И. Ленине и его соратниках, о революционных событиях демонстрировались в каждом населенном пункте: на каждую установку ежемесячно направлялось по две-три программы [6, л. 23]. В окружных отделениях кинопроката были заведены картотеки на художественный, хроникально-документальный и научно-популярный фильмофонд историко-революционной тематики, частности ленинской. Подготовленные каталоги разослали во все дирекции киносети округа, а весь отмеченный фильмофонд привели в порядок. Старые фильмы были расписаны по киноустановкам, а новые выпускались на экран по плану, согласованному с местными партийными организациями [6, л. 16]. На окружных киноустановках были организованы кинолектории: демонстрировались фильмы о революционных событиях, проводились беседы, лекции и доклады [2, л. 4].

В подготовку к торжествам, посвященным революционным событиям, активно включились окружные библиотеки. С февраля 1966 по июль 1967 гг. в них проводился так называемый общественный смотр. В этот период в библиотеках были организованы книжные выставки, тематические вечера, устраивались встречи с участниками Гражданской и Великой Отечественной войны. Распространенной формой работы стали ленинские чтения, конференции. Так, например, детская библиотека г. Ханты-Мансийска дважды провела общегородскую конференцию «Навстречу 50-летию Советской власти» [4, л. 106], в Боковском доме культуры Сургутского района совместно с клубом была проведена конференция по книге «Великий почин», в Тундринской сельской библиотеке Сургутского района функционировал устный журнал [6, л. 60-61]. Подготовка к празднованию годовщины со дня рождения вождя революции усилила ленинскую тематику: в библиотеках организовывались Ленинские уголки, чтения, устные журналы, книжные выставки, монтажи и т. д. Так, Сургутская городская детская библиотека организовала для детей утренник по мотивам художественных произведений – «Ленин в детстве» [5, л. 114], провела ленинские чтения «Семья Ульяновых», «Что завещал нам Ленин», «Имя Ленина знает каждый» [1, л. 8].

Особое внимание уделяли сотрудники библиотек совместной работе со школьными учителями: организовывали читательские конференции и диспуты, тематические утренники и вечера, руководили внеклассным чтением, знакомили школьников с общественно-политической литературой [4, л. 42]: работники Угутской сельской библиотеки Сургутского района оформили уголок ленинской литературы для школьников, провели цикл ленинских чтений «Страницы великой жизни», диспут «В жизни всегда есть место подвигам» [5, л. 114].

Идеологическая пропаганда занимала ведущее место и в работе музейных учреждений, основные направления деятельности которых определило принятое в 1964 г. постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Важнейшим требованием к экспозициям, выставкам и экскурсиям являлась их научная обоснованность и идеологическая направленность, причем основное внимание уделялось пропаганде истории советского общества «на примерах жизни и деятельности В. И. Ленина, героической истории КПСС, революционных и трудовых традициях советского народа, в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма» [4, л. 106]. Готовясь к годовщине 50-летия Октября, Ханты-Мансийский окружной музей подготовил беседу с учащимися «По боевым местам становления Советской власти на Обском севере» [4, л. 106].

Проведение смотров, приуроченных к празднованию 50-летия Октября и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, сыграли важную роль в улучшении деятельности и укреплении материально-технической базы учреждений культуры Ханты-Мансийского округа. Работники культуры включились во Всероссийское социалистическое соревнование, борясь за звание учреждения «Отличной работы». Итоги соревнования регулярно подводились на президиуме обкома профсоюза: победители получали переходящие Красные Знамена, а отличившиеся коллективы и работники были отмечены почетными грамотами и удостоивались размещения фотографий на досках почета [4, л. 30-32]. И хотя большинство учреждений культуры не выполняли взятые на себя обязательства, следует отметить некоторые положительные сдвиги в общем состоянии культуры в округе: появились новые формы работы – культурно-бытовые поезда и теплоходы, агитбригады, радио- и теледни, устные тележурналы, диспуты; более разнообразными стали направления деятельности кружков, самодеятельных и любительских коллективов. Особое внимание придавалось развитию народных театров, музыкальных и хореографических коллективов. Так, в ходе подготовки к 100-летию В. И. Ленина в округе были созданы Симфонический оркестр, ансамбль «Миснэ» и другие коллективы, ставшие в дальнейшем гордостью Югорского края [9, л. 88-90].

Таким образом, подготовка и проведение общественно-политических праздников занимали значительное место в деятельности учреждений культуры Ханты-Мансийского округа, хотя отношение к ним становилось достаточно формальным. Ситуация отчасти объяснялась тем, что в середине 1960-х гг. учреждения культуры Ханты-Мансийского округа находились в весьма бедственном положении: скудная материально-техническая база, отсутствие квалифицированных кадров, нехватка музыкальных работников и, как следствие, некачественная работа по обслуживанию населения, которая, как правило, сводилась к демонстрации фильмов, проведению танцевальных мероприятий, выдаче и принятию книг в библиотеках. Организация художественной самодеятельности практически повсеместно ограничивалась подготовкой концертов к красным датам календаря [7, л. 75].

Активное культурное строительство в округе начинается позднее. Интенсивность этого процесса была напрямую связана с деятельностью ведущих предприятий нефтегазового комплекса. Интересы государства в увеличении объемов производства нефти и газа выводили на первый план в работе учреждений культуры пропаганду ударного коммунистического труда, возрождение и усиление идеи социалистического

соревнования, работу над образом человека труда, который вдохновлял бы на новые трудовые свершения и подвиги, стимулировал рабочую сознательность и трудовой энтузиазм.

Литература

1. АОАС. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 6.
2. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 195. Д. 113.
3. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 114.
4. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 131.
5. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 139.
6. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 148.
7. ГБУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 461.
8. ГБУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 562.
9. ГБУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 753.
10. ЦГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 27. Д. 589.

Список сокращений

АОАС – Архивный отдел Администрации г. Сургута

ГБУТО ГАСПИТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области
«Государственный архив социально-политической истории Тюменской области»

ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области
«Государственный архив Тюменской области»

ЦГАЛИ – Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение
«Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга»

УДК 911.375.227:711.433(571.122)

Соколов С. Н.
Sokolov S. N.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА

HISTORY OF FORMATION OF THE NIZHNEVARTOVSK CITY

В статье приведены основные этапы формирования территориальной урбанистической структуры города Нижневартовска, показано, как из села на берегу Оби вырос современный город нефтяников. Предложено уравнение тренда для прогнозирования численности населения Нижневартовска на 2017–2020 гг.

The article describes the main stages of formation of territorial and urban structures of the Nizhnevartovsk city, and shows how the village on the Ob riverside has grown to be a modern oil town. The trend equation was suggested for the projection of the population growth of the Nizhnevartovsk city for the period of 2017-2020.

Ключевые слова: поселение, территориальное развитие, прогноз численности населения, Нижневартовск.

Keywords: settlement, territorial development, projection of population growth, Nizhnevartovsk.

Остяцкие летние юрты располагались на излучине Оби неподалеку от впадения в нее правого притока – реки Вах. В 1850 г. селение Вартовские остяцкие юрты состояло из 12 домов, в которых проживал 81 человек. Напротив, на левом берегу Оби, в то время было село Вартовское (название от антропонима), которое в 1929 г. было включено в состав села Вампугол [1]. В качестве «Нижне-Вартовской пристани» Нижневартовск обозначен на экспликации к карте, составленной А.А. Дуниным-Горкавичем в 1892 г. По сведениям переписи 1920 г., Нижне-Вартовская пристань как стационарное поселение была основана в 1905 году [3]. К ней стали приставать купеческие пароходы, чтобы запастись дровами. В переводе с языка коренных жителей название пристани «Нижневартовская» означает «в низовьях и на излучине реки». В 1911 г. появились первые 3 жилых дома. Точная дата возникновения поселения неизвестна, но, тем не менее, этот факт является неофициальным началом истории города.

Речушку, впадающую в Обь, назвали Рязанкой по фамилии купца Рязанова. Здесь же стоял дом Елисеева, сторожа здешнего богатства. В 1912 г. тут уже было 5 домов и жило в них 11 человек. Они заготавливали дрова, ловили рыбу, охотились. Ближе к осени туесами и ведрами собирали бруснику, крупную багряную клюкву. Среди первопоселенцев были Панов, Силкин и Плетнев, имена других история не сохранила [6].

В 1922 г. в селе Нижневартовском были открыты начальные школы, интернаты, магазины, медпункты, клубы, поселение выросло до 100 дворов. В сентябре 1924 г. здесь был образован Нижневартовский сельский Совет. С началом коллективизации в 1930 г. здесь создан колхоз «Красное знамя». В 1935 г. село Нижневартовское передаётся из Александровского в Ларьякский район [8]. В 1943 г. организован Нижневартовский рыбозавод. В 1948 г. начинается интенсивная застройка села Нижневартовского и в 1959 г. здесь уже проживает 1,5 тыс. чел.

В марте 1961 г. на территории Нижневартовского региона было открыто Мегионское месторождение нефти, что находилось вблизи будущего города. После чего резко увеличился объем и ускорились разведочные работы в районе озера Самотлор. С началом обустройства этого главного нефтяного промысла страны, рабочий поселок

Нижневартовский начинает приобретать первые черты будущего крупного российского города.

24 февраля 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР административный центр района был переведён из села Ларьяк в село Нижневартовское. Необходимость данного шага была обусловлена удалённостью Ларьяка от основных транспортных путей. Положение села Нижневартовского как административного центра, было более выгодным, чем села Ларьяк. Таким образом, Нижневартовск стал административным центром Нижневартовского района.

В 1964 г. Тюменский облисполком утвердил проект генерального плана развития города Нижневартовск, разработанный институтом Башнефтепроект. Этот план определял расчетную численность населения города в 44 тыс. человек.

29 сентября 1964 г. по решению исполкома Тюменского областного Совета народных депутатов село Нижневартовское стало рабочим поселком Нижневартовский [8]. В 1964 г. неподалёку от села высадили десант строителей и нефтяников. В начале 1964 г. было развернуто строительство города Нижневартовска на 45 тыс. жителей [3]. Застройка первого квартала началась сразу же с улицы, которая сейчас носит имя Мусы Джалиля.

20 мая 1965 г. возле озера Самотлор близ поселка Нижневартовского бригадой Г.И. Норкина была пробурена первая разведочная скважина Р-1, давшая 29 мая нефтяной фонтан. Теперь город стал формироваться не только как центр эксплуатации Самотлорского и Мегионского месторождений, но и как главная база нефтедобычи в Западной Сибири. В 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект планировки, разработанный Гипрогором. В 1969 г. институтом Гипрогор обследовались 4 площадки для строительства города, в том числе Нижневартовской площадки, на которой уже размещался поселок нефтяников. Генплан развития Нижневартовска с расчетной численностью населения в 130 тыс. чел. был утвержден в 1969 г. Архитекторы основывались на принципах регулярной планировки для застройки Нижневартовска, первая очередь строительства предусматривалась на территории западнее пионерного поселка нефтяников, где размещались 6 микрорайонов, осью территории являлась улица Космонавтов, которая со временем была переименована в улицу Победы [10].

В 1968 г. начали строить нефтепровод Нижневартовский – Усть-Балык и бетонированную дорогу из Нижневартовского в Мегион. Было организовано движение речных трамваев между Нижневартовским и Мегионом и теплоходов «Ракета» до Ханты-Мансийска [1].

2 апреля 1969 г. на Самотлорском месторождении началась промышленная нефтедобыча, что подстегнуло развитие Нижневартовска. 4 мая 1969 г. вступает в строй нефтепровод Нижневартовский – Усть-Балык.

В начале 1970-х гг. старую часть города – Старый Вартовск (это название получил бывший поселок Нижневартовский) и новую часть разделяли непроходимые болота, сообщение между ними осуществлялось по трубе-водоводу большого диаметра, шедшей с реки Вах в новый город. Была построена бетонная дорога от поселка Нижневартовского до Мегиона длиной 27 км и до Самотлорского месторождения (20 км), начато строительство нового аэропорта.

9 марта 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлок преобразован в город Нижневартовск, приобрел статус города окружного подчинения, 19 октября того же года открылось воздушное сообщение Нижневартовск – Москва [3]. В 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект территориального развития поселка Нижневартовского, предложенный Московским институтом Гипрогор, предусматривавший перспективную численность населения в количестве 130 тыс. чел. [3].

Принципиальная архитектурно-планировочная структура города, линейная по своему характеру, была заложена еще в первом генеральном плане 1970 г., свободно развивающегося на правобережной площадке вдоль излучины р. Оби в восточном

направлении к озеру Эмтор, с общим населением порядка 80 тыс. человек. Здесь сложились первые жилые районы, образующие компактную селитебную территорию города. Основные магистральные улицы проектировались параллельно и перпендикулярно берегу реки с последующим развитием их в восточном и юго-восточном направлениях [1]. Сегодня в городе более ста пятидесяти улиц и переулков.

Магистральные улицы первого генплана – ул. Мира, Ленина, 60 лет Октября получили в дальнейшем прямое продолжение на восток. В широтном направлении город ограничивался на севере железной дорогой на Сургут, на юге рекой Обь [7].

Численность населения за период 1969–1971 гг. возрастает почти в 3 раза и на конец 1971 г. составляет почти 27 тыс. чел. [4]. Население продолжает прибывать из Башкирии, Татарии и других нефтяных регионов СССР. Такой поток людей, привлеченных большими перспективами района, публикациями в центральных газетах и журналах о крае, прогнозировался министерствами и ведомствами, но они не предполагали такие темпы роста – он шел с трехкратным годовым увеличением. Остро стоит проблема расселения вновь прибывающего населения. Для решения данной проблемы к поселку Нижневартовскому решили применить та называемый «ташкентский метод», показавший свою эффективность при восстановлении Ташкента – столицы Узбекистана, пострадавшего от катастрофического землетрясения в 1960-е гг.

В начале 1960-х гг. началась застройка первого деревянного квартала на улице Мусы Джалиля, с которой и началось строительство нового города. Она начинается от берегов Оби, где была расположена речная пристань [6]. В 1965 г. на заседании Нижневартовского поселкового Совета улице № 5 было присвоено новое название – улица Нефтяников.

В 1972 г. поселок Нижневартовский получил статус города – это официальная дата рождения города. В начале 1972 г. постепенно формируется 2 микрорайон, который состоит из пятиэтажных крупнопанельных и блочных домов. Начинается застройка 1 и 3 микрорайонов, идет инженерная подготовка площадей под 4, 5 микрорайоны. Их застройку проводят приглашенные строители из Омска, Перми, Иркутска, Казани, Уфы [5]. И в этом же году киевскими студентами из стройотряда началась закладка городского парка.

Улица Пионерская получила свое имя в 1975 г. в честь первооткрывателей и первопроходцев, но ее название не совсем удачное. Более правильное название бы было – улица Пионерная (такая есть в пригороде Нижневартовска – поселке Излучинск). Намного раньше присвоения названия улицы, в болотную топь положили бетонные плиты, и открытие этой улицы приурочили ко Дню строителя 10 августа 1966 г. [1]. Первое многоэтажное здание в городе также появилось на этой же улице. В 1970-х гг. бюро райкома комсомола Нижневартовска выступило с инициативой одну из улиц города назвать Комсомольской, исполком поддержал ее. Сейчас она называется Комсомольский бульвар.

В начале 1970 г. ближайшая к поселку железнодорожная станция находилась в г. Тобольске. В постановлении об ускоренном развитии нефтедобывающей промышленности Западной Сибири ставилась задача в 1971 г. ввести в эксплуатацию аэродром с твердым покрытием, к 1975 г. завершить строительство железной дороги Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Стрежевой. В 1975–1976 гг. строится железная дорога до Сургута, в который прибывают первые поезда. В Нижневартовск прибыл первый поезд 6 января 1980 г., открывший железнодорожное сообщение между городом и всей страной [8].

Современный облик Нижневартовск получил во многом благодаря инициативам Р.И. Кузоваткина, который добивался упорядоченного строительства города. В 1976 г. начато строительство 5-го, 8-го и 12-го микрорайона. Начинается благоустройство улиц Таежная, Мусы Джалиля, Чапаева. Строительство 7-го и 10-го микрорайонов начинается

в 1977 г. В 1979 г. благоустраиваются 7 и 11 микрорайон [8]. В 1979 г. откорректированный генплан Нижневартовска, разработанный Гипрогором, был утвержден решением Тюменского облисполкома. Пересмотр генпланов городов нефтяников и газовиков был связан с тем, что увеличение объемов добычи нефтегазодобычи способствовали тому, что темпы роста численности населения в городах превысили темпы роста, предусмотренные в ранее утвержденных генпланах. Новый генплан Нижневартовска предусматривал рост населения города до 170 тыс. чел. в 1985 г. [11].

Многим улицам Нижневартовска давали названия в честь тех городов, жители которых эти улицы строили. Например, Омская, Пермская. Улица Кузоваткина получила свое название только в 2000 г., ранее она называлась Большая Менделеева, хотя была (и существует) улица Менделеева. С 2004 г. еще одна улица получила название – Набережная носит имя улица Григория Пикмана в честь старейшего строителя Нижневартовска. Это самая длинная улица во всем городе [8].

Начиная с 1970-х гг. население Нижневартовска непрерывно росло. Основную долю населения составляли мигранты из бывшего СССР. В конце 1970-х - начале 1980-х годов, в связи с постепенным истощением нефтяных пластов в Татарстане и Башкортостане и перемещением центра нефтедобывающей промышленности в Западную Сибирь, в Нижневартовск оттуда переселилось много нефтяников и их семей, чем объясняется значительный удельный вес татар и башкир в населении Нижневартовска [5]. Чтобы подчеркнуть разнообразие этнического состава жителей города, новые улицы были названы улицы Интернациональная, Дружбы Народов.

В 1985 г. была утверждена схема расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, разработанная институтами ЛенНИИПрогростроительства и Гипрогор. Согласно этой схеме, Нижневартовск должен был выступать центром с населением 200–300 тыс. чел. [11]. В 2008 г. продолжение улицы Омской в сторону Старого Вартовска получила название улицы Героев Самотлора. Вместе с ней в новом районе появились проезды Восточный и Романтиков, а также улица со звучным названием – Нововартовская [12]. По проекту протяженность улицы составит 1,5 км, она соединит город с поселком Магистральный.

В целом, на территории города сложились и продолжают развиваться три основных промышленных района. Основной из них – Западный, практически прилегающий к городской жилой застройке, стихийная застройка которого началась с момента возникновения города и продолжается сегодня. В стадии формирования и развития находятся Северный промышленный узел и Северо-западный за р. Рязанский Еган. Новое строительство в данном генеральном плане намечено в восточной части города за пределами улицы Ханты-Мансийской [12]. В настоящее время продолжается работа над архитектурным обликом города, одна из основных работ в этом направлении — воплощение генерального плана города в срок до 2025 г.

Немалую роль в изменении численности населения города сыграл большой приток молодых людей и высокий уровень рождаемости детей.

Начиная с 1990-х гг. и до сего времени население Нижневартовска колеблется: то увеличивается, то уменьшается (рис.1). По предварительным прогнозам, специалистов население в городе будет продолжать расти, но не очень большими темпами. В 2025 г. численность населения будет составлять около 245–275 тыс. чел. [12]. Пополняться население будет в основном за счет естественного прироста.

Для прогнозирования численности населения Нижневартовска подберем уравнение тренда, описывающие динамику численности города. Установлено, что наиболее приемлемым является уравнением тренда полинома 3-й степени [9]:

$$Y_j = a_0 + a_1t + a_2t^2 + a_3t^3 \pm u, \quad (1)$$

где t год, a_0 , a_1 , a_2 и a_3 – параметры уравнения регрессии, подобранные методом наименьших квадратов (в 2005 г. $t = 0$), u – доверительный интервал прогноза.

Данное уравнение для Нижневартовска будет иметь следующий вид:

$$Y_j = 242,316 - 2,6490t + 0,9116t^2 - 0,0411t^3 \pm u, \quad (2)$$

где t год (в 2005 г. $t = 0$). Коэффициент детерминации (R^2) составляет 0,9948, средняя относительная ошибка аппроксимации (МАРЕ) равна 0,24%.

Динамика и прогноз даны на рисунке 1 и в таблице 1.

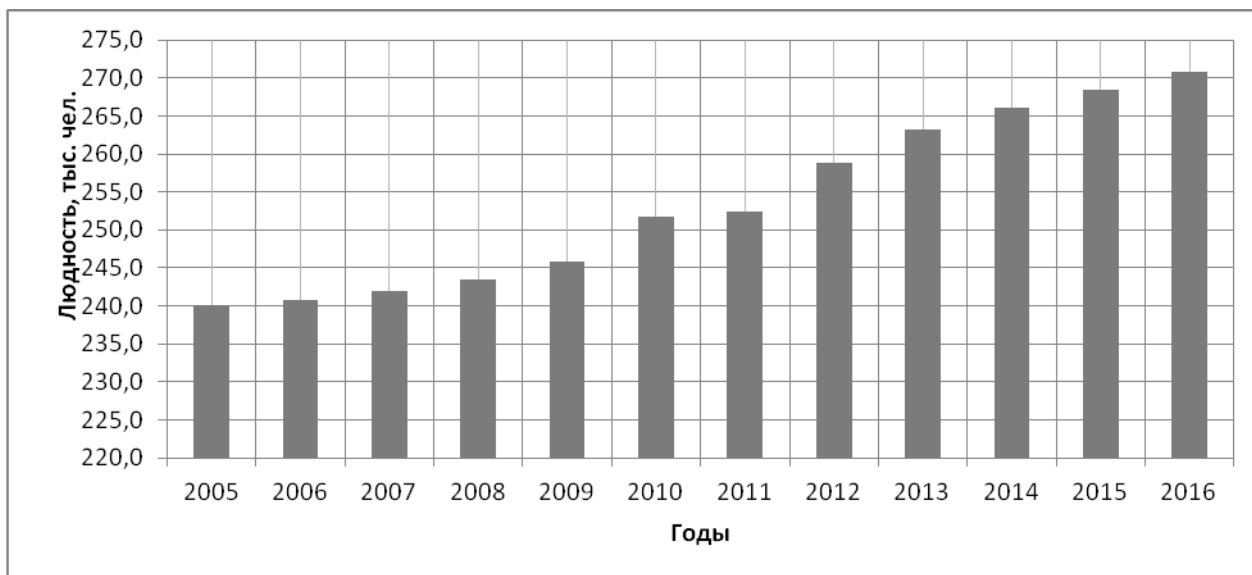

Рис. Динамика населения г. Нижневартовска (2005–2016 гг.)

Таблица

Динамика населения города Нижневартовска по прогнозу до 2020 г.
(с вероятностью 99,5 %)

Год	Людность (тыс. чел.)		
	прогноз	среднее	доверительный интервал
2017	269,0 – 274,3	271,6	± 2,6
2018	268,4 – 273,8	271,1	± 2,7
2019	266,2 – 271,8	269,0	± 2,8
2020	262,0 – 267,9	265,0	± 2,9

В 2025 г. число жителей города, если исходить только из естественного прироста населения (при нулевом сальдо миграции), составит примерно 245 тыс. человек. В 2025 г. число жителей будет примерно соответствовать современному уровню [9; 12].

В дальнейшем, по всей видимости, эта ситуация вряд ли изменится, и отток населения будет преобладать над притоком. Для того чтобы привлечь население в Нижневартовск и увеличить долю рождаемости, необходимо принимать срочные меры.

Для решения данной проблемы и привлечения населения из других регионов, мы предлагаем провести репрофилирование специализации города. Например, здесь можно развивать предприятия целлюлозно-бумажной промышленности; построить завод по переработке нефти, на котором можно использовать местное топливо, а бензин не привозить из других городов.

Для улучшения демографических показателей в городе необходимо решить жилищную проблему, а именно активизировать строительство жилых домов, сделать доступным жилье для молодых семей, так как, используя существующие правила

получения ипотеки, только у 10 % жителей имеется возможность приобрести жилье.

Таким образом, формирование населения Нижневартовска будет зависеть от демографической политики, проводимой в городе.

Литература

1. Вавер О. Ю., Выходцев А. М. Историко-геоэкологический анализ современного состояния и концептуальные подходы к развитию города Нижневартовска : монография. Нижневартовск : НГГУ, 2009. 209 с.
2. Город вечной молодости. Нижневартовску – 30 : фотоальбом. М., 2002.
3. История Нижневартовского района / под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Екатеринбург : БАСКО, 2013. 320 с.
4. Концепция социально-экономического развития города. URL: <http://refwin.ru/165431055.html#1> (дата обращения 14.10.2017).
5. Миграция в Нижневартовске бьет по численности населения // Вслух.ру : Интернет-газета. URL: <http://www.vsluh.ru/news/politics/56862.html> (дата обращения 14.10.2017).
6. Нижневартовск исторический. URL: <http://www.ronl.ru/referaty/istoriya/786859/> (дата обращения 14.10.2017).
7. О Нижневартовске. URL: <http://angel2002m.narod.ru/city.htm#00001D>. (дата обращения 14.10.2017)
8. Официальный сайт органов местного самоуправления города Нижневартовска. URL: <https://www.n-vartovsk.ru/> (дата обращения 14.10.2017).
9. Соколов С. Н. Динамика населения городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Россия будет прирастать Сибирью : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Сургут, 2015 г.). Сургут : Изд. центр Сургут. гос. ун-та, 2016. С. 165–171.
10. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 -е – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
11. Стась И. Н. Центры урбанизации и расселения нефтяников – город Нижневартовск и Нижневартовский район (1960—1980-е гг.) // Нижневартовский район в судьбах Югры и России : матер. Всерос. научн-практ. конф. (г. Нижневартовск, 7 июня 2013 г.). Нижневартовск : изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2013. С. 35–43.
12. Стратегия социально-экономического развития города Нижневартовска до 2020 года и на период до 2030 года. URL: <http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/Nizhnevartovsk2030.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

УДК 94(571.1)

*Стась И. Н.
Stas I. N.*

**ВАХТОВЫЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА (1960-е – 1980-е гг.)**

**WORK ON ROTATION BASIS IN THE SETTLEMENT SYSTEM OF WEST-SIBERIAN
OIL AND GAS COMPLEX (1960s and '80s)**

В статье реконструируется история становления вахтового метода при освоении нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Раскрывается трансформация вахтового метода в начале 1980-х гг., а также показаны сюжеты, характеризующие кризис вахтовой организации работ в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе в конце 1980-х гг.

The article reconstructs the history of the formation of work on rotation basis in the development of oil and gas fields in Western Siberia. It reveals the transformation of the work on rotation basis in the early 1980s, and also shows storylines characterizing the crisis of rotational work organization in the West Siberian oil and gas complex in the late 1980s.

Ключевые слова: вахтовый метод, базовый город, вахтовый поселок, централизованное расселение, групповое расселение.

Keywords: work on rotation basis, base town, rotation village, centralized resettlement, group resettlement.

Вахтовый метод сегодня является основным способом организации промышленной нефтегазодобычи на Крайнем Севере России. Вместе с тем современная концепция вахты в нефтяной отрасли прошла долгий путь становления, который определился в условиях бурных дискуссий советских ученых, производителей и политиков. Вахтовый метод расселения должен был стать главным инструментом для борьбы с экстремальными природными условиями в районах нефтегазового освоения.

После того как в 1964–1965 гг. были завершены подготовительные работы к промышленной добыче нефти, главной проблемой становился выбор способа организации расселения нефтяников. Во второй половине 1960-х гг. оставались открытыми следующие вопросы: рационально ли строительство крупных городов при эксплуатации месторождений? какую роль должны были играть вахтовые поселения?

Для решения этих проблем в июне 1966 г. в Тюмени была проведена научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области. По мнению историка А. И. Прищепы, одни участники конференции предлагали реализовывать эксплуатацию нефтяных месторождений вахтовым или вахтово-экспедиционным методом, без строительства полноценных городов и поселков, а другие, главным образом нефтяники, ратовали за возведение современных благоустроенных городов, которые становились опорными центрами системы внутрирегиональной вахты [16, с. 21-22]. Исследователь указывает на то, что первый подход именовался «внешним вариантом», а второй – «внутренним вариантом».

Большинство докладчиков ратовало за расселение нефтяников и газовиков в крупных городах, нежели в мелких поселках у месторождений или вахтовым методом. Среди тех, кто придерживался данной точки зрения, были известные научные институты: Гипрогор, Башнефтепроект, ЦНИИП градостроительства.

Среди тех, кто придерживался позиции централизованного расселения, был первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина, который считал, что при расселении

нефтяников требовалось формирование системы «базовый город – вахтовый метод». Он рассуждал так: «Вахтовый метод освоения месторождений мы считаем в наших условиях самым выгодным. Представьте себе такую картину. Семьи нефтяников и газовиков живут в большом городе со всеми удобствами. А отцы на две-три недели летают в поселок, где также есть все условия для отдыха после смены. А потом – отдых в базовом городе, с семьей. Иначе может получиться так, как с некоторыми городами на севере Канады. Месторождения исчерпаны, жить там люди больше не собираются – незачем, и оставляют, бросают жилье, переезжают в другие места. В мировой литературе возник даже особый термин – «города-призраки». Зачем нам они? Другое дело – вахтовый поселок. Отработали месторождение – можно уехать, забрав с собой все более или менее ценное и необходимое» [20, с. 71].

Но главным противником концепции использования вахтового метода были нефтяники, в лице Министерства нефтяной промышленности СССР. Так, замминистра нефтедобывающей промышленности Ш. С. Донгарян подчеркивал: «Опыт показывает, что люди хотят ездить на работу и возвращаться к себе домой. Сколько мы ни пытались делать вахтовых поселков, в которых неделю жить, работать, а потом возвращаться к семье, это не встречало одобрения тех, кому предлагается такой образ жизни» [18, с. 66]. Он настаивал на том, что новые города должны располагаться на расстоянии 40–50 километров от месторождений, и утверждал, что такое расселение являлось более экономичным, так как оно не требовало возведения вахтовых поселков у месторождений [18].

В конечном итоге на конференции 1966 г. руководству Тюменской области удалось провалить решение о реализации концепции «базовый город – вахтовый поселок». Было рекомендовано при создании городов-центров для нефтяников «сократить число стационарных поселков на отдельных месторождениях, заменяя их вахтовыми поселками со сменным дежурным персоналом, работающим по специальному графику» [10, л. 8].

Материалы конференции свидетельствуют, что в 1966 г. намечалось формирование концепции городского расселения, которая в дальнейшем получила название «базовый город – вахтовый поселок». На самой же конференции термин «базовый город» как формулировка системы централизованного расселения не применялся. Следует также отметить, что понятия «внешний вариант» и «внутренний вариант» расселения тоже не использовались. Они стали применяться позже и относились главным образом к системе расселения при эксплуатации газовых месторождений Ямала.

К концу 1960-х гг. промышленное освоение региона продолжало двигаться дальше на север, в Ямало-Ненецкий округ, где были открыты колоссальные по объемам месторождения газа. Для формирования схемы расселения рабочих при эксплуатации газовых месторождений в июне 1968 г. в г. Тюмени была проведена конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области.

На этой конференции за организацию вахтово-экспедиционного метода в форме гостиничного расселения выступил Госплан СССР. Руководитель сектора Западно-Сибирского промышленного комплекса Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР В. Д. Белорусов высказал идею создания в регионе благоустроенных гостиниц, где могли бы жить и работать рабочие и инженерно-технический персонал [2, с. 14]. Такой вариант не требовал расселения в северных районах семей рабочих: «...весь промышленно-производственный персонал живет в этих гостиницах, а семьи находятся в районе Тюмени, Тобольска, возможно в других местах, с достаточно хорошими климатическими условиями» [2, с. 14]. После определенного периода вахты, который определялся в 15–20 и более дней, все работники выезжали к своим семьям, а затем к работе приступала очередная смена. По мнению представителя Госплана, гостиницы полноценно заменяли города и рабочие поселки.

Инженеры Государственного института проектирования городов (Гипрогор) предложили несколько способов использования вахты при реализации внутреннего либо

внешнего варианта расселения рабочих при освоении газовых ресурсов [19, с. 20-21]. Система внутреннего расселения включала в себя вариант централизованного расселения, предусматривавший возведение одного большого города до 80 тыс. жителей в пределах Ямало-Ненецкого округа для всех групп месторождений (таким городом мог стать Уренгой или Надым), эксплуатация которых осуществлялась бы с помощью вахтовых поселков. Также в рамках внутреннего расселения предлагался децентрализованный вариант, когда мелкие населенные пункты до 2-х тыс. жителей создавались у каждого промысла. Система внешнего расселения предусматривала расселение газовиков и их семей в одном из имеющихся городов Тюменской области в более благоприятных климатических условиях, с более дешевым жилищным строительством. По мнению инженеров Гипрогора, под такой город хорошо подходили Тюмень и Сургут. При этом подходе в пунктах добычи газа организовывались «вахты длительного пребывания и базисный аэродром» [19, с. 21], куда рабочие доставлялись из центра расселения и развозились по месторождениям.

На конференциях 1966 и 1968 гг. была окончательно сформирована концепция градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, которая подразумевала централизованное расселение в крупных городах-центрах, откуда направлялись вахты и экспедиции для эксплуатации месторождений. Таким образом, в конце 1960-х гг. была утверждена к реализации схема внутрирегиональной вахты с созданием базовых городов для постоянного проживания вахтовиков и их семей. В Среднем Приобье такими городами-центрами становились Сургут, Урай, Нефтеюганск и Нижневартовск, а в газодобывающих районах – Надым. Строительство других крупных поселений и поселков запрещалось. Однако ведомства продолжали застраивать свои вахтовые поселки, которые со временем превращались в настоящие рабочие поселки и города с населением в несколько тысяч человек.

В конце 1970-х гг. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс переживал кризис. Планы по добычи нефти стали периодически не выполняться. Темпы добычи падали из-за значительных уровней отбора нефти с крупных месторождений, требовалась эксплуатация более мелких месторождений с малыми дебитами, которая, в свою очередь, вела к привлечению кадров и возведению новых городов для расселения рабочих [1, с. 36]. Выход на новые нефтяные месторождения и постоянное расширение территорий освоения требовали новых поселений для рабочих, которые самостоятельно возводились ведомствами и со временем разрастались.

Кроме этого, под влиянием Миннефтепрома СССР реализация централизованного расселения в нефтедобывающих районах все дальше отдалялась от схемы «базовый город – вахтовый поселок», которая деформировалась из-за того, что нефтяники не понимали суть временных благоустроенных вахтовых поселений, неконтролируемо привлекали в них рабочих, разрешали селиться вместе с семьями, хаотично осуществляли их застройку. Временные вахтовые поселки превращались в постоянные. Главный архитектор Тюменской области в 1976–2001 гг. А. Н. Отрадных вспоминал: «Принятая схема расселения “базовый город – вахтовый поселок” не оправдывала себя в данной градостроительной ситуации. В базовых городах не хватало жилья. Вводимые объемы жилищного строительства не обеспечивали расселение ежегодного прироста населения – в городах по 10–12 тыс. человек. Несмотря на жесткую линию по сдерживанию роста временных, вахтовых поселков непосредственно на месторождениях, вокруг базовых городов стихийно формировались крупные поселения. <...> Да и базовые города состояли из отдельных, самостоятельных поселков» [13, с. 259]. Такая практика не соответствовала государственной стратегии развития городов.

В этой ситуации разрушение централизованной системы расселения было неминуемо. Нефтяная элита ратовала за принятие новой концепции градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, в основе которой лежало

стремление приблизить жилье к месторождениям или объектам межпромыслового обслуживания, т. е. возврат к традиционному, стационарному расселению по мелким населенным пунктам многих десятков тысяч человек. Принятие новой схемы расселения было предложено Совету Министров СССР Министерством нефтяной промышленности.

Новый государственный подход к градостроительному освоению нефтегазодобывающих районов Тюменской области отразился в партийно-правительственном постановлении № 241 от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» [8, с. 202–229]. Вместо системы «базовый город – вахтовый поселок» новый подход предусматривал принятие групповой схемы расселения и развития городов и поселков, которые должны были строиться рядом с месторождениями углеводородов.

Вместе с тем в постановлении было решено пересмотреть реализацию вахтового метода. Всем заинтересованным министерствам и местной власти предписывалось уточнять схему развития новых городов и поселков с учетом вахтового метода проведения геологоразведочных работ и обслуживания объектов нефтегазовой промышленности. Историк Г. Ю. Колева отмечает, что принимается решение о строительстве поселков со статусом вахтовых, приближенных к определенным группам новых месторождений [15, с. 239]. Таким образом, групповая система расселения дополнялась более широким применением не внутрирегионального, а межрегионального вахтового метода работ. Десятки новых городов нефтяников, которые создавались, как правило, из бывших вахтовых поселений, становились базовыми центрами для близлежащих месторождений, у которых организовывались новые вахтовые поселки.

Постановление от 20 марта 1980 г. предусматривало поставки ведомствам для строительства вахтовых пунктов расселения деревянных домов, передвижных вагон-домов и помещений контейнерного типа в размере 6, 9, 13 тысяч штук в 1981–1983 гг. Еще одним значимым моментом в постановлении было то, что важнейшая роль отводилась развитию автомобильных дорог, которые должны были стать стержнем в каркасе вахтового и городского расселения. Таким образом, вахтовые поселки создавались рядом с городами, откуда до месторождений можно было добраться за несколько часов по автомобильной дороге.

Социолог А. Н. Силин указывает, что в 1981 г. вахтовый метод был легитимизирован и на государственном уровне после принятия нормативного акта, регулирующего условия труда при вахте, – Постановления Госкомтруда СССР и секретариата ВЦСПС «Об утверждении типового положения о вахтовом методе организации работ» [17, с. 114]. С выходом партийно-правительственного постановления от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах» [9, л. 2–15] произошло окончательное оформление новой парадигмы в системе расселения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. В документе говорилось о дальнейшем расширении и совершенствовании вахтового метода работ на предприятиях и стройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Ключевое значение в концептуализации новой системы группового расселения с упором на вахтовый метод имело постановление Совета Министров РСФСР от 28 октября 1985 года № 475 «О схеме расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» [4, л. 40–43]. В отличие от схемы «базовый город – вахтовый метод», новая концепция опиралась на более сложную структуру городского расселения, в которой были выделены 5 уровней. Первые четыре уровня затрагивали крупные и малые города и рабочие поселки как центры нефтегазодобычи, а пятый уровень включал вахтовые поселки со сменным составом работающих, и поселки при компрессорных станциях, и поселки геологов [5, л. 101–105].

Отличительной чертой новой схемы расселения стало особое внимание к вахтовому методу. Предписывалось увеличение вахтовых поселков с 18 (в 1985 г.) до 33 (в 1990 г.). Несмотря на то, что еще в постановлении 1980 г. был сделан акцент на развитие новых поселков с учетом вахтового метода, это была лишь констатация фактов, так как практика широкого применения вахтового метода в ущерб расселению в крупных базовых городах повсеместно осуществлялась ведомствами с середины 1970-х гг. [3, с. 37].

Историки А. В. Захаров и Е. А. Ефимова выделяют ряд причин перехода к вахтовому методу работ в начале 1980-х гг. Во-первых, использование вахтового метода было наиболее целесообразным и экономически выгодным при освоении нефтегазовых месторождений, а также при выходе на новые месторождения, многие из которых находились на территориях с экстремальными климатическими условиями, непригодными для постоянного проживания человека [12, с. 319–321].

Поворот к вахтовому расселению привел к тому, что многие ведомства стали бесконтрольно и стихийно воздвигать вахтовые поселки, а количество вахтовиков значительно превысило плановую численность. Так, в первой половине 1980-х гг. Главтюменьгазпром, Главуренгойгазстрой, Главсибтрубопроводстрой, Тюменьстройпуть самовольно и незаконно возвели на Севере Тюменской области 25 неблагоустроенных поселков [6, л. 51]. В Ханты-Мансийском автономном округе особенно тяжелое положение сложилось в Сургутском и Нижневартовском районах. Поселки за счет временного и ветхого жилья неумолимо разрастались, превращаясь в вагон-городки. Например, при эксплуатации Повховского месторождения объединение «Башнефть» отказалось от возведения постоянного поселка, который был намечен схемой расселения. Однако поселок самовольно появился, и объединению пришлось просить о его расширении до 7 тыс. чел [7, л. 18].

В конце 1986 г. Тюменский облисполком сформировал специальную комиссию, которой поручил разобраться в грубейших нарушениях. Комиссия во главе с главным архитектором области А. Н. Отрадным установила, что «планируемые первоначально как временные поселки сроком на 2–3 года по сути дела превратились в обычные рабочие поселки» [6, л. 60]. Облисполком отметил, что «отмеченные недостатки являются следствием безответственного отношения руководителей главков и объединений к нуждам трудящихся» [6, л. 52]. Чтобы остановить такое развитие событий, облисполкомом были приняты меры по сокращению численности вахтового персонала и ограничению развития поселков. Повсеместно запрещались вызов работников и их прописка в городах и поселках при необеспеченности жильем по установленным нормам [6, л. 53].

Намечалось кардинальное решение вахтовой проблемы. В январе 1987 г. в Тюменском обкоме КПСС был рассмотрен вопрос «О задачах, стоящих перед главками Тюменской области по сокращению и упорядочению вахтово-экспедиционного метода», по итогам которого нефтегазодобывающим объединениям было предложено разработать мероприятия по полной ликвидации вахтово-экспедиционного метода в 1988–1989 гг. [14, с. 101].

Однако экономический кризис и развал Советского Союза не дал исполниться планам по сворачиванию вахтового метода. Градостроительная политика в отношении нефтяных городов по большей части была заброшена, а государство отказалось от практики строительства городов в малопригодных для жизни условиях, что, впрочем, не означало отказ от осуществления проектов освоения минеральных ресурсов Севера. По мнению В. Л. Глазычева, такие проекты требовали «формирования принципиально новых программ создания баз для вахтенного освоения в северных городах, которые в противном случае обречены на угасание в течение пары десятилетий» [11, с. 197]. Поэтому в постсоветский период государство и нефтегазодобывающие корпорации перешли от строительства новых городов и рабочих поселков к масштабному применению вахтового

метода, который стал основной формой освоения месторождений углеводородов, поскольку был более экономически эффективным в условиях новых рыночных отношений.

Литература

1. Баталин Ю. П. Вместо предисловия // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М. : МЦА «Суханово», 2004. С. 32-37.
2. Белорусов В. Д. Перспективы развития производительных сил Ямало-Ненецкого национального округа // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области (26–28 июня 1968 г.) : тезисы докладов. Тюмень, 1968. С. 9-15.
3. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 7016.
6. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7442.
8. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673.
9. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799.
10. ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19.
11. Глазычев В. Л. Город без границ. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
12. Захаров А. В., Ефимова Е. А. К истории внедрения вахтового метода организации труда при строительстве нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Сибирские строители: события и судьбы : сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, СурГУ, 25-26 ноября 2016 г.). Курган : ООО «Курганский Дом печати», 2017. С. 315-329.
13. Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М. : МЦА «Суханово», 2004. С. 259-265.
14. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 184 с.
15. Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 1. С. 237-244.
16. Прищепа А. И. Из истории градостроения в Западной Сибири в 1960-х гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. С. 21-24.
17. Силин А. Н. Вахтовый метод в нефтегазовом комплексе: опыт социологического обеспечения // Вестник ВЭГУ. 2017. № 4 (90). С. 111-118.
18. Тюменская правда. 1966. 5 июля.
19. Фейгина Э. Я., Замерцева В. И. Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области (26–28 июня 1968 г.) : тезисы докладов. Тюмень, 1968. С. 19-24.
20. Щербина Б. Е. Рубежи нефтяного края. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, Тюменское отделение, 1972. 92 с.

Веселов С. И.
Veselov S. I.

**ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ АВТОДОРОЖНЫМ
СТРОИТЕЛЬСТВОМ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1960-е – НАЧАЛЕ 1990-х гг.**

**MANAGEMENT SYSTEM ORGANIZATION OF ROAD CONSTRUCTION
IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA
IN THE 1960s AND EARLY '90s**

В статье анализируется организация системы управления автодорожным строительством на севере Западной Сибири в 1960-е – начале 1990-х гг. Автор приходит к выводу, что создание многозвенной системы управления строительством автодорог имело двойственный характер. С одной стороны, позволило повысить эффективность координации автодорожных трестов и ускорить темпы сооружения автодорог. С другой стороны, отмечалось низкое качество строительства автодорог нефтегазового комплекса.

The article analyzes the management system organization of road construction in the North of Western Siberia in the 1960s and early '90s. The author comes to the conclusion that the creation of multilink road construction management system had a dual character. On the one hand, it helped to improve coordination of road trusts and to accelerate the pace of road construction. On the other hand, the low quality of road construction of oil and gas complex was noted.

Ключевые слова: автодорожное строительство, система управления, главное управление, производственное объединение, трест, строительное управление.

Keywords: road construction, management system, production association, trust, industrial association, construction department.

В середине 1960-х гг. началось создание новой топливно-энергетической базы на севере Западной Сибири. Промышленное освоение нефтяных и газовых месторождений выявило одну из специфических проблем – формирование автодорожной сети в таежно-болотистой местности, что представлялось первостепенной необходимостью для транспортировки техники, строительных материалов и людских ресурсов непосредственно в нефтегазодобывающие районы. Присущие для территорий Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов сложные природно-климатические условия и отсутствие транспортной инфраструктуры потребовали оригинальных методов управления и организации строительства автомобильных дорог. Для реализации поставленных задач требовалась эффективная система управления автодорожным строительством, которая смогла бы производительно функционировать на всех уровнях организации. Создание системы управления строительством автодорог в районах нефтегазового освоения неразрывно связано с развитием Министерства транспортного строительства СССР.

В августе 1954 г. было образовано общесоюзное Министерство транспортного строительства СССР на базе строительных предприятий Министерства путей сообщения [22, с. 136]. С марта 1963 г. по октябрь 1965 г. его заменил Государственный производственный комитет по транспортному строительству СССР, что было связано с переходом на территориальный принцип управления строительством. В феврале 1965 г. Гострансстрой в нефтегазоносных районах организовал в составе Управления строительства №1 строительное управление №904 (Сургут) и №905 (Урай) для

обеспечения работ по строительству автодорог [3, л. 58–59]. Соответственно, с февраля 1965 г. Гострансстрой стал выполнять функции генподрядчика по автодорожному строительству на севере Западной Сибири.

В октябре 1965 г. с целью улучшения управления промышленностью Верховный Совет СССР постановил преобразовать Гострансстрой в Министерство транспортного строительства [23, с. 189]. Второе рождение министерства связано с переходом советской экономики с территориального на отраслевой принцип управления промышленностью и строительством. Возглавил Минтрансстрой Е. Ф. Кожевников, один из организаторов транспортного строительства в Советском Союзе [9, с. 350].

Структуру министерства представляли главные управления, тресты и строительные управления. Четырехзвенная система управления автодорожным строительством оказалась весьма громоздкой, но позволяла концентрировать материально-технические ресурсы на решении важных хозяйственных задач. Главной задачей в середине 1960-х гг. становилось транспортное освоение севера Западной Сибири. В ноябре 1965 г. Минтрансстрой в составе Главного управления по строительству автомобильных дорог (Главдорстрой) образовал первый автодорожный трест на севере Западной Сибири, который получил название «Тюменьдорстрой» [5, л. 14]. Его целью являлось строительство автодорог для нефтедобывающей промышленности Тюменской области. Основной производственной единицей в тресте являлось строительное управление (СУ), которое осуществляло процесс сооружения автодороги. В тресте имелись узкоспециализированные организации: строительно-монтажные поезда (СМП) и спецколонны (СК). В связи с организацией треста с 1 января 1966 г. СУ-904 и СУ-905 вошли в состав треста «Тюменьдорстрой» [5, л. 15].

Трест «Тюменьдорстрой» стал базовой площадкой для формирования новых предприятий автодорожного строительства на севере Западной Сибири. В течение восьмой пятилетки в тресте «Тюменьдорстрой» были образованы еще 2 СУ в Нижневартовске (СУ-909) и Стрежевом (СУ-917) [16, л. 64]. В конце 1960-х–начале 1970-х гг. трест «Тюменьдорстрой» отставал от плановых объемов строительства, отмечался дефицит автодорог с твердым покрытием, что затрудняло освоение месторождений. Автодороги сооружались медленно и оказывались готовы к эксплуатации по истечении пика транспортной нагрузки, связанной с освоением месторождений [24, с. 72].

В первой половине 1970-х гг. в тресте стало постепенно расти количество строительных управлений. Если в 1970 г. в составе треста «Тюменьдорстрой» числилось 4 – СУ, 2 – СК [17, л. 67]. Уже в 1975 г. их количество возросло до 7 – СУ, 1 – СМП, 1 – СК [6, л. 227, 228]. Так, например, СК-53 в 1967–1971 гг. во главе с Ж. Г. Евстафьевым построила взлетно-посадочную полосу и служебные помещения аэропорта г. Сургута [15, с. 170].

Во второй половине 1970-х гг. Минтрансстрой перешел к усиленному наращиванию производственных мощностей в северных районах Западной Сибири. В 1976 г. был сформирован трест «Нижневартовскдорстрой» в результате передачи части строительных подразделений треста «Тюменьдорстрой» [18, л. 39]. Принципиально по-новому планировалось строительство автодорог для Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в постановлении Совета Министров от 16 мая 1977 г. «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1977–1980 годах». Согласно его директивам для улучшения руководства строительством автодорог и материально-технического снабжения создавалось Главное управление по строительству автомобильных дорог в районах Урала и Западной Сибири (Главзапсибдорстрой) [8, л. 286]. Это означало передачу автодорожных трестов Главдорстроя в Главзапсибдорстрой, расположенных в северных районах Тюменской области. Структурные изменения в Минтрансстрое связывались прежде всего со сложными задачами, поставленными советским правительством перед Министерством нефтяной промышленности, в 1978–1980 гг. ввести в эксплуатацию 28 новых месторождений [13, с. 22].

В этой связи генеральному подрядчику Министерству транспортного строительства поручалось реализовать опережающее строительство автодорог. Главзапсибдорстрой продемонстрировал некоторые достижения, усиливая ежегодный ввод автодорог вплоть до 1980 г., который находился на уровне от 170 до 270 км [8, л. 289 об]. Однако в десятой пятилетке сохранялась устойчивая тенденция отставания автодорожного строительства. Нефтяникам ежегодно требовалось строить до 750 км автодорог [11, с. 114].

Неудовлетворительное состояние автодорожной отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса требовало конкретных решений по ускорению строительства. Партийно-правительственным решением начинается создание пятизвенной системы управления автодорожного строительства нефтегазового комплекса. В постановлении от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» Минтрансстрою поручалось создать производственное строительно-монтажное объединение (ПСМО) по строительству автомобильных дорог в Западной Сибири, с местом нахождения в г. Нижневартовск [7, л. 206]. Заместитель начальника Главзапсибдорстроя в 1977–1980 гг. А. И. Каспаров вспоминает, что «к счастью не пришлось все начинать с нуля, как в Афганистане, так как вплоть до 1981 г. в регионе работали два дорожно-строительных треста – «Тюменьдорстрой» под руководством В. Г. Рябченюка и «Нижневартовскдорстрой» во главе с Б. И. Ильясовым» [12, с. 87]. Эти тресты стали основой для создания объединения «Запсибдорстрой». Впоследствии производственное объединение возглавил А. И. Каспаров [1, л. 2]. Следовательно, Минтрансстрой СССР создал многозвенную систему управления в северных районах Западной Сибири: министерство – главк – производственное объединение – трест – строительное управление. Решение о создании ПСМО по строительству автодорог оказалось несколько запоздалым, но его необходимость подтвердилась практикой строительства.

ПСМО «Запсибдорстрой» представляло собой сложный производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входили специализированные предприятия, организации по материально-техническому обеспечению. В его структуру включались тресты. Это позволяло обеспечить максимальную эффективность при организации нового треста [14, с. 104]. К примеру, только в одиннадцатой пятилетке (1981–1985) на севере Западной Сибири, в структуре ПСМО «Запсибдорстрой» было создано 5 трестов: Сургутдорстрой, Надымдорстрой, Уренгойдорстрой, Стрежевойдорстрой, Запсибдорстроймеханизация [11, с. 88]. Сосредоточение ресурсов в одном объединении и возможностей отдельных трестов, строительных управлений позволило достигнуть конечной цели – ускоренного ввода автодорог.

Руководство объединением осуществлялось единым аппаратом управления. Начальник объединения имел право изменять структуру и штаты объединения. В его компетенции оставалось определение сфер деятельности трестов и строительных управлений, комплексное социальное развитие трудовых коллективов [14, с. 105]. Одновременно начальник объединения и главный инженер ПСМО «Запсибдорстрой» осуществляли контроль качества строительно-монтажных работ на автодорогах нефтегазового комплекса. Так, в приказе по объединению от 25 марта 1986 г. отмечалось, что в ходе строительства автодорог к новым нефтяным месторождениям были выявлены отклонения от строительных норм и правил производства подготовительных и земляных работ [2, л. 159]. При строительстве автодорог на Федоровском, Родниковском, Яун-Лорском, Мало-Балыкском, Петелинском месторождениях и на Асомкинской площади, СУ-904, СУ-905, СУ-926 и Механизованная колонна № 108 треста «Сургутдорстрой» нарушали технологию работ. Не соблюдались геометрические размеры земляного полотна. Работы производились не полным комплектом дорожно-строительных механизмов, а также не полностью очищалась подошва насыпи автодорог от снега и льда, поверхность полотна не была спланирована. Подобные нарушения обнаружены в СУ-941, СУ-920

треста «Нижневартовскдорстрой» [2, л. 160, 161]. Решением начальника объединения за слабый уровень организации и низкое качество строительства автодорог начальникам и главным инженерам строительных управлений объявлялся выговор. Управляющим трестами указывалось на недостаточную требовательность к техническим службам треста по обеспечению высокого качества строительства [2, л. 162].

Деятельность автодорожного объединения в 1980-е гг. при определенных недостатках компенсировалась высокими производственными показателями по вводу автодорог с твердым покрытием в эксплуатацию (табл.). Из таблицы следует, что ввод автодорог по объединению «Запсибдорстрой» в 1981–1985 гг. превзошел в два раза общую протяженность автодорог, построенных за предшествующие пятилетки транспортного освоения севера Западной Сибири. В 1987 г. объединение достигло рекордного объема строительно-монтажных работ на общую сумму 633 млн руб. Ввод в постоянную эксплуатацию составил 983 км автодорог [20, л. 64].

Таблица

Ввод автодорог в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса

[19, л. 10; 25, с. 328]

Годы	1966–1980	1981–1985
Протяженность, км	1 800	3 717

Однако в связи с «перестройкой» управления строительством и сокращением многозвенности управления в постановлении от 14 марта 1988 г. «О генеральной схеме управления транспортным строительством» упраздняясь Главзапсибдорстрой [10, л. 333–337]. Министерство транспортного строительства перешло на четырехзвенную систему управления: Министерство–объединение–трест–строительное управление. В конце 1980-х гг. началась постепенная деградация темпов строительства, связанная с реорганизацией Главка и сокращением финансирования автодорожного строительства. Кроме того, усугубила положение практика выборов руководителей трестов и управлений. Снижалась производственная дисциплина в объединении. Если в 1988 г. численность коллектива «Запсибдорстрой» составляла более 15 тыс. чел., то уже в 1991 г. она сократилась до 10 тыс. чел. [21, л. 1–2]. История централизованного управления автодорожным строительством закончилась в ноябре 1991 г., когда Министерство транспортного строительства СССР оказалось упразднено наравне с 34 общесоюзными министерствами [4, с. 1895–1898].

Таким образом, следует отметить противоречивый опыт развития системы управления автодорожным строительством севера Западной Сибири. Организационно-управленческие новации в Министерстве транспортного строительства по созданию многозвенной системы управления автодорожными предприятиями нефтегазового комплекса приобрели двойственный характер. С одной стороны, произошло становление территориальных автодорожных трестов, которые выполняли весь комплекс строительно-монтажных работ в городах и на месторождениях. Существенно улучшилось управление и координация автодорожных трестов в связи с созданием производственного объединения, что отразилось на сокращении сроков сооружения автодорог и последующей их передаче в эксплуатацию нефтегазовым ведомствам. С другой стороны, оставалось низким качество строительства на объектах транспортной инфраструктуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Литература

1. Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска (АОАГН). Ф. 123. Оп. 1. Д. 1.

2. АОАГН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17.
3. Архивный отдел Администрации г. Сургута. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 50. С. 1895–1898.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1952. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 231.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673.
8. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 835.
9. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. : историко-биограф. справ. / авт.-сост. В. И. Ивкин. М. : РОССПЭН, 1999. 639 с.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 1121.
11. Донгарян Ш. С. Подвиг создателей: к сорокалетию нефти в Западной Сибири // Ветераны: из истории нефтяной и газовой промышленности. Вып. 19. М. : Нефтяное хозяйство, 2006. С. 95–140.
12. Каспаров А. И. Дорога длиною в жизнь. М. : Витязь-Братишка, 2008. 159 с.
13. Колева Г. Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989). Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2006. 184 с.
14. Коротеев А. М., Беляев Т. А., Бессмертный Г. Г. Планирование, организация и управление транспортным строительством / под ред. А. М. Коротеева. М. : Транспорт, 1989. 286 с.
15. Прищепа А. И. Первые транспортные артерии Западно-Сибирской нефтегазовой провинции // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008. С. 166–176.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9538. Оп. 7. Д. 139.
17. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 7. Д. 176.
18. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1613.
19. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 5618.
20. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 6830.
21. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 8096.
22. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 гг. / отв. ред. сб. Ф. И. Калинин. М. : Госюриздат, 1961. 976 с.
23. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: в 4 т. Т. 1: СССР. Верховный Совет. Президиум (1938–1975) / ред. кол. : В. И. Васильев [и др.]. М. : Известия, 1975. 718 с.
24. Состояние и направления дальнейшей реализации программы комплексного развития нефтедобывающей промышленности Западной Сибири / Е. П. Ефремов, М. К. Михалев, Л. И. Чуриков, Г. Л. Чудновский // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск : Наука, 1983. С. 57–90.
25. Тюменский меридиан. М. : Политиздат, 1983. 336 с.

УДК 796:621.31:658(091)(470)

Мантикова Э. К.
Mantikova E. K.

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МИНЭНЕРГО СССР
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ
(КОНЕЦ 1960-Х - НАЧАЛО 1990 Г.)**

**PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS AT THE ENTERPRISES OF THE USSR
MINISTRY OF ENERGY IN WEST SIBERIAN OIL AND GAS COMPLEX (LATE 1960s
AND EARLY '90s)**

В статье рассматривается развитие массового физкультурного и спортивного движения в ЗСНГК в 1960–1990-е гг. Проанализирована политика государства по решению задач в области физической культуры и спорта на региональном уровне. Охарактеризована деятельность предприятий Минэнерго СССР по развитию физической культуры и спорта.

The article discusses the development of the mass physical education and sports movement in the West Siberian Oil and Gas Complex in the 1960s and '90s. The policy of the state in the field of physical education and sports problems at the regional level is analyzed. The activity of enterprises of the USSR Ministry of energy for the development of physical education and sports is characterized.

Ключевые слова: Сургутская ГРЭС, развитие массовой физической культуры и спорта, спортивно-массовая работа, ЗСНГК, спартакиада, спортивные секции и кружки.

Keywords: Surgut Power Station, development of mass physical education and sports, sporting work, West Siberian Oil and Gas Complex, Spartakiad, sports sections and groups.

В качестве одного из основных стратегических ориентиров развития физической культуры и спорта Российской Федерации до 2020 г. намечено увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом [21]. На данный момент предложено достаточно много способов достижения цели, одним из которых является изучение исторического опыта становления и развития физкультурно-спортивной жизни советского периода. Важно заметить, что в исторической науке указанная тема исследования недостаточно изучена.

Физическая культура и спорт рассматривались в СССР как важнейшие элементы массового коммунистического воспитания [20]. Их внедряли с помощью распорядительных документов, наглядной агитации и средств массовой информации, а также методов стимулирования в виде льготных путевок в санатории и дома отдыха и сохранения средней заработной платы [1].

В соответствии с правительственными постановлениями работа по развитию физической культуры и спорта проводилась среди работников Минэнерго СССР в ЗСНГК. Развитие спорта выступало одним из важнейших аспектов закрепления кадров предприятий в 1960–1980-е гг. Одной из причин увольнения, а также приводов в отделения милиции в результате алкогольного опьянения среди молодых работников Управления строительства ГРЭС указывалось отсутствие спортивных и культурных учреждений. Особую категорию среди увольняющихся работников по вышеупомянутым причинам составляли спортсмены-разрядники, которых руководство предприятий Минэнерго СССР старалось удержать в суровых природно-климатических условиях. На территории региона в начале промышленного освоения подобного рода работа осложнялась отсутствием материально-технической базы, тренеров и инструкторов. Важно заметить, что в Сургуте,

как наиболее крупном населенном и промышленном центре, не было спортивных учреждений и не все школы Сургута имели спортивные залы. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и решением XXIV съезда КПСС было предусмотрено строительство Сургутской ГРЭС, которое должно было осуществляться совместно со строительством объектов соцкультбыта и спортивных сооружений [17]. Но в условиях отсутствия строительных материалов и жилья возведение спортивных учреждений было нелогичным. Поэтому Управление строительства (далее УС) Сургутской ГРЭС на начальном этапе приняло решение о приобретении спортивного оборудования и проведении ремонтных работ в приспособленном помещении подшефной школы № 6 г. Сургута. В дневное время в спортивном зале занимались учащиеся школы, а в вечернее – работники УС ГРЭС. Материально-техническая база для занятий спортом постепенно расширялась. Активно развивал материально-техническую базу для спортивных нужд трест «Запсибэнергострой». Изначально он построил три волейбольные площадки, лыжную базу на 60 пар лыж, а также закупал оборудование для спортивных секций школы № 8 г. Сургута [3, с. 296].

Благодаря активной государственной программе, совместным усилиям и настойчивости местного профсоюзного и комсомольского движения, деятельности местных партийных и хозяйственных руководителей в 1972 г. в Сургуте уже насчитывалось 7 спортивных залов. Социально-экономический план развития Сургута в 10-й пятилетке предполагал введение в строй 1 спорткомплекса, 2 плавательных бассейна с длиной дорожек 50 метров и 3 162 кв. м спортивных залов [7, с. 145]. В соответствии с этим планом энергетики в должны были построить в 1976–1980-е гг. стадион на 500 зрителей, плавательный бассейн с ванной 25x14 с пристройкой к школе № 5 [8, с. 136]. На строительство бассейна УС ГРЭС выделялось 1 700 тыс. руб. Открытие бассейна планировалось в 1978 г. Мероприятия могло посетить 5 000 человек [7, с. 132].

По плану социально-экономического плана развития Сургута на 1980–1985 гг. градообразующие предприятия обязывались строительству спортивно-оздоровительных комплексов. Поэтому в Сургуте в 1980-х гг. происходит активное строительство спортивных сооружений. Одним из первых профессиональных спортивных учреждений стал СОК «Энергетик» (его ввели в эксплуатацию в 1982 г.). Решением Исполнительного комитета Сургутского городского Совета народных депутатов от 18.04.85 г было запланировано строительство в Сургуте 5 городских культурно-спортивных комплексов по территориально-производственному принципу: нефтяников, строителей, геологов, энергетиков, железнодорожников [3, с. 127]. Для курирования строительства спортивных и культурных учреждений в Сургуте был создан городской координационный совет [4; 6]. Он состоял из 17 человек и руководителей культурно-спортивных комплексов [3, с. 127]. Предприятия и учреждения города, на балансе которых находились клубные учреждения, должны были отчислять 5%, а не имеющие ежегодных фондов соцкультмероприятий и жилищного строительства – в равных долях по месяцам на расчетные счета базовых учреждений культуры культурно-спортивных комплексов. Руководителем КСК энергетиков был назначен заместитель управляющего РЭУ «Тюменьэнерго» А. Т. Неволин. В зону обслуживания по спортивной работе культурно-спортивного комплекса энергетиков входили трудовые коллективы ГРЭС-1 и ГРЭС-2, ЛенЗНИИЭП, районный узел связи, управление бытового обслуживания, городская и районная больницы, комбинат коммунальных услуг, нефтебаза, автотранспортное предприятие «Тюменьэнерго», коллективы торговой сети и детских садов микрорайона, Отдел вневедомственной охраны при Сургутском ГОВД [3, с. 131].

В 1986 г. принял первых спортсменов спортивный зал треста «Запсибэнергосетьстрой», расположенный в поселке Лунном [4; 11]. Параллельно

в эксплуатацию сдавались спортивные сооружения других ведомств. Так, за период 1982–1988 гг. в Сургуте было сдано 10 объектов спортивного назначения. Для обеспечения спортзалов приобретался спортивный инвентарь на предприятии «Росткультбыт» г. Истры и г. Тюмени [10].

В 1988 г. в Сургуте насчитывалось 45 спортивных зала площадью 22 326 кв. м., 128 открытых площадок (волейбольных, баскетбольных, футбольных, хоккейных), 3 бассейна площадью зеркала воды 4 550 кв. м., 3 лыжных базы с общим прокатом лыж 2 300 пар, из них 3 имеют освещение трассы общей протяженностью 35 км. Лучшей лыжной базой была «Олимпия».

На начальном этапе руководство УС Сургутской ГРЭС старалось развивать финансово малозатратные виды спорта, такие как футбол, волейбол, легкоатлетический бег, лыжные гонки, хоккей, и проводить по указанным видам спорта соревнования. Подобная политика уже в 1969 г. дала первые положительные результаты: 3 работника Строительного Управления Сургутской ГРЭС в составе городской команды принимали участие в окружных и областных соревнованиях по футболу. С 1971 г. работники УС ГРЭС участвовали в соревнованиях по волейболу на кубок Центрального совета в г. Кургане [11].

На городские спартакиады и другие соревнования спортсмены не отбирались по предварительным внутренним соревнованиям на предприятии, а по желанию принять участие в нем. В целом физкультурное и спортивное движение в начале промышленного освоения не носило массового характера, за исключением лыжного спорта. Он не требовал особых навыков и одновременно был самым доступным для жителей северных окраин страны. Основой развития лыжного спорта выступала массовая лыжная подготовка. Подтверждением сказанному может служить следующий факт: в 1971 г. УС ГРЭС начало строительство лыжной базы (в прокате 300 пар лыж), трех хоккейных площадок и двух типовых спортивных летних площадок. На протяжении изучаемого периода регулярно проводились городские, окружные, областные соревнования по лыжным гонкам [2]. Во второй половине 1970-х гг. лыжные гонки приобрели новый характер: среди любителей появляются первые профессионалы, которые вокруг себя формируют профессиональные команды. Во многом это было связано со строительством в 1977 г. лыжной базы «Олимпия». И в 1980 г. в первом соревновании на приз первого комсомольца Сургута Ивана Кайдалова приняли участие полупрофессиональные команды. Среди них были и энергетики. Они участвовали в гонках, посвященных 60-летию Сургутской комсомольской организации. Постепенно работники предприятий Минэнерго СССР, расположенных в ХМАО, стали активно участвовать в полупрофессиональных соревнованиях по лыжным гонкам: Первенство Тюменской области (г. Тюмень), «Тобольская гонка» (г. Тобольск), «Большая тюменская нефть» (г. Ханты-Мансийск) [22, с. 105].

Другим любимым видом спорта в семьях энергетиков был спортивный туризм. Многие семьи энергетиков Сургута были членами спортивно-туристического клуба «Югория». Это движение было популярно среди энергетиков как в весенне-летний, так и осенне-зимний период. В 1980 г. в Сургуте проводились соревнования по туризму, в которых участвовала команда от строительного управления и заняла призовое место [12].

Уже к 1974 г. при УС Сургутской ГРЭС спортивная жизнь становится активнее и разнообразнее. Работали следующие секции: лыжная, легкоатлетическая, волейбольная, самбо, бокс, тяжелая атлетика, настольный теннис. Численность занимающихся в секции составляла 15 и более человек. С 1975 г. в Сургуте получают развитие среди энергетиков такие виды спорта, как хоккей с шайбой, биатлон, бокс, баскетбол, легкая атлетика, шахматы, стрелковый спорт [5]. В это же время руководством В. А. Ермакова в Сургуте была создана секция греко-римской борьбы. Занятия по борьбе активно посещали молодые энергетики, но, к их сожалению, секция вскоре прекратила свою деятельность, т. к. В. А. Ермаков по поручению горкома партии открыл секцию борьбы самбо. Часть

воспитанников перешли на занятия по самбо. Такой популярный вид спорта, как бокс, тоже не остался без внимания энергетиков. В 1976 г. на базе ПТУ-17 был создан зал бокса. Первым тренером по боксу стал П. С. Малаховский. Дети энергетиков охотно занимались боксом. Сургутская ГРЭС устраивала турниры по боксу ко Дню защитника Отечества.

В 1980-е гг. тяжелая и легкая атлетика была популярными видами спорта в СССР. Спортсмены-энергостроители были участниками тренировочных сборов в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке [13]. Спортсмены-легкоатлеты приносили в копилку предприятий Минэнерго и города Сургута медали. В частности, в 1985 г. они стали трехкратными победителями легкоатлетической эстафеты на приз газеты «К победе коммунизма», посвященной 40-летию Победы в Великой Отечественной войне [12]. Среди новых видов спорта энергетиков в середине 1980-х гг. можно отметить аэрозанятия в спортклубе «Дельтаплан» и рыбный спорт.

В 1980-е гг. занятия физической культурой и спортом приобретают массовый характер. К примеру, в 1983 г. почти 50% работников треста «Запсибэнергострой» систематически занимались физкультурой и спортом [3, с. 296]. Среди энергетиков проводились зимняя олимпиада по лыжным гонкам, волейболу, теннису, стрельбе, летняя олимпиада – по легкой атлетике, легкоатлетическому многоборью ГТО, настольному теннису, волейболу, футболу – с охватом участников до тысячи человек. В течение года проводились Кубки г. Сургута по футболу и волейболу. Энергетики-спортсмены принимали участие в окружных, областных и республиканских соревнованиях по всем вышеназванным видам спорта. Ежегодно проводились Областные спартакиады ударных строев в г. Тюмени [14]. С 1980-х гг. команда спортсменов выступала в летней областной спартакиаде Всесоюзных ударных комсомольских строев. Команда состояла из 21 человека [15]. В ходе соревнований выполнялись разрядные нормы, нормы ГТО. За период 1972–1975 гг. в УС ГРЭС 23 человека (или 0,6% от общего числа работников) получили спортивный разряд [6]. В 1975 г. было проведено социалистическое соревнование коллективов физкультуры Сургута на лучшую подготовку работы по комплексу ГТО. Целями проводимого мероприятия были дальнейшее массовое развитие физической культуры и спорта среди населения, подготовка к высокопроизводительному труду и успешной учебе, качественное улучшение уровня подготовки молодежи к защите социалистического Отечества и укрепление материально-спортивной базы [5].

Среди спортсменов предприятий Минэнерго СССР в ЗСНГК были мастера спорта по национальным видам спорта [18]. Нередко спортсмены самовольно нарушали дисциплину, а именно: не ставили в известность руководителей предприятий и выезжали на соревнования. В частности, в августе 1977 г. А. З. Аюпов уехал в Нарьян-Мар, где стал чемпионом России по национальным видам спорта и выполнил норматив мастера спорта РСФСР [16].

Несмотря на все вышесказанное, Сургутский исполком на протяжении многих лет отмечал, что администрация, профсоюзные комитеты и Совет по физической культуре Сургутской ГРЭС не использовали свой потенциал до конца [8, с. 392].

В середине 1980-х гг. Управление Строительством Нижневартовской ГРЭС приняло решение о строительстве летней спортивной площадки и аренды спортивного зала у Нижневартовского педагогического училища. Надо отметить, что энергостроители Нижневартовской ГРЭС активно решали вопросы развития спортивного движения в своем предприятии: устраивали молодежные спортивные соревнования, приобретали спортивный инвентарь, осуществлял транспортную доставку в педагогическое училище Нижневартовска для занятий спортом. С самого начала строительства проводились соревнования по волейболу, стрельбе, настольному теннису [19]. К началу 1990 г. в г. Нижневартовске и п. Излучинске были построены два небольших спортивных комплекса, в которых можно было заниматься волейболом, мини-футболом, атлетикой, спортивной гимнастикой и боевыми видами спорта.

В штате предприятий Минэнерго СССР, расположенных на территории ЗСНГК, был методист, который входил в состав городского ДСО «Труд» и занимался организацией и информированием работников о предстоящих спортивных мероприятиях, закупкой оборудования, производственной гимнастикой. В его обязанности входила реализация программы по внедрению физической культуры и спорта среди детей сотрудников. Эта должность была неоплачиваемой, относилась к числу общественных поручений. В каждой организации функционировал Совет физкультуры, который ежегодно составлял календарный план спортивных мероприятий [3, с. 296].

Если говорить о детском направлении развития физической культуры и спорта, то можно отметить, что все спортивные сооружения строились для занятий спортом не только взрослых, но и детей. Между тем были и специализированные спортивные учреждения. В частности, в конце 1970 г. УС Сургутской ГРЭС построило детскую спортивную площадку и детскую спортивную школу в микрорайоне № 8 [2]. Работники треста «Запсибэнергострой» на протяжении многих лет оказывали шефскую помощь школе № 8: оборудовали стрелковый тир, отремонтировали зал, построили спортгородок. Кроме того, шефы организовывали оздоровительные летние культпоходы и походы на лыжах, товарищеские встречи по волейболу и баскетболу [3, с. 296].

Таким образом, во второй половине XX в. на предприятиях Минэнерго СССР в ЗСНГК были достигнуты определенные успехи в развитии массовой физической культуры и спорта, несмотря на то, что первоочередные цели заключались в строительстве и обеспечении бесперебойной выработки электроэнергии. Этот период ознаменован созданием качественной материально-технической базы для занятий спортом, которая позволила сохранить кадровый состав трудящихся сургутских и нижевартовских предприятий Министерства энергетики и электрификации СССР, проводить государственную политику по сохранению здоровья нации и организовать работу разных спортивных секций, увеличить численность физкультурников и спортсменов-разрядников и повысить их уровень мастерства.

Литература

1. АОАС. Ф.128. Оп. 2. Д. 3. Л. 187, 200.
2. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 209.
3. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 318. Л. 127, 131, 296. 267.
4. АОАС. Ф.3. Оп. 1. Д. 362. Л. 6. 11
5. АОАС. Ф. 116. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-3.
6. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 90. Л. 392.
7. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 107. Л. 132, 145.
8. АОАС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 136. 392.
9. АОАС. Ф. 113. Оп. 1. Д. 367. Л. 120.
10. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Строительства управления Сургутской ГРЭС за 1987 г. Л. 74, 157.
11. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу за январь – август 1971 г. Л. 91.
12. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу Строительного управления Сургутской ГРЭС. Л. 124.
13. АОАС. Ф. 128. Д. Приказы отдела кадров Строительства управления Сургутской ГРЭС за 1980 г. Л. 194.
14. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров по личному составу за июль – декабрь 1972 г. Л. 93.
15. АОАС. Ф. 128. Д. Приказы отдела кадров Строительства управления Сургутской ГРЭС за 1981 г. Л. 154, 156.

16. АОАС. Ф. 128. Оп. 2. Д. Приказы отдела кадров Строительного управления Сургутской ГРЭС по личному составу за 1977 г. Л. 189.
17. ГАСПИТО. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
18. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 207. Д. 172. Л.12.
19. ГАСПИТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
20. О мероприятиях по дальнейшему развитию лечебной физической культуры и врачебного контроля за физическим воспитанием населения: приказ Министерства здравоохранения от 09.11.1966 г. № 826. URL: <http://www.alppp.ru/law/zdravoohranenie--fizicheskaja-kultura-i-sport--turizm/zdravoohranenie/70/prikaz-minzdrava-sssr-ot-09-11-1966--826.html>- (дата обращения: 07.11.2016).
21. Стратегии развития физической культуры и спорта на период до 2020 г. URL: <http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/> (дата обращения: 07.11.2016).
22. Энергия «стольного града...»: Страницы истории Тобольской ТЭЦ / сост. А. Рахвалов. Тюмень : СофтДизайн, 1995. 192 с.

УДК 379.835(571.122)(091)«1970»:379.831

Кирилюк Д. В.
Kirilyuk D. V.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА ШКОЛЬНИКОВ В ЮГРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг.¹

ORGANIZATION OF PUPILS' SUMMER VACATION IN UGRA IN THE LATTER HALF OF 1970s

В статье анализируется процесс развития в Югре системы летнего отдыха школьников. При помощи историко-сравнительного метода исследуется изменение численности летних лагерей, а также количества занимавшихся в них школьников. Автор приходит к выводу об отсутствии значительного прогресса в основных показателях организации летнего отдыха детей в эти годы.

The article analyzes the process of summer vacation system development in Ugra. The comparative-historical method helps to investigate the change in the number of summer camps, as well as the number of pupils attending them. The author comes to the conclusion that there is no significant progress in the main indicators of the organization of summer vacation of children in those years.

Ключевые слова: ученик, летний отдых, пионерский лагерь, лагерь труда и отдыха, ученическая производственная бригада.

Keywords: pupil, summer vacation, Young Pioneer camp, camp of work and rest, pupils' work team.

Организация обучения детей в системе школьного образования Советского Союза, как известно, осуществлялась в самых разнообразных учреждениях и формах. Она не ограничивалась ни пределами урока, ни пределами школы. Немалое место в обучении и воспитании учащихся в СССР играли различные внеучебные формы. По мере развития советской педагогики все большее внимание в ней стало уделяться и организации летнего отдыха школьников. Главной идеей этой работы было сочетание активной трудовой деятельности старшеклассников общеобразовательных школ страны на благо общества с разнообразными вариантами коллективного отдыха.

О степени важности данной деятельности указывает тот факт, что вопросы организации летнего отдыха детей находили отражение в высших партийно-государственных решениях советского руководства. Так, 30 апреля 1974 г. вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению летнего отдыха пионеров и школьников». Оно предполагало дальнейшее расширение в стране сети загородных и городских пионерских, спортивных лагерей, лагерей труда и отдыха для старшеклассников, школьных лесничеств, ученических производственных бригад при каждом предприятии и организации с числом работающих 1500 и более человек [4, л. 21].

В осуществлении данной работы на территории Югры принимали совместное участие местные отделы народного образования, комсомольские и пионерские организации, а также промышленные и сельскохозяйственные предприятия региона. Организация летнего отдыха детей, как указывают документы, начиналась в Югре в марте месяце. План мероприятий составлялся и согласовывался на уровне исполкома окружного Совета депутатов трудящихся. Уже в апреле месяце для подготовки летнего отдыха детей

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-11-86008), тип проекта: «а(р)»).

создавались специальные комиссии для руководства подготовкой летних лагерей и проведения в них воспитательно-оздоровительной работы с учащимися. Все подготовительные мероприятия к предстоящему летнему сезону должны были быть закончены не позднее 25 мая, после чего эта информация сдавалась в комиссию по летне-оздоровительной кампании [1, л. 65].

Ресурсов для осуществления такой подготовки в штатном режиме у окружного отдела народного образования, как следует из документов, не хватало. Поэтому для того, чтобы успеть подготовить к открытию детские оздоровительные учреждения постановлением Президиума ВЦСПС и бюро ЦК ВЛКСМ от 3 февраля 1976 г. с 25 апреля по 25 мая 1976 г. был объявлен месячник, в течение которого коллективы промышленных, сельскохозяйственных предприятий и организаций, управления и ведомства, профсоюзный и комсомольский актив привлекались к участию в строительстве, реконструкции, ремонте и благоустройстве пионерских лагерей и спортивных площадок [1, л. 65].

Однако помещений для организации летнего отдыха в регионе в середине 1970-х гг. все равно не хватало. Поэтому в 1976 г. государственно-партийные власти предполагали увеличить сеть летних лагерей в Югре за счет использования в летний период зданий школ, внешкольных учреждений, палаток. При этом особое внимание уделялось развитию спортивно-оздоровительных, а также городских лагерей труда и отдыха. Предполагалось также шире использовать для отдыха учащихся туристические мероприятия, поездки и походы по ленинским местам, местам боевой и трудовой славы под девизом «в буднях великих строек».

Представляет интерес и вопрос о том, как решалась проблема с кадрами для летнего отдыха югорских учащихся. Предполагалось, что с детьми летом будут заниматься только лучшие учителя и воспитатели. Так, например, в 1976 г. пионерские лагеря региона укомплектовывались физруками, пионервожатыми и воспитателями из числа лучших учителей. Кроме того, для работы в пионерских лагерях приглашались также молодые рабочие и служащие, студенты вузов. Планировалось также укомплектовать пионерские лагеря музыкальными работниками, медперсоналом [1, л. 66]. К концу 1970-х гг. эта проблема была в значительной степени решена. Пионерские лагеря и площадки были полностью укомплектованы кадрами: педагогическими, общепита, медицинскими. Так, летом 1979 г. к работе с детьми было привлечено 2254 работника народного образования, свыше 1,5 тыс. студентов, 333 производственника [4, л. 21].

В рамках летней работы с детьми в пионерских лагерях и на спортивных площадках в Ханты-Мансийском округе предполагалось также через физруков и инструкторов по плаванию организовать сдачу норм ГТО по летним видам спорта. Кроме того, здесь же организовывалась и проводилась подготовка школьников по гражданской обороне [1, л. 66-67]. То есть летний отдых детей в Югре в середине 1970-х гг. подразумевался как многофункциональный. В нем сочетались идеи трудового обучения и воспитания, допризывной подготовки школьной молодежи, а также задачи перевоспитания «трудных» подростков, которых предполагалось направлять в ученические производственные бригады и звенья, ремонтно-строительные бригады, лагеря труда и отдыха, а также в оздоровительно-военно-спортивные лагеря [1, л. 66].

Немалая роль в организации отдыха детей и подростков в период летних каникул отводилась домам пионеров. Материальная база этих учреждений в Югре уже в середине 1970-х гг. находилась на высоком уровне. К примеру, Дом пионеров г. Ханты-Мансийска весной 1976 г. имел мягкий и жесткий инвентарь, технические средства, методическую литературу. Также имелся опытный коллектив педагогов [2, л. 24]. Однако эти учреждения в своей повседневной работе не совсем справлялись с ролью организаторов внеучебной работы школы. Например, они критиковались за слабую работу по созданию технических, биологических и туристских кружков, не стремились к повышению их наполняемости [2,

л. 25]. Аналогичным образом далеко не всегда эффективно работали пионерские организации в конкретных общеобразовательных учреждениях [3, л. 66].

Нужно отметить, что при этом общее количество учащихся Югры, охваченных летним отдыхом, ежегодно, согласно документам, неуклонно возрастало. Так, если в 1975 г. организованным летним отдыхом было охвачено 54 тыс. школьников Ханты-Мансийского округа, то в 1976 г. – предполагалось увеличить это число до 66 тыс. человек [1, л. 70]. Однако эти планы никогда не были четко определены, а цифры плановых показателей по летнему отдыху учащихся в Югре в разных документах довольно сильно различались. Так, в другом плане указывалось, что всего в 1976 г. предполагалось охватить всеми видами летнего отдыха не менее 60 тыс. школьников, т.е. на 6 тыс. человек меньше. Самой многочисленной формой были туристические походы по родному краю, в которых предполагалось увлечь 11600 югорских учащихся. На втором месте стояли площадки при школах (143 единицы в округе), которые должны были охватить 8840 учащихся. Третье место занимали в планах пионерские лагеря при школах. В это время должно было быть открыто 116 заведений подобного типа с количеством отдыхающих до 7620 человек [1, л. 68-69]. Однако это было существенно меньше, чем в 1975 г. Ведь, согласно документу «Сведения об организации летнего отдыха школьников 1975–76 учебном году», даже в 1975 г. в округе работало 130 пионерских лагерей, а в 1976 г. их предполагалось открыть не менее 160! [1, л. 70]. В этой связи и планы по увеличению на 20–25% числа различных форм проведения досуга в 1976 г. также должны были подвергнуты определенной критике.

Были ли реализованы данные планы? Осенние отчеты 1976 г. позволяют в этом вновь усомниться. Так, бюро окружкома ВЛКСМ 16 ноября 1976 г. сообщало, что летом этого года в Ханты-Мансийском округе работали 3 стационарных пионерских лагеря (Советском, Кондинском районах и в г. Урай), 88 пионерских лагерей на базе школ, 122 детских оздоровительных площадок, где был предусмотрен дневной сон учащихся, питание, 24 школьных лесничества, 137 ремонтных отрядов. Более 3 тыс. учащихся побывали в туристских походах и экскурсиях по маршрутам: «Моя Родина - СССР» [2, л. 1]. Выходит, что пионерских лагерей при школах было открыто значительно меньше, чем предполагалось изначально (88 вместо 160!).

Более того, в ряде случаев документы указывают, что окружные власти открыто высказывали недовольство тем, как на практике был организован летний отдых югорских учащихся. Главная претензия к местным отделам народного образования и комсомольским комитетам заключалась в том, что они не сумели, по мнению вышестоящих инстанций, использовать эффективные меры по вовлечению школьников в организованные формы отдыха и трудовой деятельности на весь летний период. Это проявилось в том, что уже в июле месяце в пионерских лагерях и трудовых коллективах старшекласников число отдыхающих пионеров и школьников уменьшилось по сравнению с июнем на 3150 чел., а в августе – еще на 4 300 учащихся. Вследствие этого количество спортивных лагерей, работающих в две смены, сократилось с двенадцати до двух. В городе Сургуте не велась работа детских комнат по месту жительства.

Кроме того, в округе не было ни одного стационарного спортивного лагеря, лагеря труда и отдыха, не создавались туристские профильные лагеря для старшекласников. Местные комитеты ВЛКСМ и отделы народного образования обвинялись в том, что не проявляли даже инициативы по их созданию. В городах Нефтеюганске, Нижневартовске, Сургуте слабо использовались также благоприятные возможности по организации трудового воспитания школьников в рамках летнего отдыха, недостаточно развивалось техническое творчество учащихся. Трудовая деятельность учащихся в основном сводилась к прохождению производственной практики [2, л. 1-2].

В целом, очевидно, что организация летнего отдыха школьников в Ханты-Мансийском округе во второй половине 1970-х гг. сталкивалась с большими трудностями. Часть из них, безусловно, была связана с традиционной для советской системы

образования нехваткой финансово-материальных средств. Поэтому к подготовке летних лагерей для учащихся окружные власти были вынуждены привлекать не только запланированные государственные ресурсы, но и «силы общественности». Однако даже их совместными усилиями полностью подготовить учреждения для летнего труда и отдыха детей в регионе не получалось. Поэтому фактические показатели количества подобных учреждений и числа занимавшихся в них детей и подростков были ниже планируемых цифр.

Показателен и тот факт, что денежные призы, которые выделялись городам и районам округа, положительно отличившимся качественной организацией летнего отдыха детей, вновь предназначались именно для укрепления материальной базы пионерских лагерей, детский площадок. Например, победитель окружного соцсоревнования за лучшую организацию работы с пионерами и школьниками в 1976 г. – Советский район – получил на эти нужды 1000 рублей, занявший второе место Урай – 500 рублей, Сургутский район – 300 рублей [2, л. 2].

Не имея материальных возможностей по созданию учащимся Югры полноценных условий труда и отдыха, отдельные школы вместо этого проводили так называемые летние трудовые четверти. Они появились в СССР в 1973 г. по решению ЦК ВЛКСМ, преследовали цель привлечь школьников в период летних каникул к посильному участию в народном хозяйстве, сочетая его с активным отдыхом. На деле летние трудовые четверти играли важную роль в совершенствовании материальной базы тех общеобразовательных учреждений, которые их организовывали, но практически не учитывали вопросы организации отдыха детей. Например, в Болчаровской средней школе Кондинского района в 1975 г. летняя трудовая четверть заключалась в том, что были созданы две производственные бригады старшеклассников, одна из которых занималась заготовкой сена в колхозе, вторая – ремонтом школы. Первая бригада успела заготовить для местного колхоза 60 тонн сена. Однако при этом ни слова не говорилось о том, были ли включены в летнюю трудовую четверть какие-то мероприятия по отдыху этих школьников [3, л. 165].

Тем не менее даже такие мероприятия в рамках летней трудовой четверти организовывали далеко не все школы региона. Так, в Юмасинской восьмилетней школе этого же района летняя трудовая четверть была организована плохо, фактически учащиеся сами устраивались на работу в подсобном хозяйстве совхоза [3, л. 199], а в Ямкинской восьмилетней школе, Леушинской школе-интернате летняя трудовая четверть и вовсе не была организована. Вследствие этого не была создана ученическая производственная бригада для заготовки кормов для совхоза «Кондинский» [3, л. 179, 203, 296].

Как изменилась организация летнего отдыха учащихся в регионе к концу рассматриваемого периода? Данные информационных отчетов окружного отдела народного образования дают противоречивую информацию. Так, по итогам летних месяцев 1979 г. в Югре был подготовлен отчет, из которого следует, что всеми формами летнего отдыха было охвачено более 65 тыс. школьников Ханты-Мансийского автономного округа. Работали ряд загородных лагерей, в которых отдохнуло около 3 тыс. учащихся, в том числе 260 «трудных» детей. На базе школ было организовано еще 62 лагеря, в которых отдохнуло около 10 тыс. учащихся, в том числе 170 «трудных» ребят. Свыше 20 тыс. старшеклассников приняли участие в 5-ой трудовой четверти: на промышленных предприятиях, благоустройстве городов и районов, охране природы, ремонте школ. В результате этого школьниками были сданы в аптеки 300 кг лекарственных трав, выполнен объем работ на сумму 130 тыс. рублей [4, л. 21-22].

Анализ приведенных сведений показывает, что фактического роста количества учащихся Югры, задействованных в летнем труде и отдыхе, не произошло. Более того, сравнение цифр говорит об обратном – количество пионерских лагерей на базе школ в Югре в 1979 г., по сравнению с 1976 г., существенно сократилось (с 88 до 62 единиц). Мало изменилось и число учащихся Ханты-Мансийского округа, задействованных в

летнем труде и отдыхе. Если в 1976 г. оно планировалось на уровне 60–66 тыс. человек, то в 1979 г. достигло 65 тыс. человек. Однако если в первом случае общая численность школьников в Югре составляла 75 тыс. человек (то есть охват летним отдыхом составлял 80–85%), то в конце периода – 95 тыс. человек (менее 70%).

Отличие в организации летнего труда и отдыха в начале и конце рассматриваемого периода заключалось в том, что в 1979 г. в округе эта работа дополнялась операцией «Забота-79» [4, л. 21]. В рамках данной операции особое внимание в конце 1970-х гг. стало уделяться организованному отдыху и труду «трудных» подростков. В июле 1979 г. участники этой операции провели месячник по охране прав несовершеннолетних, в ходе которого были выявлены дети, оставшиеся без попечения родителей, нуждавшиеся в защите и помощи со стороны государства. В Березовском и Ханты-Мансийском районах работали специальные лагеря для сирот. Качественно и разнообразно был организован летний отдых воспитанников Нялинского детского дома [4, л. 22].

С другой стороны, полностью преодолеть все недостатки в создании оптимальных условий для труда и отдыха югорских учащихся к концу рассматриваемого периода так и не удалось. Недостаточно был организован труд и отдых школьников в Нижневартовском, Ханты-Мансийском и Березовском районах. Слабо использовались здания школ и интернатов. Так и не был решен вопрос строительства загородных пионерских лагерей в Ханты-Мансийске и Нижневартовске, не созданы стационарные лагеря труда и отдыха. При этом в отчетах окружного отдела народного образования отмечалось, что одной из причин данных недоработок являлась по-прежнему слабая связь органов народного образования со всеми заинтересованными организациями и ведомствами [4, л. 23].

Таким образом, нужно отметить, что во второй половине 1970-х гг. в школьном образовании Югры сложилась определенная система в организации летнего отдыха местных учащихся. Она включала целый комплекс мер по привлечению школьников края к трудовой деятельности в местных сельскохозяйственных предприятиях, лесном хозяйстве, в бригадах, осуществлявших ремонт отдельных образовательных учреждений. К концу рассматриваемого периода руководству региона удалось обеспечить летние школьные лагеря необходимыми кадрами. Усилилась работа по улучшению летнего отдыха «трудных» подростков и детей-сирот.

Однако в течение рассматриваемого периода в Ханты-Мансийском автономном округе так и не были ликвидированы недостатки в организации детского летнего отдыха. Даже в крупных городах региона не были построены загородные пионерские лагеря. Не были созданы стационарные лагеря труда и отдыха. Кроме того, охват учащихся всеми формами организованного летнего труда и отдыха, если верить официальным документам, во второй половине 1970-х гг. изменился незначительно и составлял 65 тыс. учащихся. Учитывая тот факт, что к началу 1980-х гг. общая численность югорских школьников резко увеличилась, это означало, что примерно треть всех учащихся региона не были задействованы в организованном летнем отдыхе. То есть планы государственно-партийных органов в отношении советской школы в столице вновь не совпадали с возможностями их реализации в провинции.

Литература

1. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 586.
2. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 587.
3. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 592.
4. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 642.

Кузнецова А. А.
Kuznetsova A. A.

УЧАСТИЕ НЕМЦЕВ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР В 1970–1980-е гг.

PARTICIPATION OF SIBERIAN GERMANS IN THE FIGHT FOR FREEDOM OF MOVEMENT AND EMIGRATION FROM THE USSR IN THE 1970s AND '80s

В статье рассматриваются следующие причины немецкой эмиграции из СССР в период 1970–1980-х годов: антирелигиозная политика советских властей, отсутствие автономной немецкой республики, недовольство уровнем жизни в СССР и др. Проанализированы особенности данного движения в стране и регионе.

The article considers the reasons for the German emigration from the USSR in the period from 1970 to 1980: antireligious policies of the Soviet authorities, the absence of an autonomous German republic, dissatisfaction with the living standards in the USSR, and more. The features of this movement in the country and the region are analyzed.

Ключевые слова: эмиграция, немцы, диссиденты, Западная Сибирь.
Keywords: emigration, Germans, dissidents, Western Siberia.

Политика СССР с самого начала его существования была направлена против эмиграции, а эмиграция в капиталистические страны трактовалась не иначе как «предательство социалистической родины». Тем не менее обусловленные внешнеполитическими причинами, внутренним и внешним давлением на Советский Союз периодически возникали волны эмиграции из страны.

Так, на территории Западной Сибири борьба за реализацию возможности возвращения на историческую родину особенно остро проявлялась среди лиц немецкой национальности.

Для немцев одним из главных мотивов покинуть Советский Союз становился вопрос религии. Как известно, антирелигиозное законодательство СССР дискредитировало церковь и всячески стремилось достичь «общества без религии». В результате чего существовали многочисленные запреты на отправление культов, на регистрацию общины и другие сложности.

Для немецкого населения Западной Сибири было характерно распространение протестантской веры (баптисты и пятидесятники, меннониты, лютеране, адвентисты седьмого дня).

В таблице 1 представлена статистика зарегистрированных религиозных объединений лиц немецкой национальности по Омской области.

Верующее население очень негативно реагировало на антирелигиозные и антицерковные деяния властей [2, с. 131]. Так, в начале 1970-х гг. в среде евангельских христиан-баптистов и части меннонитских общин было зафиксировано усиление эмиграционных настроений на выезд в ФРГ.

В силу того, что требования на эмиграцию проще реализовывались в среде верующего населения, когда кто-либо из общины выезжал в ФРГ, то по цепочке духовно-родственных связей осуществлялся выезд остальных членов [2, с. 133].

Так, за период с 1970 по 1973 гг. из Новосибирска выехало 35 семей – членов немецких религиозных общин [5, д. 934, л. 237].

Таблица 1

Количество зарегистрированных религиозных объединений лиц немецкой национальности (по Омской области) [б, д. 125, л. 3]

Наименование конфессии	Годы										
	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	Итого
Евангельские христиане-баптисты	2	-	1	4	1	-	3	1	3	-	15
Лютеране	3	-	1	3	-	1	1	5	3	1	18
Меннониты	1	-	2	-	-	1	-	-	-	1	5
Адвентисты седьмого дня	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2
Католики	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	2
Итого	6	-	4	7	3	2	4	7	7	2	42

Численность выехавших лиц немецкой национальности (по религиозным общинам) в период с 1970 по 1974 гг. из Новосибирска и Бердска дана в таблице 2.

Таблица 2

Численность выехавших лиц немецкой национальности (по религиозным общинам) в период с 1970 по 1974 гг. из Новосибирска и Бердска [4, д. 192, л. 5]

Страна	Религиозная община (чел.)					Всего
	Баптисты	Лютеране	Меннониты	Католики	Евангельские христиане-баптисты	
ФРГ	17	19	7	10	8	61
Канада	-	-	5	11	2	18
Итого	17	19	12	21	10	79*

Примечание:*17% от общего количества верующих на этой территории.

С проблемой эмиграционных настроений среди пятидесятников власти столкнулись еще в начале 1960-х гг., а уже в 1970-е гг. движение пятидесятников за выезд из СССР перестало быть локальным явлением, характерным лишь для отдельных общин, и получило элементы организованности. Согласно информации СДР, в Херсоне существовал нелегальный эмиграционный центр, активисты которого разъезжали по общинам, призывая верующих писать заявления о выезде, обещая содействие и помощь при обустройстве за границей [9, с. 235].

Другой, не менее значимой причиной покинуть СССР для немцев, являлась проблема невозможности восстановления автономной немецкой республики. Граждане, которые первоначально хотели восстановления автономии, после напрасных усилий немецких делегаций в Москве в 1965 и 1967 гг. потеряли всякую надежду на улучшение существовавшего положения российских немцев. Поэтому они считали эмиграцию единственным возможным для себя выходом [1].

Немцы часто считали отсутствие культурной и политической автономии действительно серьезной проблемой. Многие жаловались на отсутствие условий, необходимых для нормального национального развития. Часто указывалась проблема

языка. Так, например, в письме супругов из Джамбульской области, написанном в 1971 г., говорится: «Право обучать детей на родном языке невозможно реализовать в условиях раздробленности немецкого населения. Оно может быть реализовано только в восстановленной автономной республике» [9, с. 241]. Иногда в документах указывалось на последствия отсутствия немецкого культурного центра. Один российский немец, например, писал в 1973 г., что, по его мнению, отсутствие немецкой республики или автономии означает, что в Советском Союзе нет никаких условий для существования немцев и что это ведет к их полнейшей ассимиляции [9, с. 250].

ФРГ прилагала все усилия, чтобы вернуть максимальное количество российских немцев на историческую родину. Советской стороне систематически направлялись списки с фамилиями «отказников» – тех, кто просил о выезде из СССР и не получал на это разрешения от советских властей. 3 ноября 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Этот документ не был нигде напечатан и не был отдан для ознакомления лицам, к которым непосредственно применялся данный закон, в соответствии с которым разрешалось возвращение в Поволжье в индивидуальном порядке.

Позже, в середине 1970-х гг. некоторые немцы на свой страх и риск возвращались в Саратовскую или Волгоградскую области, к которым отошли земли бывшей АССР немцев Поволжья, с удивлением обнаружили, что их оттуда не гонят, а позволяют оформить прописку, приобрести жилье и устроиться на работу. Но на этот риск шли тогда лишь единицы. Власти же получили еще один козырь: немцы не хотят возвращаться на Волгу, они укоренились в местах нынешнего проживания, а значит, разговоров о восстановлении автономии быть не может [7]. Однако такие рассуждения годились только для пропагандистских акций в переговорах с ФРГ, среди советских немцев же эмиграционные настроения год от года только усиливались.

Эмиграционным настроениям способствовала и переписка с теми, гражданами, которые уже покинули СССР. Управление КГБ контролировали граждан, которые переписывались с родственниками и друзьями за границей. В период 1970-х гг. 350 немцев, живших в Томской области, сохраняли постоянную письменную связь с родственниками, знакомыми, благотворительными объединениями и официальными организациями западных стран. Двести восемьдесят человек (80%) из них были возрастом 50 лет и более. Переписка шла с адресатами из ФРГ (264 человека), США и Канады. Более ста человек систематически получали из ФРГ посылки.

В целом, переписка была семейно-бытового или дружеского характера. Но часто знакомые и родственники писали о лучших условиях жизни на Западе: хорошие квартирные условия, отсутствие очередей, обилие продуктов и промышленных товаров на прилавках магазинов, многочисленные льготы и пособия людям, приезжавшим на постоянное жительство в ФРГ из Советского Союза. Иногда с письмами присылали вырезки из газет Западной Германии о том, что в 1970 г. СССР и ФРГ заключили договоренность о разрешении выезда значительной части советских немцев [8]. Так, многочисленные желающие покинуть Советский Союз не оставляли надежду на скорейшее возвращение домой и улучшение своего положения.

Не менее значимой причиной возникновения эмиграционных настроений являлось недовольство в среде немцев советской уравнилельной системой. Часто в Томске и городах Кузбасса квалифицированными рабочими на предприятиях (газоэлектросварщики, слесари) были мужчины-немцы, принадлежавшие к протестантской вере, которая известна своей этикой, где человек спасает свою душу на рабочем месте. Выполняя работу, человек следует божественным заповедям. Это и есть священный долг человека протестантской веры. Но жесткий режим СССР ограничивал частную инициативу и не давал полностью удовлетворить собственные потребности. К примеру, в Юрге (Кемеровская область), по

данным Кемеровского обкома КПСС, наибольшее число немцев работало в тресте «Юргапромстрой» – 318, из них 10–12%, строили планы на эмиграцию, несмотря на обеспеченность жильем и автомашинами. Одной из причин желанья возвратиться на историческую родину был как раз более низкий уровень жизни в СССР в сравнении с ФРГ. Активно ходатайствовали в Томске о выезде из СССР квалифицированные рабочие, стропальщики, слесари, механики, технологи, настройщики, мастера и др.) заводов «Сибэлектромотор», ГПЗ-5, электролампового, измерительной аппаратуры, стройматериалов [9, с. 247].

Посольство ФРГ также «подогревало» эмиграционные настроения среди немцев, живших на территории СССР. С этой целью в Западной Германии была издана и распространялась среди лиц, имеющих родственников в СССР, «Памятка для выезжающих в ФРГ», которая содержала рекомендации и разъяснения по вопросам выезда, начиная с подачи заявления и до устройства на работу по приезду в ФРГ. В памятке предлагалось выехать сначала в Прибалтийские республики, так как оттуда значительно проще решались вопросы выезда за границу [5, д. 934, л.236]. В период с 1953 по 1987 гг. в ФРГ в среднем в год прибывали 37 тысяч переселенцев. В 1950–1987 гг. 62% переселенцев приехали из Польши, 15% из Румынии и 8% из СССР, хотя здесь этнических немцев было больше всего [10]. Постоянное усиление эмиграционных настроений не могло не беспокоить власть. Так, в августе 1972 г. был издан указ «О возмещении гражданами СССР, выезжающим на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Этот документ вызвал негодование в среде эмигрантов, так как делал массовую эмиграцию практически невозможной. Западным правительствам были написаны письма с просьбами о поддержке [3].

В письме, написанном в 1984 г. и обращенном к правительству СССР, 84 гражданина немецкой национальности выражали свою позицию: «Человек должен иметь свои культурно-исторические национальные корни, а также благодатную почву для их роста и развития. Это в основном и заставляет нас покидать эту страну, в лице которой мы так и не обрели настоящей Родины, подлинно национального равноправия» [1].

Многие граждане немецкой национальности, не имевшие близких родственников в ФРГ и ГДР, понимая, что это является одним из основных мотивов отказа в выезде, пытались любыми путями добиться разрешения на выезд одного из близких родственников, а затем выехать самим, имея уже основания для удовлетворения ходатайств о выезде [5, д. 839, л. 117]. Положительные решения властей о выезде в ФРГ принимались в основном для воссоединения семей [5, д. 934, л. 139] (табл. 3).

После ввода советских войск в Афганистан, в начале 1980-х гг., серьезно усилилась конфронтация между Советским Союзом и государствами Запада. В итоге количество положительных решений о выезде немцев за границу снизилось. Так, в 1979 г. из СССР выехало 7226 немцев, в 1980 г. – 6650, но в 1981 г. – лишь 3723, а в 1982 г. – 1958. В это время в Советском Союзе осуществлялось активное глушение западных радиостанций. В отношении деятелей национального движения и верующих, органы власти усилили методы административного давления.

Смягчение властей в отношении немецкой группы населения и желающих покинуть страну началось только с 1987 г., когда были введены дополнения в «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР», где был расширен и конкретизирован круг лиц, имеющих право выезжать за границу на постоянное жительство.

Таким образом, в Западной Сибири в рассматриваемый период борьба за свободу выбора страны проживания и эмиграции достаточно выражено проявлялась в движении советских немцев за выезд в ФРГ. Причиной его формирования и становления стала религиозная политика, политика дискриминации и ассимиляции, проводимая СССР в их отношении. Немцы стремились воссоединить свои семьи. Они рассчитывали улучшить свое финансовое и имущественное положение благодаря льготам, которые предоставлялись

в ГДР и ФРГ. При этом факты ущемления и оскорбления национальных чувств провоцировали нарастание эмиграционных настроений [1].

Таблица 3

Сведения о количестве ходатайств немецкого населения о выезде на постоянное место жительства по Новосибирской области за период с января по сентябрь 1973 г.
[5, д. 839, л. 117]

Кол-во жителей немецкой национальности	Кол-во ходатайств, всего		Разрешен выезд, всего		Отказано в выезде, всего	
	789, в том числе		315, в том числе		474, в том числе	
	в ФРГ	в ГДР	в ФРГ	в ГДР	по режимным соображе- ниям	по мотивам отсутствия близких родственников
67930	740	42	280	28	62	364

Отличительной чертой протестов лиц данной категории являлась их организованность, благодаря чему представители немецкой национальной группы были способны оказывать выразителям своих устремлений надежную поддержку. Время от времени протестная активность национальных групп заигралась иностранной радиопропагандой. Однако для большинства гражданского населения иностранная пропаганда была скорее как альтернатива официальным источникам информации.

Рассмотренное нами движение в сибирском регионе было органической составляющей борьбы за права человека в Советском Союзе и сумело внести собственный вклад в утверждение в стране права на свободу выбора места жительства, эмиграции и передвижения.

Литература

1. Армборст К. Эмиграция российских немцев в ФРГ в 1970–1987 гг.: основания и причины. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект : материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997. С. 385–392.
2. Волохов С. П. Протестное движение евангельских христиан-баптистов 1960–1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей // Вестник БГПУ. 2002. Вып. 2. С. 131–137. (Сер. Гуманит. науки)
3. Волохов С. П. Социально-политические протесты середины 1950-х – середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
4. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 4. Оп. 34.
6. Государственный архив Омской области. Ф. 2603.
7. История немцев в России. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=2&hmenu0=9> (дата обращения: 19.05.2017).
8. Конев Е. В. Социально-политическая характеристика немецкого населения Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в 1970–1980 годы // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М. : Международный союз немецкой культуры, 2003. С. 146–153.

9. Никольская Т. К. Советская религиозная политика и борьба с протестантским подпольем в 1960–1980-е годы // Новая политическая история : сб. науч. работ. СПб. : Изд-во ЕУСПб : Алетейя, 2004. С. 233–252.

10. Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) // ДемоскопWeekly: электрон. период. изд-е. URL: [http://demoscope.ru/ weekly/ 2006/0243/analit03.php](http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php) (дата обращения: 16.01.2015).

Клевакин А. Н.
Klevakin A. N.

АРХИТЕКТОР ГЕНРИХ ВАСИЛЬЕВИЧ ИВАНОВ

ARCHITECT GENRIKH VASILYEVICH IVANOV

В статье представлены ценные воспоминания об известном сибирском архитекторе Генрихе Васильевиче Иванове, связанные с градостроительным освоением нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Сюжеты этих воспоминаний раскрывают мечтательный характер строителей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса 1960 – 1980-х гг.

The article shows valuable memories of the well-known Siberian architect Genrikh Vasilyevich Ivanov, related to the city-planning development of oil and gas producing regions of Western Siberia. The subjects of these memories reveal the visionary character of the builders of the West Siberian oil and gas complex of the 1960s and '80s.

Ключевые слова: эпоха начала 1980-х, архитектор Г. В. Иванов.

Keywords: the early 1980s-era, architect G. V. Ivanov.

Много раз, когда встречал главного архитектора Сибирского научно-исследовательского и проектного института (СибЗНИИЭП) Бориса Михайловича Свирского, слышал от него вопрос: «Саша, когда напишешь о том, как с Генрихом Васильевичем ездили в Ханто?». Иванов пользовался уважением во всех подразделениях института, о нем говорили с каким-то особым подъемом. Просьба эта была, как я понимаю, связана с желанием осветить героические и романтические события конца 70-х – начала 80-х годов прошлого века, которые большей части сотрудников – архитекторов, планировщиков, руководителей и смежников – были недоступны. В ответ на вопрос Свирского я старался отделаться какими-нибудь общими фразами, мол, некогда. Обещал сделать это как-нибудь позже. Так шли годы. Прошло более трех десятилетий. Бориса Михайлович ушел из жизни, с ним, казалось, ушли его вопросы.

Интересно понять, что двигало честного и преданного делу профессии человека. Этой стороне биографии послевоенного поколения пока уделяют недостаточно мало внимания современные исследователи. Ведь должно было быть то, что стимулировало человека в его профессиональной деятельности, и это не только длинный рубль, перспективы карьерного роста, постановления государства, партии, правительства.

Генрих Васильевич Иванов родился 28 августа 1928 года в поселке Каргат Новосибирской области в семье потомственных крестьян. Архитектором решил стать еще в школе. Поступил учиться на архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института и, закончив его в 1953 году, поехал по назначению в томский «Желдорпроект». Легкий на подъем, влюбленный в профессию, он охотно брался за любое задание и отлично с ним справлялся (фот. 1).

Учился в аспирантуре, но тяга к практической работе была сильнее. Следующее место его работы связано с институтом «Новосибгражданпроект». Включенный в сообщество молодых новосибирских зодчих, окрыленных открывающимися перспективами 1960-х, Иванов в это время руководил бригадой, а в 1962 году завоевал диплом II степени на всесоюзном смотре-конкурсе молодых архитекторов [1, с. 12]. В это время руководство г. Новосибирска решает благоустроить набережную. На конкурсе среди местных зодчих проект Генриха Васильевича завоевывает первое место (фот. 2).

Фот. 1. Иванов-аспирант. Новосибирск. 1958 – 1959 гг. (из архива семьи)

Фот. 2. Архитекторы «Новосибгражданпроекта». Слева направо: Анатолий Сабиров, Генрих Иванов, Михаил Стародубов (?), Юрий Магарам, Евгений Амосов. 1961–1962 гг. (из архива семьи)

По свидетельству жены, Инны Николаевны, Иванов легко зажигался идеями, стремительно разворачивал работу (фот. 3). Так же быстро охладевал, как только начинал понимать, что первоначальный замысел не реализуем. Так было Новосибгражданпроекте, на строительстве городов нефтяников Стрежевой и Ханто, в Пскове и Новгороде, где

приходилось проектировать. «Неполученными орденами можно было дорогу мостить. По результатам работы награды получали окружающие, но не он» [2, с. 5].

Фот. 3. Иванов Г. В. на доске почета «Ростовгражданпроекта». 1970 г. (из архива семьи)

Генрих Васильевич проектировал генеральный план Стрежевого и план детальной планировки его микрорайонов. В год своего пятидесятилетнего юбилея (1978 г.) он получил приглашение работать над проектом поселка Ханто в Ханты-Мансийском округе. Прилетел он на вертолете с первой партией геодезистов на площадку будущего города. И с этого момента его проектным «офисом» был дом на песчаном участке среди болот. Он постоянно летал на вертолете в Сургут, где находилось нефтегазодобывающее управление (НГДУ), в Новосибирск – в СибЗНИИЭП, где согласовывал проектную документацию [3, с. 161-168]. С началом разбивки «пионерного поселка» в 1979 году ученый с двенадцатилетним сыном поселился в отдельном вагончике, в котором прожил три года (фот. 4, 5).

Параллельно с профессиональной деятельностью пионеры 1980-х несли с собой локальные и личные замыслы. У Генриха Васильевича была мечта – построить новый город Ханто и соорудить в нем собственную яхту. В Сургуте, ожидая рейса вертолета, на полу гостиничного номера с помощью конструкторской линейки вычерчивал шпангоуты будущего судна. По замыслу, яхта из Ханто по воздуху должна была быть транспортирована до большой воды. Далее, в соответствии с разработанным маршрутом, капитан планировал сплавиться вниз по течению до Обской губы, обогнуть полуостров Ямал и по системе каналов спустится в Ростов-на-Дону. В этом городе оставалась его семья – жена и дочь.

Фот. 4. Иванов Г. В. с кинокамерой на территории будущего парка пионерного поселка Ханты. 1980 г. (фото А. Н. Клевакина)

Фот. 5. Иванов Г.В. с сыном Артёмом и сотрудниками НГДУ на крыльце своего вагончика в Ханты. 1980 г. (фото А. Н. Клевакина)

Литература

1. Без страха и упрека // Строительство и архитектура. 2004. № 6. С. 12.

2. Калабухова И. Н. Об Иванове // Беседа. Новосибирск. 2013.
3. Клевакин А. Н. Архитектор и эпоха (идея города в 70-е гг. прошлого столетия) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 11. С. 161–168.

УДК 631.1(571.12)

Солодовников А. Ю.
Solodovnikov A. Yu.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НЕФТЕЮГАНСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN NEFTEYUGANSKY DISTRICT IN THE EARLY 21st CENTURY

Статья посвящена развитию сельского хозяйства в Нефтеюганском районе в начале XXI в. Несмотря на то, что эта местность относится к районам Севера, где для развития сельского хозяйства имеются ограниченные возможности, обусловленные природными особенностями, тем не менее и здесь население занимается выращиванием некоторых сельскохозяйственных культур, а также разведением животных. При этом эта отрасль сформировалась задолго до того, как пришли сюда нефтяники и лесозаготовители.

This article is devoted to the agricultural development of the Nefteyugansky district in the early 21st century. Despite the fact that this district is classified as the North, which has limited possibilities for agricultural development due to natural features, the population here cultivates some crops and breeds animals. This industry was formed here before the oil and lumber companies came here.

Ключевые слова: сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, предприятия, посевная площадь, валовой сбор, урожайность.

Keywords: agriculture, crop research, breeding, factories, crop acreage, gross collection, crop yield.

Развитие сельского хозяйства в Среднем Приобье насчитывает несколько столетий и своим становлением и развитием обязано русскому населению, которое начало селиться здесь в XVIII–XIX вв. Проживавшее местное население, в основном ханты и манси, опиралось на промыслы, образованию которых поспособствовала природа. Это рыболовство, оленеводство, охотничий промысел и собирательство. Возделыванием земли до русских никто не занимался. Русское население принесло с собой аграрную составляющую в виде растениеводства и животноводства, которые существуют и поныне.

Нефтеюганский район, о котором пойдет речь ниже (включая городские округа Нефтеюганск и Пыть-Ях, находящиеся на его территории) для развития традиционного сельского хозяйства малоблагоприятен из-за природных особенностей местности. По степени благоприятности климата для развития сельского хозяйства (по Г.М. Сергееву) в соответствии с агроклиматическим районированием Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [1], на территории Нефтеюганского района выделены два агроклиматических района (II и III).

II – умеренно прохладный и увлажненный район ранних культур – занимает южную половину района. Средняя годовая температура воздуха – около -3°C , средняя температура января -21°C , июля – до $+17^{\circ}\text{C}$. Период со среднесуточной температурой воздуха выше 0°C составляет 180 дней, сумма температур за этот период – $1\,900-1\,700^{\circ}\text{C}$. Продолжительность вегетационного периода – 90–115 дней с суммой температур $1\,400-1\,550^{\circ}\text{C}$. Годовое количество осадков – 500–650 мм. Показатель сухости колеблется от 0,45 до 0,60 за год и от 1,0 до 1,15 за период активной вегетации. Биологическая продуктивность района – 80–50 баллов.

Приведенные климатические показатели свидетельствуют о достаточной тепло- и влагообеспеченности раннеспелых сортов зерновых культур, картофеля, овощей и многолетних трав. В общей специализации сельского хозяйства значительное место остается за получением вегетативной массы. В связи с этим возможно широкое развитие животноводства. Имеет значение также тепловая мелиорация полей и выбор участков под земледелие.

III – прохладный, значительно увлажненный район весьма ранних культур – занимает северную часть района. Средняя годовая температура воздуха составляет $-3,5^{\circ}\text{C}$, средняя температура января – -22°C , июля $+16^{\circ}\text{C}$. Период со среднесуточной температурой воздуха выше 0°C – 160–170 дней, сумма температур за этот период – 1 600 $^{\circ}\text{C}$. Продолжительность вегетационного периода – 85 дней с суммой температур 1 250–1 350 $^{\circ}\text{C}$. Годовое количество осадков – 500–650 мм. Годовой индекс сухости не более 0,45 за год, за период активной вегетации – 1,00. Биологическая продуктивность климата от 45 до 30 баллов.

Таким образом, климатические условия на территории Нефтеюганского района позволяют выращивать самые коротковегетирующие серые хлеба и наиболее скороспелые холодоустойчивые огородные культуры. В районе, особенно в его северной части, следует выбирать места для полей на склонах южной экспозиции, в долине Оби, на защищенных от холодных ветров участках и в других более благоприятных микроклиматических условиях. Для обеспечения ежегодного созревания растений требуется проведение тепловой мелиорации осваиваемых массивов. Для развития животноводства сенокосные и пастбищные угодья имеются в основном в северной части района, в долине Оби.

В целом все сельскохозяйственные угодья района находятся в зоне рискованного земледелия и являются низкопродуктивными.

В Нефтеюганском районе на начало 2015 г. сельским хозяйством занимались 2 крупные сельскохозяйственные организации и около 130 крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей и хозяйств населения. В Нефтеюганске сельскохозяйственная продукция производилась 37 сельхозпроизводителями, в том числе 23 крестьянскими фермерскими хозяйствами, 3 хозяйствами индивидуальных предпринимателей и 11 личными подсобными хозяйствами. Агропромышленный сектор на территории Пыть-Яха представляли 6 личных подсобных хозяйств, 7 крестьянских (фермерских) хозяйств и 2 индивидуальных предпринимателя.

Сельское хозяйство как отрасль экономики наиболее значима для Нефтеюганского района, и, в меньшей степени, для городских округов. Производство продукции сельского хозяйства в районе в 2015 г. достигло почти 900 млн руб., в Нефтеюганске – 126 млн руб., в Пыть-Яхе – 177 млн руб. В отдельные годы в районе производство продукции превышало 1 млрд руб. С начала 3-го тысячелетия производство сельскохозяйственной продукции в Нефтеюганском районе выросло в 13 раз, в Нефтеюганске – в 4,6 раза, в Пыть-Яхе – в 11 раз (табл. 1).

В Нефтеюганском районе бóльшая часть сельскохозяйственной продукции производится в личных подсобных хозяйствах – около 80 %, в том числе вся растениеводческая продукция. В производстве продукции животноводства лидируют крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели (70 %), с каждым годом их значение только растет. В Нефтеюганске и Пыть-Яхе весомая часть продукции сельского хозяйства также производится в хозяйствах населения – 55,9 и 76,4 % соответственно. В Нефтеюганске свыше 95 %, а в Пыть-Яхе вся растениеводческая продукция выращивается населением. В животноводстве приоритет за крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и индивидуальными предпринимателями.

Ведущей отраслью сельского хозяйства является растениеводство. Его доля в структуре сельского хозяйства в 2002–2015 гг. в Нефтеюганском районе составила 75,6 %, в Нефтеюганске – 58,0 %, в Пыть-Яхе – 72,7 %.

Таблица 1

Продукция сельского хозяйства всех категорий хозяйств в 2002–2015 гг. [2-5]

Год	Всего		Растениеводство		Животноводство	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
1	2	3	4	5	6	7
Нефтеюганский район						
2002	75,5	100,0	43,5	57,6	32,0	42,4
2003	134,8	100,0	90,1	66,8	44,7	33,2
2004	149,8	100,0	102,2	68,2	47,6	31,8
2005	157,7	100,0	102,9	65,3	54,8	34,7
2006	223,7	100,0	149,6	66,9	74,1	33,1
2007	385,9	100,0	295,9	76,7	90,0	23,3
2008	513,7	100,0	396,2	77,1	117,5	22,9
2009	651,0	100,0	502,0	77,1	149,1	22,9
2010	665,0	100,0	542,9	81,6	122,1	18,4
2011	960,2	100,0	794,4	82,7	165,8	17,3
2012	1 031,9	100,0	829,1	80,3	202,7	19,7
2013	1 037,3	100,0	826,9	79,7	210,4	20,3
2014	989,0	100,0	679,1	68,7	309,9	31,3
2015	895,2	100,0	596,9	66,7	298,3	33,3
2002–2015	7 870,7	100,0	5 951,7	75,6	1 919,0	24,4
Нефтеюганск						
2002	27,0	100,0	17,5	64,3	9,7	35,7
2003	32,7	100,0	30,2	92,4	2,5	7,6
2004	33,0	100,0	27,8	84,2	5,2	15,8
2005	33,3	100,0	27,1	81,4	6,2	18,6
2006	49,8	100,0	39,1	78,5	10,7	21,5
2007	42,8	100,0	27,0	63,1	15,8	36,9
2008	74,5	100,0	37,1	49,8	37,3	50,2
2009	81,0	100,0	46,4	57,3	34,6	42,7
2010	92,9	100,0	50,7	54,6	42,2	45,4
2011	126,5	100,0	65,4	51,7	61,0	48,3
2012	145,7	100,0	66,8	45,8	79,0	54,2
2013	125,4	100,0	67,7	54,0	57,7	46,0
2014	84,1	100,0	57,8	68,7	26,3	31,3
2015	126,0	100,0	51,8	41,1	74,2	48,2
2002–2015	1 056,7	100,0	612,4	58,0	444,3	42,0
Пыть-Ях						
2002	16,0	100,0	13,6	85,0	2,4	15,0
2003	26,1	100,0	26,1	92,9	2,0	7,1
2004	28,4	100,0	27,2	95,8	1,2	4,2
2005	29,1	100,0	27,1	93,1	2,0	6,9
2006	46,4	100,0	44,1	95,0	2,3	5,0
2007	34,6	100,0	33,1	95,7	1,5	4,3
2008	52,6	100,0	47,3	89,9	5,3	10,1
2009	66,1	100,0	57,8	87,4	8,3	12,6
2010	70,2	100,0	59,4	84,6	10,8	15,4
2011	98,2	100,0	84,1	85,6	14,2	14,4
2012	113,0	100,0	86,2	76,3	26,8	23,7
2013	126,5	100,0	89,7	70,9	36,8	29,1

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
2014	140,1	100,0	78,3	55,9	61,8	44,1
2015	176,9	100,0	72,1	40,8	104,8	59,2
2002–2015	1 026,2	100,0	746,1	72,7	280,1	27,3

За этот период всеми сельскохозяйственными предприятиями района и городских округов было произведено продукции на 7,3 млрд руб., из них 81,4 % пришлось на Нефтеюганский район, 8,4 % – Нефтеюганск и 10,2 % – Пыть-Ях. Растениеводство представлено овощеводством. Выращиваются картофель и некоторые овощи открытого грунта. Их сажают во всех муниципальных образованиях и в большинстве поселений. Посевная площадь составляет чуть более 1 тыс. га, из них 86,1 % приходится на Нефтеюганский район. При этом в Нефтеюганском районе картофель занимает почти 80 % обрабатываемой площади, в Нефтеюганске – 75 %, в Пыть-Яхе – 84 %. В Нефтеюганском районе и Нефтеюганске небольшие площади отведены и под кормовые культуры.

Картофель и другие овощи выращиваются преимущественно в хозяйствах населения. В Нефтеюганске их доля доходит почти до 90 %, в Нефтеюганском районе – до 98 %, а в Пыть-Яхе составляет 100 %. В ограниченных количествах овощеводством занимаются крестьянские и фермерские хозяйства. Но их доля, например, в картофелеводстве ограничивается 2–2,5 % в Нефтеюганском районе и 12–15 % в Нефтеюганске. В выращивании других овощей их доля еще ниже. Плоды и ягоды садовые во всех муниципалитетах выращивает только население. Ежегодно в среднем собирается 14–16 тыс. т картофеля и до 4 тыс. т других овощей. Из них свыше 80 % собирается с территории Нефтеюганского района. При этом урожайность картофеля составляет около 180 ц/га, других овощей – более 230 ц/га (табл. 2). Сбор картофеля, других овощей в Нефтеюганском районе и Нефтеюганске обеспечивает население, в Пыть-Яхе – сельскохозяйственные организации.

Таблица 2

**Валовой сбор и урожайность основных сельскохозяйственных культур
(во всех категориях хозяйств) [2-5]**

Год	Валовой сбор						Урожайность, ц/га					
	картофеля, тыс. т			других овощей, т			картофеля			овощей		
	Нефтеюганский район	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	Нефтеюганск	Пыть-Ях
2002	2,3	0,7	0,7	664	220	179	75	75	75	78	88	78
2003	6,0	1,8	1,7	1 866	543	506	195	195	195	220	220	220
2004	5,7	1,6	1,6	2 150	621	587	183	181	186	249	243	255
2005	6,2	1,7	1,7	2 335	660	637	197	198	202	271	265	277
2006	6,3	1,8	2,0	2 193	626	650	203	201	207	255	249	260
2007	13,8	0,9	1,2	2 880	300	260	186	184	189	193	205	207
2008	13,2	0,9	1,2	3 015	316	160	187	177	189	205	202	207
2009	13,4	0,9	1,2	3 184	345	278	192	184	193	220	210	221
2010	12,3	0,8	1,1	3 292	345	286	176	170	177	227	222	228
2011	12,4	0,9	1,1	3 418	356	298	177	170	178	235	229	237
2012	12,7	0,8	1,1	3 442	346	299	179	178	180	236	236	239
2013	12,5	0,9	1,1	3 412	344	297	178	174	180	235	232	236
2014	11,8	0,8	1,0	3 311	333	289	173	166	178	231	233	235
2015	10,9	0,7	1,0	3 277	330	288	179	179	179	236	236	236

На небольших площадях сажают также свеклу, морковь, лук, чеснок, горох овощной, тыкву и кабачки. Почти все выращивается в закрытом грунте. В 2015 г. в районе завершено строительство первых зимних теплиц площадью 2,4 тыс. м². Получена первая продукция – зеленый лук (500 кг). Животноводством занимаются индивидуальные предприниматели и граждане без образования юридического лица. Для развития этого направления сельского хозяйства имеются более благоприятные условия, чем для развития растениеводства. Обилие кормов на заливаемой пойме Оби и ее многочисленных проток и рукавов создает возможность развития очагового скотоводства, которое развивается в окрестностях почти всех населенных пунктов. Однако длительная затапливаемость территории и высокая себестоимость заготовки кормов делает эту проблему трудно выполнимой. По этим причинам крупнотоварное скотоводство в районе было ликвидировано. В то же время частнокрестьянское хозяйство патриархально и не связано с понятием рентабельность. Оно развивается уже несколько веков и, вероятно, будет развиваться дальше без видимой привязки к рыночным отношениям. Животноводство представлено выращиванием преимущественно свиней, далее следует крупный рогатый скот, значительно меньше – овец, коз, лошадей. Самое высокое поголовье скота – в Нефтеюганском районе, меньше всего его в Пыть-Яхе. С начала 3-го тысячелетия поголовье всех видов домашних животных во всех муниципальных образованиях выросло. Так, поголовье КРС выросло: в Нефтеюганском районе – в 2 раза, в Нефтеюганске – 3,4 раза, в Пыть-Яхе – 9,8 раза. В целом наибольший рост поголовья животных отмечен в хозяйствах Нефтеюганска и Пыть-Яха (табл. 3).

Таблица 3

Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий (на конец года), голов [2-5]

Муниципальное образование		Годы							
		2001	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Нефтеюганск	КРС	64	76	499	480	366	166	219	476
	Коровы	33	56	233	242	176	71	69	259
	Свиньи	38	114	878	1208	1770	300	259	246
	Козы и овцы	11	22	81	410	304	26	170	331
	Птица			899	986	2109	1386	1891	1629
	Лошади	-	10	20	13	4	7	12	17
	Кролики			582	407	597	559	1140	1499
Пыть-Ях	КРС	49	45	30	41	75	112	479	197
	Коровы	45	24	15	21	37	65	88	95
	Свиньи	-	-	33	103	279	551	561	975
	Козы и овцы	10	21	58	80	122	116	155	153
	Птица			7321	11400	26636	36996	38177	35798
	Лошади	-	9				1	1	4
	Кролики			119	131	145	69	440	773
Нефтеюганский р-н	КРС	930	1213	1232	1299	1512	2067	1935	1575
	Коровы	402	453	459	498	651	899	845	627
	Свиньи	1 745	1 833	2 693	2770	2866	4711	4563	3261
	Козы и овцы	80	171	145	177	166	333	411	323
	Птица			3278	3633	4892	9150	9728	10107
	Лошади	62	60	69	62	70	54	51	45
	Кролики			459	302	471	531	915	1139

Кроме картофеля из овощей больше всего в Нефтеюганском районе выращивают капусту и огурцов, в Нефтеюганске и Пыть-Яхе – огурцов и помидор. Основной продукцией животноводства являются мясо, молоко, яйца и шерсть. По объемам заготовок почти всех видов продукции лидирует Нефтеюганский район, по производству яиц – Пыть-Ях. С 2001 г. производство животноводческой продукции растет во всех муниципальных образованиях и почти по всем направлениям. Так, в Нефтеюганском районе производство мяса выросло в 3 раза, молока – в 2,6 раз, яиц – в 9,3 раз. Снижение отмечено только в Нефтеюганске в производстве яиц (табл. 4).

Вместе с ростом производства сельскохозяйственной продукции увеличивается и ее производство в расчете на душу населения, но этот рост менее выражен и в большей степени относится к Нефтеюганскому району. В Нефтеюганске этого роста нет или наоборот отмечается снижение производственных показателей.

Перспективы развития отрасли. Учитывая, что сельское хозяйство в условиях Севера нерентабельно, производимая на месте продукция дороже завозимой из других регионов страны, администрации района, городских округов и автономного округа оказывают помощь местным сельхозпроизводителям в рамках приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» на уровне субъекта Федерации и муниципальных образований. Так, в 2014 г. Администрацией Нефтеюганского района была принята долгосрочная целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса и рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Нефтеюганском районе в 2014–2020 годах». Цель программы – устойчивое развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения и обеспечение его экологически чистыми продуктами питания. На ее реализацию выделены 1 151,1 млн руб. Средства предполагается направить на увеличение поголовья скота, объема производства сельскохозяйственной продукции, вылова водных биологических ресурсов и сбора дикоросов.

Таблица 4

Производство животноводческой продукции, т

Муниципальное образование	Продукция	Годы							
		2001	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Нефтеюганск	Мясо	58	60	153	188	171	75	50	375
	Молоко	97	152	918	883	802	362	358	1471
	Яйца ¹	3 462	16	72	86	160	88	71	140
	Шерсть ²					0,3	0,5		
Пыть-Ях	Мясо	5	5	14	22	57	94	100	212
	Молоко	137	86	68	68	149	212	195	524
	Яйца ¹			1 888	2 513	3 960	4 123	6 215	9037
	Шерсть ²		1	2			0,2		
Нефтеюганский р-н	Мясо	235	366	363	537	492	696	704	709
	Молоко	1 122	1 699	1 767	2 040	2 541	3 643	3350	2922
	Яйца ¹	128	142	312	362	389	590	1171	1187
	Шерсть ²	1	1	1	1	1	1	1	0.2

Примечание: ¹ тыс. штук, ² центнеров [2-5].

В рамках программы предусмотрено улучшение жилищных и социальных условий жителей, проживающих в сельской местности, – приобретение жилья, в том числе для молодых специалистов, доведение уровня газификации домов до 100 %, строительство культурно-досуговых учреждений и спортивных сооружений. Только в 2015 г. на

реализацию программы было потрачено почти 130 млн руб., из них 83 % из бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В 2015 г. в рамках этой программы в районе реализованы 2 инвестиционных проекта: «Животноводческое помещение для содержания 1 500 голов птицы» и «Животноводческое помещение коровник на 400 голов» в с. п. Сингапай. Ведется строительство двух зимних теплиц, общей площадью более 2400 м² в с. п. Сингапай (в теплицах планируется выращивание около пяти видов продукции растениеводства). Всего на реализацию программы в текущем году было потрачено почти 130 млн руб., из них свыше 80 % – это средства, поступившие из регионального бюджета.

В Нефтеюганске оказание помощи производителям продукции сельского хозяйства предусмотрено муниципальной программой «Социально-экономическое развитие муниципального образования город Нефтеюганск на 2014–2020 годы», в Пыть-Яхе – «Развитие агропромышленного комплекса и рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в муниципальном образовании городской округ город Пыть-Ях в 2016–2020 годах».

Основная цель программ – устойчивое развитие сельскохозяйственных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств, повышение конкурентоспособности продукции, произведенной на территории городов Нефтеюганска и Пыть-Яха. Только в 2016 г. в Пыть-Яхе на ее реализацию было выделено 11,4 млн руб. Средства на программы предусмотрены из бюджетов автономного округа и муниципального образования, в том числе по программе субсидирования в Нефтеюганске объем финансирования, например, в 2013 г. составил 33,8 млн руб., из них 50 % возвращены сельхозпроизводителям на развитие материально-технической базы.

Кроме практических шагов, администрации муниципальных органов оказывают информационно-разъяснительную работу среди населения города, методическую и другие виды помощи гражданам, которые занимаются (или желают заниматься) сельским хозяйством.

Анализ выполнения программ позволяет утверждать, что средства выделяются не напрасно. Во всех муниципалитетах отмечается увеличение поголовья сельскохозяйственных животных и рост объемов производства аграрной продукции.

Литература

1. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа– Югры. Ч. 2. Ханты-Мансийск ; М., 2004.
2. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Тюменской области (2001–2005) : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области : в 2 т. Т. 2. Тюмень, 2006. 193 с.
3. Сельское хозяйство в Тюменской области (2005–2009) : стат. сб.: в 2 ч. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2010. 189 с.
4. Сельское хозяйство в Тюменской области (2009–2013) : стат. сб.: в 2 ч. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. 201 с.
5. Сельское хозяйство в Тюменской области (2012–2016) : стат. сб.: в 2 ч. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. 190 с.

**К 25-ЛЕТИЮ
СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

УДК 378(091)(571.122)

*Стрельцова Н. Я.
Streltsova N. Ya.*

**СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ОТ СОЗДАНИЯ ДО ПРИЗНАНИЯ**

SURGUT STATE UNIVERSITY: FROM FOUNDATION TO RECOGNITION

В статье представлен исторический обзор становления Сургута и системы высшего образования в городе. Описывается история создания Сургутского государственного университета и его роль в развитии города Сургута.

The article considers the historical background of the Surgut city and its higher education system establishment. It describes the origin of the Surgut State University and its role in the development of the Surgut city.

Ключевые слова: история Сургута, Сургутский государственный университет, региональный вуз, Г. И. Назин, А. Л. Сидоров, Г. Ф. Шафранов-Куцев.

Keywords: history of Surgut, Surgut State University, regional university, G. I. Nazin, A. L. Sidorov, G. F. Shafranov-Kutsev.

Каждый город имеет свою историю, свои неповторимые черты и свой путь развития. «Города также имеют лица, и в облике их отражаются не только символы и имена, но и традиции, рождаемые эпохами и людьми. Города, эпохи и люди... круг замкнулся! И разомкнуть его, выпустить нас на линию времени, позволить нам заглянуть в прошлое, задуматься над настоящим, угадать туманное будущее, может лишь один ключ. И этот ключ – историческая память» [1, с. 7]. Известный краевед, журналист, почетный гражданин города Сургута Иван Прокопьевич Захаров утверждал, что история края, его людей, память о них должна стать достоянием как ныне живущих, так и будущих поколений наших.

В 1594 году по указу царя Федора Иоанновича на правом берегу реки Оби был основан сургутский острог, который стал одним из северных форпостов в великом движении России на восток. Сургут отличался выгодным географическим положением, удобными водными путями. «Уже в 1601 году сургутский гарнизон насчитывал 280 человек – казаков, стрельцов, литвы, черкесов» [2, с. 7].

Герб Сургута, на котором изображена черно-бурая лисица, был утвержден в 1785 году императрицей Екатериной II и сохранил основные черты до настоящего времени.

С начала XVII и до середины XX века Сургут представлял собой большое село с населением от 500 до 2000 человек. Лодки, рыболовные сети, меховые одежды, ханты и манси (малицы, кумыш и кисы) да россыпь ромашек вдоль дорог – главный фон Сургута. Жители Сургута были большими тружениками, ценившими традиции предков, в строгости воспитывавшими своих детей. А в крепких деревянных домах и подворьях царили чистота и порядок.

А. Смольников, ученик Аркадия Степановича Знаменского, известного краеведа и настоящего учителя-подвижника, вспоминает: «В 1875 году – почти через три века! – там, по свидетельству исследователя, было 167 обывательских домов, 23 казенных, один соляной магазин, один хлебный, один пороховой погреб, одна каменная церковь и три (!) питейных дома... В двух сургутских школах обучались 47 мальчиков и 18 девочек. Была еще больница, но, как утверждает современник, “без врача, без фельдшера, без белья и без медикаментов”» [7, с. 69].

Несмотря на удаленность этого поселения от цивилизации и культуры, можно удивляться состоянию бытовой культуры и отношению жителей Сургута к развитию образования. Уже в первой трети XVIII века существовала солдатская школа для образования писарей, в 1835 году она переименована в школу казачьих детей. С 1877 года на базе этой школы открылось первое мужское училище, с 1886 года действовала первая церковно-приходская школа для девочек.

Не эти ли личностные черты сибиряков, особенно в организации своей жизнедеятельности, передаются из поколения в поколение?

У современников имеется возможность сравнить взгляды на Сургут 50-х гг. XX в. Первое впечатление Фармана Курбановича Салманова, советского и российского геолога, первооткрывателя нефти в Сибири, доктора геолого-минералогических наук, члена-корреспондента РАН (1991), Героя Социалистического Труда (1966), заслуженного геолога Российской Федерации, связано с тишиной, стоявшей с сентября по июнь «над закованной в ледяной панцирь Обью». А выпускник сургутской школы 1947 года, известный ученый-востоковед Петр Афанасьевич Грязневич утверждал, что «в начале 50-х годов редкий населенный пункт Западной Сибири с шеститысячным населением мог сравниться с Сургутом по насыщенности интеллектуальной и духовной жизни. Главным носителем духовности в тот период являлось сургутское учительство, в центре которого находилась неповторимая и самобытная фигура Аркадия Степановича Знаменского, человека поистине энциклопедического ума, обширнейших познаний, наверное, во всех сферах человеческой деятельности. Он оставил пример педагогического подвижничества для всех последующих поколений сургутских учителей».

С открытием залежей промышленной нефти Сургут переживает свое второе рождение и 25 июня 1965 года получает статус города. Как выглядел г. Сургут в конце семидесятых годов прошлого века, вспоминает директор центральной библиотечной системы, заслуженный работник культуры РФ Надежда Васильевна Жукова: «Островки жилых микрорайонов – нефтяников, геологов, строителей, условно в центре – микрорайон энергетиков. И между этими “хуторами” – между ними шанхайчики балков, песок вдоль дорог, болотистые пустоши, среди них свайные поля. У новостроек еще приходилось ходить в кирзачах» (аудиозапись интервью Н. В. Жуковой).

Сегодня Сургут с населением более 300 тысяч человек – современный, удобный для жизни, динамично развивающийся город с крупными предприятиями, с огромной протяженностью транспортных путей: водных, железнодорожных, авиационных, автомобильных, сложившейся системой градостроительства, социального обслуживания, образовательной и культурной средой. За 50 лет совершен трудовой подвиг создания современного яркого города.

Если обратиться к исторической памяти людей, которые всё это создавали, откроется в деянии предыдущих поколений такое духовное богатство, которое может стать главным подарком новым поколениям. История Сургута – это и история жизни отдельного сообщества людей.

В Сургуте жили и живут люди, способные восхищаться и претворять в жизнь самые смелые идеи. Сохранение в памяти имен людей, героев разных эпох, сыгравших особую роль в становлении и развитии Сургута, стало главной традицией преемственности

поколений. Здесь увековечены в бронзе князь Федор Барятинский как олицетворение государственности, воевода Владимир Оничков как олицетворение военной силы.

В Сургуте чтут имена сургутян, не вернувшихся с полей сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и первых геологов, нефтяников – героев труда. Ежегодно проводят конференции, посвященные творчеству самобытного, неповторимого учителя-подвижника А. С. Знаменского и Дни поэта в честь Петра Антоновича Суханова, своими стихами, притягивающего сургутян к великой русской литературе. Через познание истории, соприкосновение с событиями как проявлениями общественного сознания сургутяне познают себя, оценивают свои цели в жизни и стремятся к совершенствованию. «Народ, который не помнит свою историю, не имеет будущего!» – утверждают великие мыслители.

В 2018 году Сургутскому государственному университету (далее СурГУ) исполнится 25 лет. Некоторые исторические зарисовки о нашем университете, фамилии и имена людей, которые внесли свой вклад в создание СурГУ, его становление и развитие – необходимое условие формирования культурно-образовательной среды, в которой воспитывается подрастающее поколение. Знать историю своей «альма-матер» и своего родного города, который строили родители нынешних студентов, – значит утверждать «самостоянье» человека (по А. С. Пушкину) как «залог величия его». Извлечь уроки из прошлого, использовать бесценный опыт предыдущих поколений, оценить стоимость победы в человеческих жизнях и на наглядных примерах увидеть, к чему могут привести неправильные взгляды и к каким результатам приведут правильные решения, – истинные уроки ученичества.

Итак, первое имя в ряду создателей университета – это имя Флегонта Яковлевича Показаньева – историка, краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР, почетного гражданина Сургута. В 1963 году Флегонт Яковлевич создал историко-краеведческий музей на общественных началах (в настоящее время Сургутский краеведческий музей). Кажется, Флегонт Яковлевич не имел отношения к созданию СурГУ, однако в архивах Флегонта Яковлевича Показаньева есть и такая запись: «Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Леонид Иванович Лаврентьев категорически возражал против развития высшей школы в Сибири» [6, с. 1].

Западно-Сибирский учебный округ учрежден 1 июля 1885 года путем деления Сибирского учебного округа:

- Западно-Сибирский (Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области);
- Восточно-Сибирский (Иркутская, Енисейская губернии, Якутская область).

С 1885 по 1917 год у Западно-Сибирского учебного округа было 5 Попечителей: В. М. Флоринский, А. И. Судаков, Л. И. Лаврентьев, А. Ф. Гофтман и Н. И. Тихомиров.

На ходатайстве о расширении Томского университета (открыт 22 июля 1888 года) и открытии новых факультетов в его составе Леонид Иванович Лаврентьев написал: «Высшие учебные заведения Сибири совершенно не нужны. Открытие университета и технологического института было ошибкой, но раз они открыты с разрешения правительства и императора, то приходится заботиться о их существовании» [6, с. 1].

На доводы об открытии факультетов он ответил: «Может быть, жители Сургута пожелают иметь университет. Так что же? Нужно открывать университет и в этом месте?» [6, с. 1]. Вот так можно ошибиться в прогнозах будущего.

Обратимся к событиям уже XX века. В 80-е годы председателем Сургутского горисполкома был Олег Данилович Марчук, первым секретарем горкома КПСС – Николай Григорьевич Аникин, первым заместителем председателя горисполкома – Леонид Юлианович Рокецкий. Назову еще одно имя, которое более знакомо преподавателям и студентам СурГУ – это Александр Леонидович Сидоров. А. Л. Сидоров в 1974 году начинал свою трудовую деятельность мастером строительного управления № 9 треста

«Сургутгазстрой», затем работал прорабом, начальником участка, главным инженером этого же треста. В 1990 году уже председатель Сургутского горисполкома, а с 1991 года по 2010 год – Глава города. Целых 30 лет Александр Леонидович участвовал в развитии города, в том числе 20 лет персонально нес ответственность за его судьбу.

А. Л. Сидоров так высказался о периоде становления высшего образования в Сургуте: «В это время (80-е годы XX века) город требовал огромного притока молодых грамотных специалистов в нефтяную и газовые отрасли, в строительство и энергетику. Естественно, задачи наполнения кадрами быстро растущих северных городов как-то решались. Бурно развивалась высшая школа в Тюмени (индустриальный институт, строительный). В Сургуте эти годы отмечены строительством и открытием нефтяного техникума, строительством и открытием ряда ПТУ. Но уже витала в воздухе идея, что этого городу мало.

И вот в начале 80-х годов (1981–1982 гг.) самое мощное наше предприятие «Сургутнефтегаз» приступает к проектированию нефтяного института в городе.

Мог появиться институт в городе одного ведомства, как появились ведомственные детские сады, ведомственные дома культуры, спорта» (из воспоминаний Александра Леонидовича Сидорова).

Стало очевидно, что высшая школа – это не очередной детский сад и даже не дворец спорта. Это гораздо сложнее, фундаментальнее и ответственнее. Далее в воспоминаниях мы узнаем, что власти не могли договориться о направлении высшего образования: это будет политехнический институт или гуманитарный. Много сил и энергии уходило на то, чтобы этот объект попал в план строительства, а его финансирование было включено в план и согласовано на министерском уровне.

В 1985 году грянула перестройка со своими принципиальными изменениями, новыми трудностями в планировании, финансировании. Вопрос о строительстве и открытии в городе вуза был снят с обсуждения. Александр Леонидович так вспоминает это период: «На первый взгляд, мечта города иметь свой вуз медленно, но неуклонно умирает...» [6, с. 6].

С 1990 по 1993-й гг. Сургутский городской Совет народных депутатов возглавил Лошаков Анатолий Евгеньевич, до этого работавший главным инженером Сургутского предприятия электрических сетей РЭУ «Тюменьэнерго». Анатолий Евгеньевич признавался, что ему как руководителю представительной власти города «не доставало местного научного потенциала по отслеживанию и прогнозированию процессов, происходящих в нефтегазовом регионе» [6, с. 7]. В воспоминаниях Анатолия Евгеньевича отмечено, что действия руководства городского Совета и действия председателя горисполкома А. Л. Сидорова носили чисто практическую направленность: меры принимались оперативно, без потери времени, работали на опережение, не допускали остановки процесса.

Избранный в 1991 году и почти полностью обновленный депутатский корпус на качественно ином уровне вернулся к идее создания вуза в Сургуте. Этому способствовали и предыдущий опыт, и изменившиеся социально-экономические условия, и новые участники этого процесса. Среди архивных документов в городе имеется протокол собрания учредителей клуба «Университет» от 10.02.1991 года. Но уже в 1992 году клуб «Университет» практически прекратил свое существование из-за разногласий. В это время в Сургуте, как и в других регионах, стали создаваться локальные очаги высшего образования, т. е. филиалы. В Сургуте появились филиалы Тюменского индустриального, опорный пункт Уральского политехнического, Омского политехнического, Московского финансово-экономического институтов и др.

Решением исполкома г. Сургута от 24 мая 1991 г. № 419 создается Координационный центр по методологическому обеспечению создания системы образования с Университетским центром в г. Сургуте, где впервые была разработана

концепция «Университет XXI века». Продвигали идею открытия Университета в Сургуте ученые Москвы, Тюмени, а также администрация города Сургута (А. Е. Лошаков, А. Л. Сидоров, Г. Ф. Куцев, Г. Н. Чеботарев, В. И. Лютый, В. А. Никитин, А. П. Зинченко, Г. П. Щедровицкий, В. Н. Золотарев, В. Ш. Салахов, В. Г. Устич, В. Н. Чистов, Л. С. Чистова, А. А. Атанасов и др.). О каждом из них можно сказать как об исторических личностях, созидателях города Сургута и югорской земли в целом. В своем кодексе Сургутского территориального клуба «Регион», который определял идеи и понятия, цели и задачи, нормы и правила, только пассионарии, романтики и носители системно-деятельностной методологии могли написать: «Настоящий кодекс не имеет юридической силы для членов клуба и является документом честного слова» [6, с. 19].

Отдельно назовем имя известного советского философа Георгия Петровича Щедровицкого (1923–1994), который сыграл большую роль в формировании в обществе идеи об открытии не просто вуза, а университета. Георгий Петрович являлся автором теории и методики организационно-деятельных игр (ОДИ) как способе активизации творческого потенциала коллективного мышления. Он предлагал использовать их для решения самых разнообразных проблем, в т. ч. для разработки социально-культурных и экономических стратегий развития городов и регионов.

Демократический характер проведения игр, предполагающий участие не только узкого круга специалистов-экспертов и администраторов, но и также представителей самых разных социальных слоев населения, проявлявших живую заинтересованность в вопросах самоуправления и организации жизни городских сообществ; чувство сопричастности судьбе страны; уверенность в том, что личная инициатива жителей города, их настойчивость и целеустремленность могут изменить жизнь к лучшему – вот мотивация для активной гражданской позиции и воспитания патриотизма, которые развивал у молодежи и руководителей Георгий Петрович Щедровицкий.

Важным фактором в реализации идеи открытия университета стало проведение в г. Сургуте в декабре 1992 г. в рамках выполнения региональной научно-исследовательской программы «Кадры 2000» социологического исследования (анкетирование 250 учащихся выпускных классов и их родителей, экспертный опрос специалистов народного образования) сотрудниками Тюменского государственного университета (ТюмГУ) с целью изучения ценностных ориентаций и особенностей образовательного поведения различных групп населения города. Были выявлены серьезные проблемы для получения высшего образования выпускниками школ г. Сургута.

Г. Ф. Куцев, ректор ТюмГУ, академик Российской академии естественных наук, писал: «Опрос старшеклассников и их родителей показал, что стремление городских властей и населения города к созданию самостоятельного высшего учебного заведения не дань моде, а назревшая необходимость, которая в перспективе позволит развязать многие узлы в развитии города» [6, с. 56]. Конечно, речь шла о создании условий для того, чтобы молодежь как главный ресурс развития Сургута оставалась в родном городе.

Из воспоминаний В. Ш. Салахова, директора гимназии «Лаборатория Салахова» (1991–2016 гг.), депутата Думы ХМАО – Югры, Народного учителя РФ, Почетного гражданина г. Сургута и Югры: «Отдельные страницы совместной деятельности можно посвятить рассказу о формировании университетского образования в Сургуте. Кстати, сначала планировалось все же открыть педагогический институт. Обсуждался вопрос о филиале Омского технического университета с последующей реорганизацией в Сургутский университет. Но мы пришли к выводу – и это было необычное и сложное решение – открыть сразу университет в Сургуте» (аудиозапись интервью В. Ш. Салахова).

И вот 12 декабря 1992 г. был подписан протокол намерений о создании Сургутского университета. 10 февраля 1993 г. составлен договор между управлением народного образования г. Сургута и ТюмГУ на разработку пакета документов («Устав», «Учредительный договор», «Концепция становления и развития Сургутского

университета»). 14 апреля 1993 года Малый совет Сургутского городского совета народных депутатов XXI созыва принял историческое по своей значимости и перспективное решение «Об организации Сургутского университета», первый пункт которого гласил: «Считать целесообразным открытие Сургутского университета в 1993 году».

Г. Ф. Шафранов-Куцев в своей книге «Я сам торил свою тропу» размышлял: «Да, мы были не против открытия нашего филиала в этом городе, но потенциалу Сургута явно соответствовал статус самостоятельного университета. Наше предложение было принято. Я прекрасно понимал, что идею создания университета в Сургуте вряд ли одобряют федеральные власти. В той обстановке в стране было не до организации новых вузов. Значит, выход на правительство исключался – не поддержит. Прецедента – организации нового государственного вуза без решения правительства – в России еще не было. В результате головоломных споров родилась новая формула: вначале муниципальный университет с финансированием из городского бюджета, а затем государственный вуз субъекта Российской Федерации» [8, с. 313–314].

Совет назначает ректором-организатором Георгия Ивановича Назина, доктора физико-математических наук, профессора Тюменского государственного университета. Далее на реализацию этого решения заработала вся мощь города Сургута. В результате этой работы 1 сентября 1993 года 250 выпускников школ города Сургута, сдав экзамены на базе гимназии № 2, стали студентами Сургутского университета и начали свой первый семестр в средней школе № 32.

СурГУ возник в полном смысле слова как народный проект, отвечавший чаяниям городского сообщества в переломный момент истории страны, на пике общественно-политической активности широких слоев населения. Из воспоминаний Валентина Федоровича Солохина, генерального директора ОАО «Мостострой-11» (в 1993–2005 гг.), лауреата Государственной премии СССР (1983 г.) и премии Совета министров СССР (1973 г.), заслуженного строителя РФ (1994 г.), почетного гражданина Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: «С 1985 по 1990 годы я занимал очень ответственный пост члена ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профсоюзов), который с 1918 по 1990 годы осуществлял руководство деятельностью всех профсоюзных организаций в Советском Союзе. Это удостоверение открывало передо мной любые двери. И когда численность жителей Сургута достигла 200 000, власти начали обсуждать открытие собственного университета. Продвинуть этот вопрос попросили меня, я выехал в столицу и со всей серьезностью обивал всевозможные пороги, начиная с Министерства образования. Но там меня убеждали, как ребенка: “Валентин Федорович, нельзя же так – у вас даже начальной базы для этого нет...” В общем, ничего у меня тогда не вышло. Но всего через пару лет Сидоров открыл-таки в городе Сургутский государственный университет – совершил удивительный для города подвиг! Я, как никто, понимаю невероятность решения этого вопроса» (аудиозапись интервью В. Ф. Солохина).

Из воспоминаний Геннадия Филипповича Куцева, ректора Тюменского государственного университета (1981–1987 гг., 1992–2007 гг.), академика Российской академии естественных наук: «Решение о создании университета в Сургуте было встречено неоднозначно. Спектр мнений и оценок был самый широкий: от восторженных радостных высказываний о новом качестве старинного города, сдержанных оценок прагматиков, до полного и категоричного отрицания необходимости такого шага. Значительная часть такой критики была инициирована руководителями некоторых вузов, которые имели свои подразделения (филиалы) в Сургуте. Их устраивало положение, при котором они без особых забот получали солидные инвестиции вуза-метрополии...» [6, с. 11]. Далее он приходит к выводу: «Это, по сути, первый в России опыт формирования регионального университета на муниципальной основе» [6, с. 12].

Г. Ф. Куцев в воспоминаниях говорит о реализации идеи и задуманного проекта «Университет», который был осуществлен в беспрецедентно короткие сроки. «Возможно,

– вспоминает Геннадий Филиппович, – ни один университет в России не создавался с такой энергией и напором и с такой скоростью» [8, с. 314].

Итак, с 1993 года началось становление Сургутского государственного университета. Уязвимый для критики со всех сторон ректор Г. И. Назин должен был собрать коллектив квалифицированных преподавателей, накопить университетское книжное богатство, открыть факультеты, создать материально-техническую базу для научных лабораторий и многое другое – и все это с нуля и в короткие сроки.

В мае 1994 года Сургутский университет отметил первую годовщину с момента учреждения (учредительное собрание – 26.05.1993 г.). Созданы 3 факультета, обучаются 300 студентов. Из воспоминаний (1994 г.) первого ректора, Г. И. Назина: «...до сих пор не утихают дискуссии по поводу целесообразности его создания, еще существует многочисленная армия скептиков, объясняющая причины открытия университета чем угодно, только не объективными обстоятельствами».

Несколько слов о Г. И. Назине, бессменном ректоре СурГУ с 1993 по 2009 гг. Георгий Иванович включил в состав учредителей не только ТюмГУ, но и Екатеринбургский университет и Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. В первую очередь нужна была кадровая помощь, т. е. профессорско-преподавательская и профессиональная поддержка муниципального вуза.

Из воспоминаний Людмилы Александровны Назиной, первого секретаря Ученого совета: «Были серьезные возражения со стороны ряда чиновников государственного комитета по высшему образованию. “Муниципальный, – говорили они, – значит, негосударственный. А негосударственный – значит, частный. Ну а если вуз частный, какие могут быть стипендии?” Отстаивали и учредителей, и стипендии студентам. У Георгия Ивановича было одно свойство, данное ему от природы. Внешне он мало к себе людей располагал, но когда начинал говорить, то почти всегда завоевывал собеседника, перетягивал его всецело на свою сторону» [6].

Георгий Иванович плодотворно работал, много читал научную, учебную, общественно-политическую литературу и поэзию, часто встречался с руководителями города и округа, приглашал из разных университетов России ученых, много выступал по радио, телевидению, на различных научных и педагогических конференциях и заботился о своих сотрудниках и студентах с социально-бытовой точки зрения. Жители г. Сургута, и все, кто его знал и трудился вместе с ним, с благодарностью отзываются о его деятельности.

Это большое историческое свершение в г. Сургуте не было следствием деятельности только одного лица, хотя можно выделить при этом чей-то исключительный индивидуальный вклад. Александр Леонидович Сидоров резюмировал: «Нет того человека, чьим именем впоследствии мог бы быть назван университет<...>, поскольку все происходило в определенных временных рамках. Многие события имеют даты, которые закреплены документально. У истоков всех дел и событий стояли люди» [6, с. 4].

Как появляется возможность добиться исторических свершений? В чем секрет уверенности этих людей в своей правоте? Смею предположить, что их уверенность имела логичный, полезный, действенный, нужный людям посыл, который может принести пользу всем последующим поколениям. Влияние этих людей на будущие поколения и будущие события заслуживает огромной благодарности. Можно констатировать, что увлекательная история рождения проекта «Университет» и героическая эпоха его создания и становления далеко позади. Сургутский государственный университет за 24 года прошел бурный путь развития. Съехавшиеся в период организации университета из многих республик и регионов бывшего СССР ученые заложили свои научные школы, воспитали достойных учеников, сформировали костяк профессорско-преподавательских кадров, которые и сегодня продолжают успешно работать на кафедрах и в институтах.

Сейчас в СурГУ обучаются более 7 тысяч студентов, более 400 аспирантов. Научный потенциал СурГУ – это 452 штатных сотрудника профессорско-преподавательского состава и научных работников и 204 внешних совместителя. Образовательную деятельность осуществляют 99 докторов и 335 кандидатов наук. В структуре университета 6 профильных институтов, 51 кафедра, 6 научных лабораторий, 5 научных центров, научно-исследовательский институт экологии Севера. Университетом получена лицензия на право оказывать образовательные услуги по реализации 189 образовательных программ высшего образования.

За 24 года СурГУ стал крупнейшим центром социально-культурной жизни города Сургута, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В университете действует свой театр, музей, множество творческих коллективов. Университетская библиотека, расположенная в шестиэтажном атриуме главного корпуса и оборудованная всем новейшим информационным и множительным оборудованием, – одно из архитектурных и культурных чудес города. За 24 года СурГУ превратился в мощный центр подготовки спортсменов российского и международного класса, олимпийских чемпионов. Студенческие творческие коллективы ежегодно побеждают на региональных и общероссийских конкурсах. Развиваются научные школы, малые инновационные предприятия, общественно-государственные органы, органы самоуправления: Попечительский совет, совет молодых ученых, студенческий совет и др.

Попечительский совет, предусмотренный Уставом университета в соответствии с законодательством Российской Федерации, сформирован в 2012 году. Данный коллегиальный орган управления осуществляет свою деятельность на принципах законности, демократии, автономии, информационной открытости, учёта общественного мнения, решает вопросы государственно-общественного характера. Количественный и качественный состав членов Попечительского совета подчинен единой цели университета: повышению его конкурентоспособности в решении социально-экономических задач ХМАО – Югры, развитию человеческого потенциала и улучшению качества жизни населения Севера России. Возглавляет Попечительский совет Александр Леонидович Сидоров, почётный гражданин города Сургута. Благодарные земляки, жители Сургута и Югры в сентябре 2016 года избрали А. Л. Сидорова депутатом в Государственную Думу РФ.

Активное взаимодействие членов Попечительского совета с представителями науки, власти, производства позволяет решать достаточно сложные проблемы системы высшего образования: сближение университета и работодателей, расширение партнёрства по взаимодействию в разных сферах, организационная и финансовая поддержка в развитии учебно-лабораторной базы университета, базовых кафедр, содействие в проведении студенческих мероприятий, влияющих на качество образовательного процесса. Экскурсии на производство, научно-практические конференции, трудоустройство выпускников, участие в государственных экзаменационных комиссиях, в обсуждении содержания образовательных программ высшего образования и рабочих программ дисциплин, предоставление своих производственно-учебных баз для проведения учебных занятий, производственных практик – знаковые формы участия попечителей в жизнедеятельности университета.

Попечительский совет СурГУ, как независимый эксперт эффективности реализации образовательной политики университета, способствует созданию условий воплощения в жизнь его замыслов, стратегии его развития.

Признание и доверие общества и государства Сургутскому государственному университету закреплено официальным документом – свидетельством Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 05.02.2016 г. за № 1655 о государственной аккредитации образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам высшего образования.

Всё рассказанное о СурГУ свидетельствует о том, что идея университета в значительной мере реализована. К своему очередному дню рождения университет превратился в узнаваемый символ города Сургута, центр его научно-образовательной, социально-культурной и политической жизни.

Однако первый вуз Югры уже далеко не единственный, причем не только в округе, но и в городе. И теперь ему придется отстаивать свое первенство в конкурентной борьбе с другими вузами на фоне разворачивающейся полномасштабной реформы высшего профессионального образования, нацеленной на его модернизацию и включение в мировую систему высшего образования и науки. И СурГУ как единый коллектив со своим корпоративным духом и сложившимися традициями встал перед необходимостью искать ответ на вызовы времени. Именно эта первостепенная задача была сформулирована вторым ректором СурГУ – доктором педагогических наук, профессором Сергеем Михайловичем Косенком – перед Ученым советом и коллективом университета: «Современные условия развития экономики требуют установления прочных связей между наукой, образованием и производством, поэтому вуз должен обеспечить свой регион научными и производственными кадрами. Такая кооперация должна основываться на стратегии развития, предполагающей постоянное совершенствование вузовского сектора науки; строгом выполнении всех положений тех соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве, которые заключены с предприятиями; постоянном изучении потребностей региона в кадрах. При этом необходимо учитывать данные социологических исследований, например, оценку ресурсов общеобразовательных учреждений в подготовке абитуриентов, анализ потребностей молодежи» [3, с. 24–28]. Обозначенные ректором стратегические ориентиры легли в основу программы развития университета на 2016–2020 гг. и на период до 2025 г.

Молодые ученые и практики приняли эстафету от старшего поколения и развивают СурГУ на новом, качественном уровне. Вера в новые знания, молодую энергию, любовь к своему городу и Отечеству, а также ответственность за участие в формировании в регионе новой модели экономики, основанной на технологических инновациях, развитии человеческого капитала, сохранении экологии региона, стратегическая цель которой – повышение качества жизни населения Югры, – весомые духовные стимулы развития вуза.

Творческий коллектив преподавателей и студентов Сургутского государственного университета уверенно реализуют образовательную федеральную и региональную политику. Свидетельством тому – новые стратегические документы, долгосрочные договоры с предприятиями региона, проекты строительства «Кампуса», увеличение количества студентов, развитие научной деятельности университета и др.

Целесообразность создания университета в г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры подтверждена его востребованностью властью, населением, хозяйствующими субъектами региона, самой историей развития г. Сургута и региона.

Как нельзя лучше дал оценку времени и своему поколению участник судьбоносных событий в истории строительства России Геннадий Шафранов-Куцев в книге «Я сам торил свою тропу»: «Наше поколение не шло по жизни, а бежало, в буквальном смысле этого слова, захлеб отдавая себя целиком, без остатка, делу, работе. “Жила бы страна родная, и нету других забот”, – оптимистичный гимн нашей молодежи, да, наверное, и зрелости» [8, с. 365].

Литература

1. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994 г. 336 с.
2. История града Сургутского 1594–2016 гг. Памятные места Сургута, 2016.
3. Косенок С. М. Инновационное развитие Сургутского государственного университета: будущее за системой «наука-образование-производство» // Высшее образование сегодня. № 3. 2015. С. 24–28.

4. Программа развития БУ ВО «Сургутский государственный университет» на 2016-2020 гг. и на период до 2025 г. URL: <file:///C:/Documents%20and%20Settings/Khavn.adm/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/55310-binder1.pdf> (дата обращения: 15.02. 2017 г.).

5. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г. URL: <http://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-okruga/297873/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-do-2020-g> (дата обращения 06.02.2017 г.)

6. Сургутский университет : Очерки истории становления. Год первый : сборник / под ред. С. Кожевниковой. Сургут : Северо-Сибирское книжное издательство, 1994.

7. «Тропа жизни» учителя Знаменского / ред.-сост. В. К. Белобородов. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. 336 с.

8. Шафранов-Куцев Г. Ф. Я сам торил свою тропу : книга воспоминаний. 2-е изд. М. : Детство. Отрочество. Юность, 2008. 368 с.

УДК 378(571.122)

Прищена А. И.
Prishchena A. I.

**Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ, Г. И. НАЗИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В СУРГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**G. P. SHCHEDROVITSKY, G. I. NAZIN AND HISTORICAL SCHOOL
OF THE SURGUT STATE UNIVERSITY**

В статье исследуется процесс формирования научной исторической школы в Сургутском государственном университете. Подчеркивается концептуальная обоснованность широкого представительства в университете социальных дисциплин. Отмечаются специфические особенности формирования университетских исторических кафедр. Подробно анализируется исследовательская работа аспирантов и преподавателей. Характеризуется вклад каждого из них в отечественную историческую науку.

The article examines the process of formation of the scientific historical school in the Surgut State University. The conceptual validity of the wide range of social sciences at the University is emphasized. Specific features of the formation of the University history departments are noted. The research work of postgraduates and lecturers is closely analyzed. The contribution of each of those to the national historical science is characterized.

Ключевые слова: историческая школа СурГУ, исторический факультет СурГУ, Г.П. Щедровицкий, гуманитаризация высшего образования, проблемы изучения истории Западной Сибири.

Keywords: historical school of SurGU, Department of History of SurGU, G. P. Shchedrovitsky, humanitarization of higher education, historical studies problems of Western Siberia.

В преддверии двадцатипятилетнего юбилея Сургутского государственного университета хочется вспомнить, как проходил процесс становления научной школы исторического факультета. Как известно, утверждению идеи открытия университета как «культурного гнезда», объединяющего сообщество горожан в качественно иную модель городской жизни, как центра образовательной и культурной политики города и символа перемен в сознании интеллигенции Сургута способствовал яркий философ Геннадий Петрович Щедровицкий. Именно он в предельно концентрированной форме сформулировал мысль о создании в Сургуте университета в ходе проведения по приглашению администрации Сургута организационно-деятельностных игр в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (ОДИ).

Концепция создания университета в Сургуте Г. П. Щедровицкого основывалась на идее противопоставления технократическому развитию города, «запитанного на нефтяную трубу», новой модели городской среды обитания, где университет является центром систем образования и культуры, анализа и проектирования всех процессов социального развития региона. «Когда зарождалась идея создания университета, – вспоминали его ученики, – мы обсуждали жизнь нефтекомплекса, отсюда вытекала мысль о том, что эффективно развивать нефтекомплекс можно при условии создания противовеса с широким спектром гуманитарных наук как основы формирования общекультурно пространства» [20, с. 14].

24 мая 1991 г. Исполнительный комитет сургутского Совета народных депутатов принял решение «Об учреждении координационного центра по методологическому

обеспечению системы университетского образования в г. Сургуте» во главе с Г. П. Щедровицким. Координационный центр по методологическому обеспечению системы университетского образования в г. Сургуте («КЦ») создавался как структурное подразделение Сургутского городского управления народного образования (ГУНО) и включил в себя семь научных лабораторий, размещенных в Москве, Киеве, Самаре, Набережных Челнах, Тольятти, Одессе, Челябинске, Обнинске и Ульяновске, призванных обеспечить разработку методологического обеспечения создания системы образования с университетским центром в г. Сургуте.

Научные направления лабораторий, таких как «Разработка знаний, обеспечивающих образование, системомыслительная эпистемология», «Разработка принципов системомыслительной педагогики», «Разработка философско-методологических проблем инженерной мыследеятельности», «Программирование развития регионального образования», свидетельствуют об их серьезных философских основаниях, базирующихся на комплексе гуманитарных и социальных знаний [2, л. 13]. Приоритетным путём их развития стала перспектива становления в Сургутском университете гуманитарных факультетов.

Однако этой программе не суждено было сбыться, вероятно, в связи с болезнью и смертью Г. П. Щедровицкого в 1994 году. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что к 1993 г. окончательно рухнула советская школа социальных и гуманитарных наук. В начале 1990-х гг. повсеместно наблюдался интенсивный отток из вузов высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров, усилилось позитивистское отношение в академической среде к истории и философии, отказывавшей им в праве быть науками. Очень агрессивно и неуважительно высказывались обыватели об истории России, как «писаной», так и «неписаной». Поэтому свой официальный статус исторический факультет приобрел только в 2002 г.

Важно при этом подчеркнуть, что, будучи всецело преданным еще в юности математике и физике, основатель и первый ректор Сургутского государственного университета Г. И. Назин в условиях беспредела в отношении истории и других социальных наук во второй половине 1990-х гг. оказывал повсеместную поддержку развитию гуманитарного направления в университете. В знаковой статье «Гуманитаризация высшего образования» он так писал о его роли в устаревшей системе высшего вузовского профессионального образования: «Нам представляется, во многом идея гуманитаризации высшего образования есть определенная форма отрицания существующей системы образования... Задача гуманитарного образования – развить способность к мышлению, укрепить этические начала, обогатить духовную сферу личности. Решающее качество образованной личности – способность к мышлению. Эта способность проявляется степенью использования личного опыта в процессе мышления и только так может быть сформирована. Развитию мышления в первую очередь должен служить гуманитарный цикл образования студента в вузе» [12].

Общеизвестно, что формирование первых факультетов университета начиналось с нуля, они создавались либо непосредственно крупными специалистами в своих научных областях, либо приглашенными совместителями, компетентными в создании вузовских структур.

На историческом факультете ситуация складывалась иначе. Когда я, будучи доцентом, кандидатом исторических наук, приехал в Сургут в 1995 г., остепененных историков в университете не было. В 1996 г. вторым кандидатом исторических наук в нем на созданной мною кафедре истории России стала О. А. Задорожня.

Затем совместно с приглашенными докторами исторических наук В.А. Теном и В. П. Логвиным нами были сформированы кафедра всеобщей истории и археологии и средних веков. На кафедрах были созданы научные лаборатории археологии и иммиграционных процессов.

Исторический факультет официально «вошел в строй» в 2002 г., хотя студентов по специальности «История» мы начали готовить ещё в 1996/1997 учебном году на базе открытого ранее совместно с лингвистами гуманитарного факультета. О созданном научном потенциале историков СурГУ свидетельствует вышедший в 2002 г. первый сборник научных трудов молодых преподавателей и будущих выпускников факультета, о котором мы вспоминаем с особой нежностью, – «Очерки истории Сургута», потому что в нем впервые на академическом уровне были заложены «эмбрионы» плодотворных тем сегодняшних авторитетных историков СурГУ [14].

Дальнейшее нарастание научного потенциала исторического факультета базировалось на основополагающей идее Г. И. Назина создания в Сургуте многоотраслевого вуза, комплексно обслуживающего северный регион, – идее «сервисного университета» [14]. Для историков она означала необходимость концентрации проблематики научных исследований на прошлом севера Западной Сибири. Удивительным образом такая установка совпала с основным направлением реформирования методологии нашей науки, связанной с кризисом «постмодернизма», т.е. методологии глобальной истории и ориентацией ее на социоантропологическую, локальную историю.

Тематика первых диссертационных исследований А. В. Судакова, Д. В. Кирилюка, Д. В. Сердюкова, М. И. Ташлыковой, М. А. Авимской, Е. С. Харловой, Л. С. Харловой, Н. А. Хариной, Ж. В. Король, А. С. Иванова, И. Н. Стася, П. Белоуса, Е. В. Лешуковой, А. А. Исмагилова и ряда других молодых ученых отражала актуальность и практическую значимость таких проблем для Ханты-Мансийского округа, как судьба традиционных отраслей севера Западной Сибири в условиях создания нефтегазового комплекса, в частности лесной промышленности [23]; формирование общеобразовательного пространства с упором на историю общеобразовательной школы здесь в этот период [8]; создание транспортной инфраструктуры на севере Западной Сибири в 1960-1980-е гг., включающей железнодорожный [1], авиационный [4] и речной транспорт [26]; культурное строительство, отражающее введение в строй в условиях недостаточного финансирования социально-культурных объектов, и развитие творческих самостоятельных коллективов [24], музеев [27], насильственное переселение в Сибирь «репрессированных народов» [5], нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в процессе перестройки на материалах ХМАО – Югры [19], его урбанизацию в ходе промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции [20].

Выражая понимание всей условности разграничения истории на «локальную» и «глобальную», различие между которыми видится в масштабе территориального, хронологического и проблемного охвата исследуемых событий, возьму на себя смелость утверждать, что, согласно моим представлениям об этом, вне поля зрения сургутских историков не оставалась и проблематика «глобальной истории России». Можно сказать, что во многих отношениях пионерной в постановке и исследовании научных задач изучения деятельности Тобольского Архиерейского дома в XVII–XVIII вв., одного из наиболее значимых в то время в России, стала работа Н. А. Хариной [25]. С ней по уровню теоретического и методологического исполнения может соперничать другая кандидатская диссертация православной направленности – работа П. В. Белоуса, попытавшегося раскрыть деятельность Тобольской епархии Русской православной церкви в годы 1 мировой войны (1914–1918 гг.) [3]. Можно с уверенностью утверждать о высокой научной состоятельности кандидатской диссертации Ж. В. Король, посвященной благоустройству российских городов в XIX веке [9]. Без преувеличения можно говорить о весьма полезном вкладе в историческую науку Е. А. Максимова, изучившего историю русско-турецких отношений в первой половине XIX века [11]. В преодолении идеологизированного подхода в исторической науке свой заметный вклад внесла Е. А. Лешукова, проявившая незаурядную научную смелость, обратившись к самой

политизированной теме советской истории – проблеме террора в годы Гражданской войны в Сибири [10]. Характерно при этом, что две последние названные работы выполнены в историографическом ключе.

Такому массовому освоению проблемного поля истории Западной Сибири в решающей мере способствовало открытие в 2002 г. аспирантуры по двум специальностям «Отечественная история» и «Источниковедение, историография и методология», а в 2006–2008 гг. работа соответствующего Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В годы работы Совета были неоднократные случаи защиты в один год нескольких диссертаций наших аспирантов. К 2017 г. на историческом факультете, а впоследствии в Институте гуманитарных наук, физической культуры и спорта усилиями научных руководителей профессоров А. И. Прищепы, Я. Г. Солодкина и В. Н. Тена была осуществлена защита более двадцати диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Издание пяти монографий А. И. Прищепы [15] и защита докторской диссертации с изданием соответствующей монографии В. П. Пузанова [16], публикация коллективной монографии под научным руководством профессора В. А. Тена [28], монографий О. А. Задорожной [7] И. Н. Стася [21] и А. С. Иванова [6] были осуществлены в этом же контексте эффективной работы научной исторической школы. Ежегодно ученые-историки СурГУ публиковали в среднем около 40 научных статей и тезисов выступлений и принимали участие в работе примерно 20 научных конференций регионального и международного уровня.

Традиционно с 2002 года историками СурГУ ежегодно издается региональный сборник научных статей с участием ведущих и начинающих исследователей Сибири «Актуальные проблемы истории Западной Сибири», по этой тематике каждый год проводится Всероссийская научная конференция. С 2007 года материалы докладов и выступлений ее участников посвящаются памяти известного сургутского краеведа И. П. Захарова, и она именуется в его честь: «Захаровские исторические чтения».

Заметными событиями последних двух лет стали проведенные на базе Сургутского государственного университета две представительные Всероссийские конференции, посвященные истории создания нефтегазового комплекса на севере Западной Сибири [17], а также формированию и развитию на территории ХМАО – Югры строительной индустрии [18]. Среди организаторов и авторов этих научных форумов мы видим имена нового поколения рожденных университетом молодых историков: Д. В. Кирилюка, И. Н. Стася, А. С. Иванова. Это вселяет уверенность в перспективность дальнейшего теоретического и методологического развития официально признанной исторической школы Сургутского государственного университета «Экономические и социокультурные процессы в ХМАО – Югре во второй половине XX – начале XXI вв.».

Литература

1. Авимская М. А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 236 с.
2. Архивный отдел администрации города Сургута // АОАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 13.
3. Белоус П. В. Тобольская епархия русской православной церкви в годы первой мировой войны (1914–1918) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 35 с.
4. Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 247 с.
5. Иванов А. С. Депортированные калмыки на территории Омской и Тюменской областей: 1943–1959 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 269 с.

6. Иванов А. С. Изъяты как антисоветский элемент: калмыки в государственной политике (1943–1959). М. : б. и., 2014. 293 с.
7. Задорожня О. А. Речные компании Западной Сибири (1860-1917 гг.). Сургут : Изд. центр СурГУ, 2012. 253 с.
8. Кирилюк Д. В. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х – середина 1980-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 209 с.
9. Король Ж. В. Деятельность институтов местного управления по благоустройству городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 27 с.
10. Лешукова Е. В. Отражение террора Гражданской войны на территории Западной Сибири в научной и общественно-политической литературе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
11. Максимов Е. А. Дореволюционная историческая и общественно-политическая мысль о дипломатии России на Ближнем Востоке в начале 30-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 26 с.
12. Назин Г. И. Гуманитаризация высшего образования // Югра. Сургут. Сургут : СурГУ, 2005. С. 71-73.
13. Назин Г. И. Сервисный университет // Югра. Сургут. Сургут : СурГУ, 2005. С. 352-355.
14. Очерки истории Сургута / под ред. А. И. Прищепы. Сургут : Диорит, 2002. 248 с.
15. Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале (сер.1940-х - сер.1980-х гг.). Сургут : Изд. центр СурГУ, 1998. 260 с.
16. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (к. XVI – нач. XVII вв.). СПб. : Алетейя, 2010. 432 с.
17. Российская нефть: история и современность : материалы Всерос. науч. конф. (Сургут, 27 ноября 2015 г.). Курган : Курганский Дом печати, 2016. 624 с.
18. Сибирские строители: события и судьбы : сборник статей : материалы Всерос. науч. конф. 25-26 ноября 2016 г. Сургут, 2016.
19. Сердюков Д. В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985-1991 гг.: региональный аспект (на материалах ХМАО – Югры) : автореф. ... дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 23 с.
20. Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 29 с.
21. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
22. Стенограмма ОДИ-84, 1991, 12 января // Сургутский государственный университет. Двадцать лет развития: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Сократ, 2013. С. 14.
23. Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х-сер.1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 33 с.
24. Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965-1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 23 с.
25. Харина Н. А. Тобольский Архиерейский дом в XVII – 60-е гг. XVIII в. : автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 25 с.
26. Харлова Е. В. Речной транспорт Западной Сибири в 1921-1941 гг. : автореф. дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2012. 25 с.

27. Харлова Л. В. Развитие музейного дела в Ханты-Мансийском автономном округе. 1960-х – нач. 1990-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012. 28 с.

28. Эволюция этнокультурного облика Югры в к. XX – нач. XXI вв. : коллективная монография / под ред. В. А. Тена. Сургут : СурГУ, 2007. 248 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.98=057.875

Плеханова Н. П.
Plekhanova N. P.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ О СВОЕЙ КАРЬЕРЕ

REFLECTIONS OF GRADUATES OF PSYCHOLOGICAL BRANCHES OF STUDY ABOUT THEIR CAREER

В статье рассматривается проблема подготовки студентов высших учебных заведений к продуктивной реализации в профессиональной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования представлений выпускников психологических направлений Сургутского государственного университета о своей карьере.

The article presents the problem of preparation of students of higher educational institutions to the productive realization in professional activity. The results of an empirical study of reflections of graduates of the psychological branches of study of the Surgut state University about their career are shown.

Ключевые слова: профессиональное становление, карьерное развитие, карьерные ориентации, представления студентов о своей карьере.

Keywords: professional development, career development, career orientation, reflections of students about their career.

Продуктивное профессиональное становление как одна из значимых жизненных задач личности определяется целым рядом факторов. Это учет индивидуальных особенностей и способностей, требований рынка труда при выборе профессии, уровень профессиональных знаний и умений, полученных в процессе обучения, успешная адаптация в профессиональном коллективе и др. В процессе профессионального обучения, наряду с формированием профессиональных компетенций, определяющим продуктивность профессиональной самореализации становится готовность выпускника сознательно определять карьерные цели, грамотно планировать и реализовать свое карьерное развитие. Современные психологи рассматривают карьеру как процесс реализации человеком себя, своих возможностей в условиях профессиональной деятельности, достижения личностного «акме» [3], а представления о профессиональной карьере как систему, объединяющую профессиональные представления, представления о себе как субъекте профессиональной деятельности и о собственной профессиональной деятельности [4].

Результаты исследований [1; 2; 6] свидетельствуют о том, что у большинства студентов представления о карьере, о себе как субъекте профессиональной деятельности и о собственном профессиональном будущем являются размытыми, нечеткими, недостаточно структурированными. При этом их мотивация направлена на карьерный рост, деньги, желание занимать руководящую должность и самореализацию. Студенты больше ценят возможность творческого самовыражения и планируют искать работу, позволяющую реализовать творческий потенциал. Для выпускников важным является наличие перспектив карьерного роста, даже в ущерб стабильности условий

профессиональной деятельности [6]. Студенты-психологи, в отличие от других, планируют свою карьеру, учитывая профессиональную и личную сферы жизни, выстраивают стратегию и тактику карьерного развития, их образ будущего более дифференцирован, а карьерные цели направлены на овладение навыками профессионального мастерства, они ориентированы на мотив помощи другим людям [2].

Структурированные представления студентов о своей карьере как результат обобщения опыта профессионального становления человека является средством для преодоления возникающих трудностей в процессе управления своим профессиональным будущим, выбором места работы, определения стратегии и тактики карьерного развития.

Проведенное мы эмпирическое исследование было направлено на изучение характера представлений выпускников психологических направлений СурГУ о своей карьере. Исследование проводилось в феврале – марте 2017 года на базе Сургутского государственного университета совместно со студенткой 5 курса направления «Психология служебной деятельности» Р.Р. Багишевой. В исследовании приняли участие две группы студентов 5 курса: ЭГ-1 – студенты направления «Клиническая психология» (10 чел.) и ЭГ-2 – студенты направления «Психология служебной деятельности» (10 чел.). На основе проведенного теоретического исследования мы выделили следующие параметры анализа представлений выпускников о своей карьере: 1) представления о профессии и личности профессионала; 2) представления о себе как субъекте профессиональной деятельности и о своем профессиональном будущем.

Для изучения представлений выпускников о своей карьере мы использовали модифицированную версию методики диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» Э. Шейна; опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98» (далее ССП-98) В. И. Моросановой и Е. М. Коноз и методику контент-анализа сочинений на тему: «Моя жизнь через 10 лет». Студентам предлагалось описать свою профессиональную жизнь через 10 лет, представления о себе в профессии, основные этапы профессионального продвижения, достижения и т. п. На первом этапе исследования изучили особенности представлений выпускников о себе как субъекте профессиональной деятельности и о собственной профессиональной деятельности. Анализ результатов проводился по каждому студенту индивидуально, затем подсчитывалось среднее значение по каждой карьерной ориентации в группе в целом. Иерархия карьерных ориентаций выпускников двух групп представлена на рисунке 1.

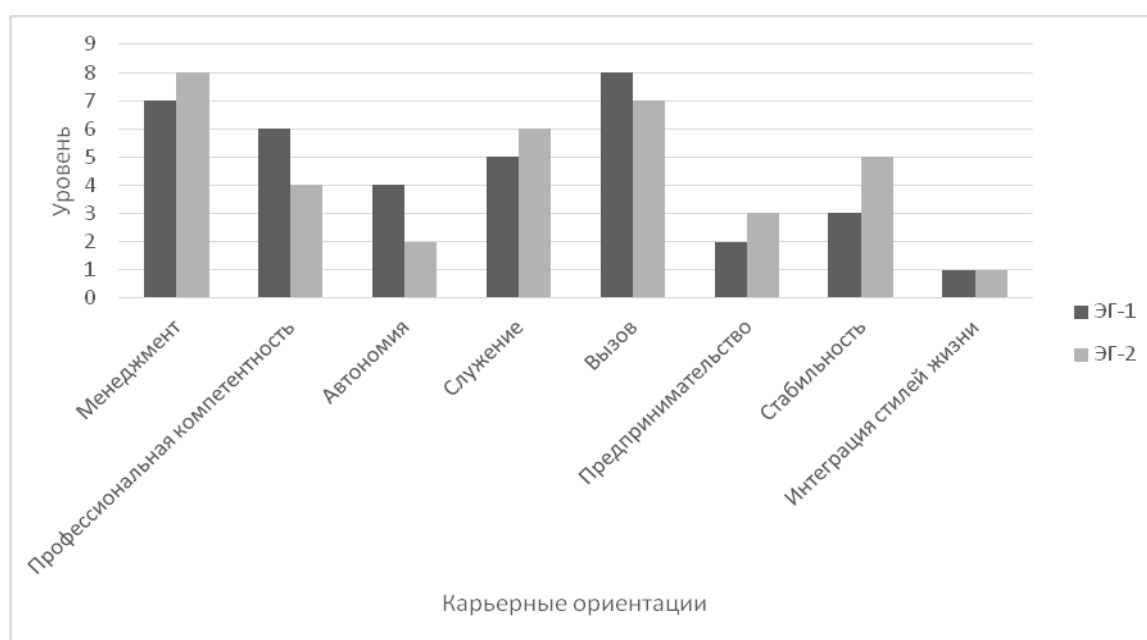

Рис. 1. Иерархия карьерных ориентаций студентов ЭГ-1 и ЭГ-2

Ведущими карьерными ориентациями студентов ЭГ-1 являются такие «якоря карьеры», как *интеграция стиля жизни, предпринимательство и стабильность*. Большинство выпускников стремятся к гармоничному сочетанию различных сфер жизни: продуктивное соединение семьи и работы, общения с друзьями, творчества, хобби и т. д. Несмотря на стремление студентов гармонизировать свою жизнь, у 40% наблюдаются противоречивые карьерные ориентации. Так, студенты хотели бы иметь стабильную работу, но при этом в качестве сферы деятельности выбирают предпринимательство, считая, что создание собственного дела позволит им в полной мере раскрыть личностные особенности и реализовать потребности. Они ориентируются на стабильность в жизни (место работы и жительства), для них важны уверенность в будущем, которая может быть достигнута за счет последовательного развития карьеры, профессиональных умений и навыков при стремлении быть надежным сотрудником компании.

Обобщая результаты ЭГ-2, мы выявили, что ведущими якорями являются *интеграция стиля жизни, автономия и предпринимательство*. Это свидетельствует о том, что студенты заинтересованы создать собственное дело, при этом они настроены на гармоничное сочетание различных аспектов жизни, а карьера как таковая для них не является главной ценностью. Выпускники также стремятся к реализации себя в профессиональной деятельности, которая позволит выбирать оптимальные сроки, формы и средства достижения карьерных целей. Так же, как и у студентов ЭГ-1, наблюдаются противоречие в карьерных ориентациях: при стремлении к автономии и независимости они ориентированы на сохранение стабильности места работы и жительства. Для них принципиально важны уверенность в будущем, постепенное и последовательное развитие профессиональных умений и навыков при стремлении быть надежным сотрудником компании и верным партнером. Сочетание таких карьерных ценностей, как предпринимательская креативность и автономия демонстрирует стремление выпускников создать свой проект, компанию, опираясь на собственные силы и ресурсы, проявляя максимальную самостоятельность и независимость. Студенты этой группы ориентируются на достижение высокого профессионализма в выбранной сфере деятельности (достижение уровня мастерства), хотя бы и носителям исключительных профессиональных знаний и навыков.

Обобщая результаты по группам, мы сравнили среднее значение показателей групп при помощи математической обработки (t-критерия парных выборок) и выявили, что распределение карьерных ориентаций студентов ЭГ-1 не имеет значимого различия с карьерными ориентациями испытуемых ЭГ-2.

На втором этапе мы проанализировали результаты методики «Стиль саморегуляции поведения» с целью выявить представления о себе как субъекте профессиональной деятельности.

Анализируя общий показатель уровня саморегуляции студентов ЭГ-1 (рис. 2), мы выявили, что у 60% испытуемых высокий уровень саморегуляции, у остальных – средний. У 70% студентов навыки планирования находятся на высоком уровне, что свидетельствует о сформированности умения постановки целей, у остальных – среднем. При этом показатели шкалы «моделирование» (60% – средний уровень, 10% – низкий, 30% – высокий) указывают на неготовность студентов в полной мере сознательно выбирать средства достижения целей и определять критерии их достижения. У 80% студентов мы наблюдаем средний уровень программирования своего будущего, у оставшихся 20% – высокий и низкий, что говорит о неготовности выстраивать тактику карьерного развития.

Общий уровень саморегуляции студентов ЭГ-2 (рис. 3) схож с показателем ЭГ-1: у 60% – высокий, 30% – средний. У 70% испытуемых функция планирования находится на высоком уровне, т. е. у них сформированы навыки постановки целей и потребность планировать деятельность. Высокие результаты по шкалы «моделирование» (по 50% – высокие и средние) свидетельствуют о стремлении выделять значимые условия

достижения целей в различных аспектах жизни. Таким образом, у студентов сформированы готовность сознательно планировать свое будущее, гибкость постановки и достижения целей, они владеют определенными способами достижения жизненных и профессиональных целей, но средств делать это эффективно пока недостаточно.

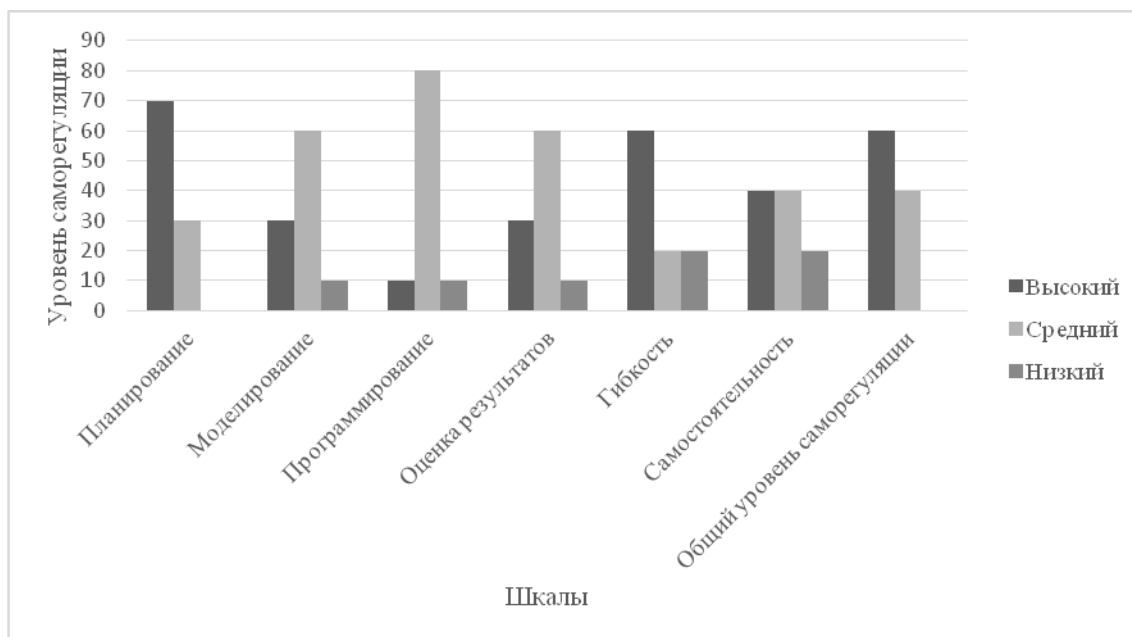

Рис. 2. Уровень саморегуляции студентов группы ЭГ-1

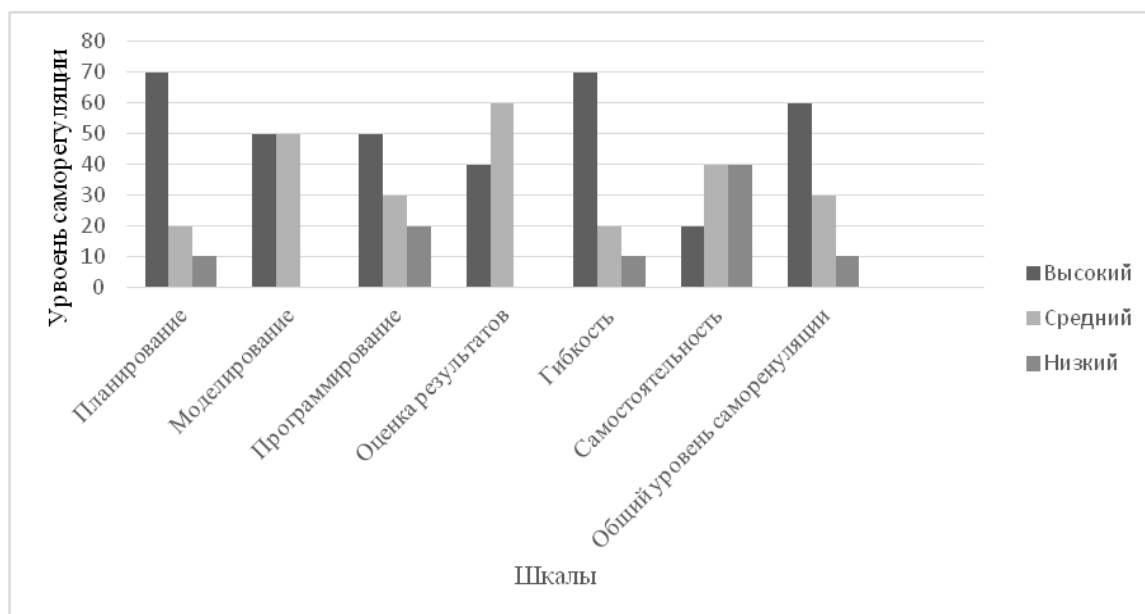

Рис. 3. Уровень саморегуляции студентов группы ЭГ-2

Обобщая результаты, мы сравнили средние значения показателей групп при помощи математической обработки (t-критерия парных выборок), определили степень расхождения мнений каждой группы и выявили, что распределение карьерных ориентаций студентов ЭГ-2 не имеют значимых различий со стилем саморегуляции ЭГ-1.

На третьем этапе мы провели контент-анализ сочинений выпускников, результаты которого представлены ниже на рисунках 4-8. Категориями анализа стали количество вариантов моделей карьеры, требования к профессии, сфера профессиональной деятельности, этапы профессионализации, способы достижения карьерных целей,

личностные качества и уровень анализа. Результаты, представленные на рисунке 4, демонстрируют количество моделей карьерного развития выпускников. Так, большинство студентов, описывая свою профессиональную деятельность, выделяют один вариант своей карьеры (ЭГ-1 – 60%, ЭГ-2 – 67%). Отдельные студенты ЭГ-1 (30%) описали две перспективы профессиональной реализации в зависимости от места работы. Лишь 10% студентов ЭГ-1 и 25% студентов ЭГ-2 описали свое будущее, намечая 3 и 4 варианта карьерного развития, что свидетельствует об их стремлении предусмотреть разные варианты, учитывая возможные проблемы. Таким образом, отдельные студенты более мотивированы на целенаправленное планирование будущей карьеры и стремятся проанализировать возможные риски в процессе профессиональной деятельности, а также наметить способы преодоления трудностей.

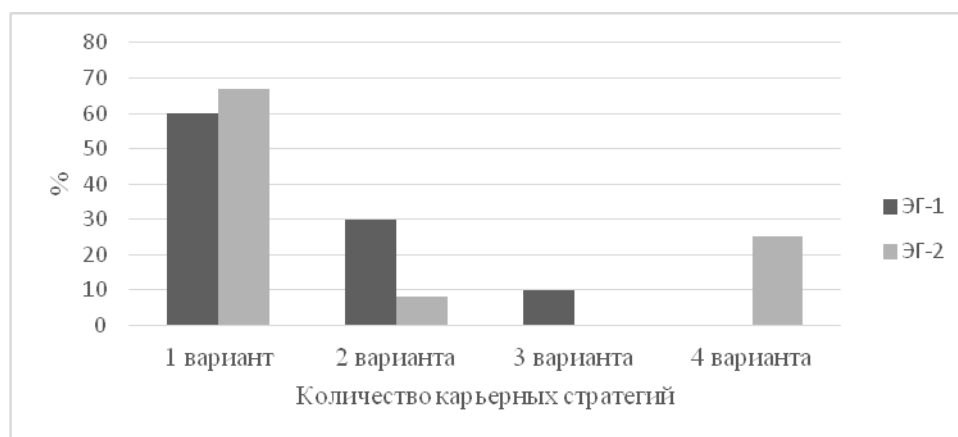

Рис. 4. Распределение количества моделей карьерного развития по группам

Большинство выпускников (ЭГ-1 – 80% и ЭГ-2 – 66,6%) ориентированы на профессиональную реализацию, и их представление о своей карьере носит односторонний характер (рис. 5). Только 20% ЭГ-1 и 33% ЭГ-2 выстраивают планы карьерного развития, стремясь гармонизировать профессиональную и личную сферы жизни. У всех студентов ЭГ-2 наблюдается высокая мотивация на самоопределение в будущей профессиональной жизни, в результате этого задачи личной жизни уходят на второй план.

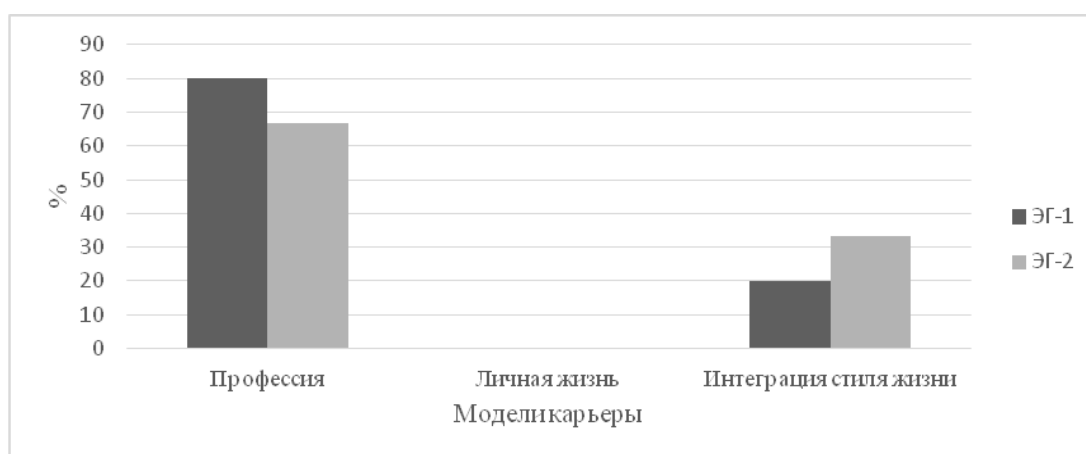

Рис. 5. Карьерные ориентации выпускников (интеграция стилей жизни)

На рисунке 6 представлены этапы карьерного развития, которые выделили студенты каждой группы. Следует отметить, что большинство испытуемых вообще не указывают этапы профессионализации (72,7% – ЭГ-1 и 55,3% – ЭГ-2). Студенты ЭГ-2 выделили профессиональное развитие как необходимый этап карьерного развития.

Студенты обеих групп считают, что средствами повышения квалификации являются посещение курсов повышения квалификации и семинаров. Отдельные студенты считают, что в г. Сургуте они не смогут достичь карьерных целей, и планируют переезд в другой город. Таким образом, представления выпускников о своей карьере недостаточно структурированы, тактика карьерного развития не выстроена, не выделены конкретные шаги реализации профессиональных целей.

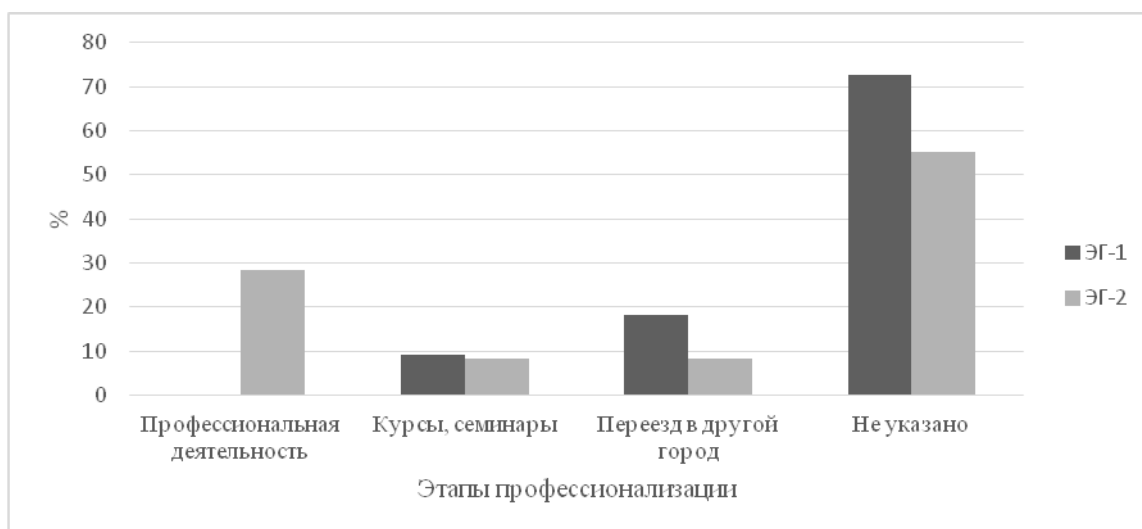

Рис. 6. Этапы карьерного развития

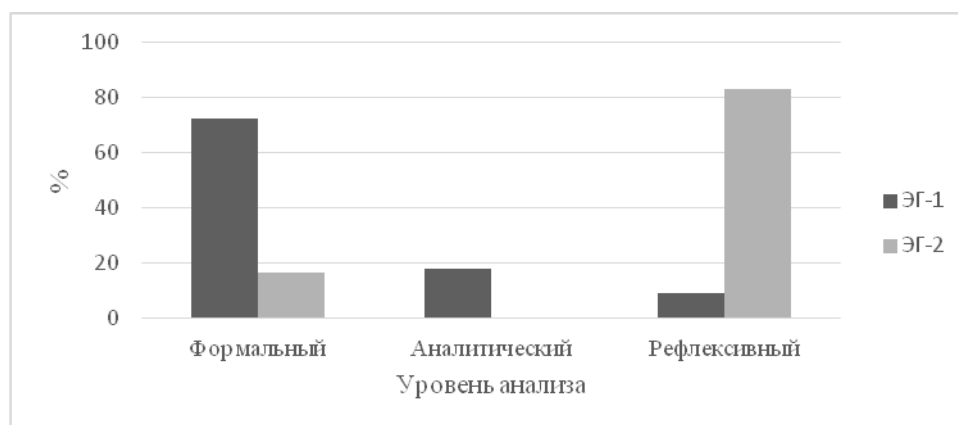

Рис. 7. Уровень рефлексии студентов при описании своей карьеры

На рисунке 7 представлены результаты анализа уровня рефлексии при описании своего карьерного развития, определенные нами ранее [5]. Уровень анализа развития своей карьеры студентов ЭГ-2 находится на рефлексивном уровне (83,4%). Это свидетельствует о том, что выпускники стремятся целенаправленно планировать свое карьерное развитие, сознательно ставить профессиональные цели, принимать взвешенные решения при выборе места работы, анализировать каждый этап карьерного развития, карьерные действия осуществляются в соответствии с индивидуальными и общими целями. У студентов ЭГ-1 преобладает формальный уровень анализа (72,7%), они просто перечисляют отдельные этапы карьерного развития в соответствии с общими целями. 18,2% студентов данной группы стремятся целенаправленно описать карьерные действия с учетом профессиональных целей и уровнем своих знаний, выбрать определенную тактику прохождения маршрута карьеры. Следовательно, представление о своей карьере у студентов ЭГ-1 недостаточно осознанное.

На рисунке 8 описан выбор сферы профессиональной деятельности студентами. Большинство выпускников планируют работать по выбранной специальности. При этом

отдельные студенты ЭГ-1 и ЭГ-2 стремятся открыть свое дело или работать по смежной специальности.

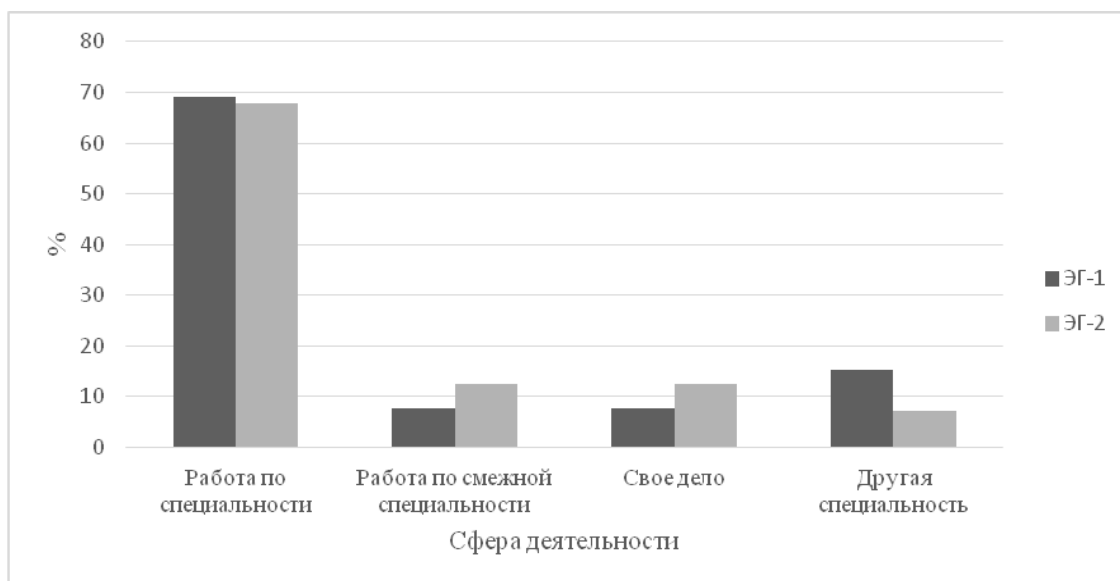

Рис. 8. Выбор сферы будущей профессиональной деятельности выпускников

Проанализировав представления выпускников психологических направлений СурГУ о своей карьере, мы пришли к следующим выводам:

1. Представления студентов направления «Клиническая психология» (ЭГ-1) о своей карьере носят следующий характер: у большей части выпускников карьерный цели абстрактные, образ профессионального будущего недостаточно структурирован, карьерные действия целенаправлены в рамках профессиональной деятельности. Тактика карьерного развития четко не определена, этапы профессионализации и средства достижения карьерных целей не дифференцированы. Средний уровень моделирования и программирования своих действий свидетельствует о непонимании того, какие именно карьерные действия необходимо реализовать, чтобы достигнуть поставленных целей. Уровень анализа карьерных планов формальный носит односторонний характер.

2. Представления студентов направления «Психология служебной деятельности» (ЭГ-2) о своей карьере соответствуют уровню понятия в комплексе. Они уже сформулировали конкретные цели, их карьерное движение обеспечивается анализом оптимального выбора действий и тактик прохождения маршрута карьеры, средствами достижения цели являются обучение и усердная работа. Они стремятся к такой профессиональной деятельности, в которой максимально будет выражена самостоятельность, инициативность и независимость. Уровень анализа своей карьеры у студентов аналитический и рефлексивный, но образ личности профессионала недостаточно структурирован. У отдельных студентов отсутствует анализ возможных трудностей на этапах профессионального развития, средний уровень моделирования и программирования свидетельствует о том, что их представления о карьере и образе личности не достаточно структурированы.

Студенты обеих групп ориентированы на гармоничное сочетание различных аспектов жизни. Выпускники ЭГ-2 нацелены на достижение высокого профессионализма в выбранной сфере деятельности (достижение уровня мастерства), хотят быть носителями исключительных профессиональных знаний и навыков. В карьерном движении они стремятся составить программы действий своих планов деятельности.

Более структурированное представление студентов ЭГ-1 о своей карьере объясняется тем, что в учебном плане направления «Психология служебной деятельности»

на протяжении всего курса обучения запланирован целый ряд дисциплин, нацеленных на освоение знаний и умений в этой области. Это такие учебные предметы, как «Психология карьеры», «Психология самоопределения», «Психология труда» и др.

Положительное отношение человека к профессии, четкое, структурированное представления о своей будущей карьере позволит использовать свои ресурсы в профессиональной деятельности. Для этого в процессе организации учебного процесса в высшем учебном заведении необходимо специально формировать у студентов адекватную профессиональную «Я-концепцию» и модели карьерного развития студентов.

Литература

1. Демидова И. Ф., Курилова А. В. Представления студентов о карьерных перспективах // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 1. С. 109-112.
2. Жданова С. Ю. Особенности представлений студентов о карьере // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 102-105.
3. Карьера молодого специалиста: теория и практика управления : учеб. практ. пособие / Е. А. Могилёвкин, М. В. Щербина, А. Н. Кленина, А. С. Бажин. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2006. 280 с.
4. Кирт Н. Л. Динамика представлений о профессиональной карьере психологов образования в процессе профессионального самоопределения : дис. ... кан. психол. наук. М., 2000. 158 с.
5. Плеханова Н. П. Карьерные стратегии выпускников общественных и гуманитарных направлений // Жизненные планы получения образования молодежью Югры и проблемы профессионального становления молодых специалистов Северного региона / под. ред. М. Ю. Мартынова. Сургут : ИЦ СурГУ, 2016. С. 122-142.
6. Хаярова Л. Р., Кузнецов Г. В. Развитие представлений о профессиональной карьере у студентов вуза // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 16. С. 375-377.

Хохлова Н. И.
Khokhlova N. I.

СЮЖЕТЫ РОЛЕВЫХ ИГР У СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ

ROLE-PLAYING GAME PLOTS WITH PRESENT-DAY PRESCHOOLERS

Сюжетно-ролевая игра является ведущим типом деятельности в дошкольном возрасте. Именно данный вид игры способствует формированию основных новообразований в дошкольном возрасте. В статье представлен сравнительный анализ сюжетов ролевых игр у детей дошкольного возраста, посещающих прогимназию и детский сад. Исследование основано на наблюдении за деятельностью детей в свободное время и анкетировании родителей.

Role-playing game is the main type of activity in the preschool age. This is the very kind of game that promotes the formation of the main neoplasms in the preschool age. The article presents a comparative analysis of plots of role-playing games with preschool children attending a progymnasium and a kindergarten. The study is based on monitoring the activities of children in their spare time and questioning parents.

Ключевые слова: дошкольник, сюжетно-ролевая игра, образовательные учреждения.
Keywords: pre-schooler, role-playing game, educational institution.

Сюжетно-ролевая игра возникает в результате осмысления детьми деятельности взрослого, сравнении ребенком своих действий с действиями взрослых, но большинство современных профессий не демонстрируются детям. Для возникновения и усложнения игровой деятельности ребенка наиболее существенное значение имеет руководство со стороны взрослых. Предоставление детям игрушек, разнообразных пособий стимулирующих их к игре, приведение различных примеров профессий и общественных ситуаций – все это на сегодняшний день является очень актуальным для развития игры.

Игра – это обязательное условие успешного развития и саморазвития ребенка, своеобразная форма выявления им своей активности, в которой на уровне своих знаний и умений он воссоздает действия взрослых и отношения между ними, познает предметы и их функции, социальную действительность своего окружения. В стремлении за «новыми технологиями» педагоги заменили ролевою игрою на предметную, в детских садах появились кружки робототехники, и в каждой группе есть конструкторы «Лего», которые детям более интересны, чем ролевая игра. А ведь игра – наиболее доступный для детей вид деятельности, способ переработки полученных из окружающего мира впечатлений, знаний. В игре ярко проявляются особенности мышления и воображения ребенка, его эмоциональность, активность, развивающаяся потребность в общении. Игре принадлежит огромная роль в развитии и воспитании ребенка. Она является эффективным средством формирования личности дошкольника, его морально-волевых качеств, в игре реализуется потребность взаимодействия с миром, формируется произвольное поведение, мотивация и многое другое. В игре происходят важные изменения в психике ребёнка, складываются основные формы отношений с окружающими, осуществляется подготовка к новой, более важной деятельности – учению [1].

На сегодняшний день стоит большая проблема в осуществлении сюжетно-ролевой игры в детских садах, т. к. воспитатели в большей степени ориентированы на предметные показатели своей деятельности, в лучшем случае реализуются тематические игры по жесткому сценарию. Также с каждым годом растет количество энтузиастов-родителей,

которые в раннем возрасте ребенка учат иностранным языкам, читать, считать, даже писать, но только не играть. От родителей можно услышать: «Мой сын уже большой, пять лет ему, скоро в школу пойдёт, а он всё играет и играет! Ругаю его, но ничего не могу сделать». Игнорируется тот факт, что интеллектуальный компонент готовности к школе можно сформировать за непродолжительный период, а желание учиться (мотивационно-личностный) формируется на протяжении всего дошкольничества в контексте ролевой игры [1]. Л. С. Выготский подчеркивал неповторимую специфику дошкольной игры. Она заключается в том, что свобода и самостоятельность играющих сочетается со строгим, безоговорочным подчинением правилам игры. Такое добровольное подчинение правилам происходит в том случае, когда они не навязываются извне, а вытекают из содержания игры, ее задач, когда их выполнение составляет главную ее прелесть [4].

В современном мире мы можем видеть, что даже если мы будем наблюдать разворачивание сюжетно-ролевой игры, то это главным образом разучивание с детьми готовых сюжетов игры, предусмотренных программой. А если предложить детям поиграть самостоятельно, дети не хотят играть в «разученные» игры, но, по предложению педагога, они их воспроизводят. Это объясняется отсутствием у детей интереса к заданным сюжетам игр, а иные игры организовать не могут. В современной ситуации исторически значимых изменений Д. И. Фельдштейном определен ряд особенностей психологического развития современного ребенка: 1. В минимально короткий резко снизилось когнитивное развитие детей в период дошкольного возраста. 2. Снизилась энергичность детей, их желание активно действовать. 3. Отмечается сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры дошкольников, что приводит к недоразвитию мотивационно-потребностной сферы ребенка, а также его воли и произвольности. 4. Обследование познавательной сферы старших дошкольников выявило крайне низкие показатели в тех действиях детей, которые требуют внутреннего удержания правила и оперирования в плане образов. 5. Обращает на себя внимание неразвитость тонкой моторики рук старших дошкольников, отсутствие графических навыков, что свидетельствует не только об отсутствии графических двигательных умений, но и о несформированности определенных мозговых структур ребенка, ответственных за формирование общей произвольности. 6. Отмечаются недостаточная социальная компетентность 25% детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты. 7. Тревогу вызывают факты и факторы, связанные с приобщением детей к телеэкрану начиная с младенческого возраста. 8. Неблагоприятной тенденцией выступают обеднение и ограничение общения детей, в том числе и детей подросткового возраста, со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности. 9. Все больше становится детей с эмоциональными проблемами, находящихся в состоянии аффективной напряженности из-за постоянного чувства незащищенности, отсутствия опоры в близком окружении и потому ощущающих свою беспомощность. 10. В популяции современных растущих людей большую группу составляют дети, для которых характерно неблагоприятное, проблемное течение психического развития в онтогенезе. 11. Имеется значительное число детей с ограниченными возможностями здоровья и пр. [5].

Таким образом, современное дошкольничество качественно отличается от дошкольничества предыдущего поколения, представленного в работах отечественных психологов (Д. Эльконин, Л. Божович, З. Мануйленко и др.) по характеристике высших психических функций, по специфике развития познавательных мотивов, личностных особенностей, произвольного поведения и пр. Многие исследователи [2; 6] связывают данный факт с низким уровнем развития сюжетно-ролевой игры и преобладанием дидактической игры. С целью исследования наличия и характера детских игр у современных дошкольников Г. П. Горбунова провела исследование [2], в котором

принимали участия дети средних и старших групп, родители и воспитатели. В результате выяснилось, что первое место занимают традиционные подвижные игры. В эти игры играет в средней группе 32% детей, в старшей группе – 28%. Второе место занимают сюжетно-ролевые игры, среди которых на лидирующую позицию вышли традиционные «дочки-матери» и современная разновидность этой игры – куклы «Барби» [2, с. 88]. Обращает на себя внимание тот факт, что с возрастом увеличивается число неиграющих детей, а занимающихся другими видами деятельности: рисованием, рассматриванием картинок в книжках.

Это исследование было проведено на базе МБОУ общего вида. Для нас стало важным определить специфику различия сюжетов ролевых игр у старших дошкольников, посещающих МБОУ общего вида и прогимназию в г. Сургуте. Исследование проводилось в 2016 году на базе двух учреждений МБОУ (экспериментальная группа № 1, далее ЭГ1) и прогимназии (экспериментальная группа № 2, далее ЭГ2) совместно со студенткой 4 курса направления «Психология» А. В. Иваненко.

На основе проведенного теоретического исследования учебных программ образовательных учреждений мы предположили, что у старших дошкольников, посещающих МБОУ общего вида, преобладают бытовые сюжеты ролевых игр, а у детей, посещающие прогимназию, будут преобладать производственные сюжеты. Наше предположение о преобладании производственных сюжетов у детей, посещающих прогимназию, связано с особенностями психолого-педагогического обеспечения учебного процесса. В данных учреждениях реализуются программы, ориентированные не только на дошкольное образование, но и на формирование знаний уровня начальной школы. В прогимназии учителями начальной школы проводятся учебные занятия, идентичные занятиям первоклассников – обучение чтению, письму, навыкам счета, окружающий мир и пр. В детских садах в логике развивающих занятий осваивается некоторая система знаний, но конкретные знания и умения не являются целью. Например, дети учатся проводить фонетический анализ слова, но обучение чтению не является итогом. В связи с этим, при условии активного введения элементов учебной деятельности и активном освоении новой действительности (отношения с учителями, выполнение работ, предполагающих систему оценивания, выполнение контрольных работ, проведение рейтинга и пр.), у детей при наличии 3-4 уровня развития сюжетно-ролевой игры должны констатироваться производственные сюжеты (школа, стройка, химическая лаборатория, организатор праздников и пр.), поскольку на занятиях, например, в рамках курса «Окружающий мир», теоретически рассматриваются различного рода эксперименты, проводятся сравнения, опыты. Для исследования сюжетов ролевых игр современных дошкольников нами были использованы такие методы, как наблюдение, интервьюирование и анкетирование. Наблюдение проводилось по следующим критериям: содержание игры, сюжеты, завязка игры, распределение ролей, игровые действия, игровые правила, конфликты в игре, особенности игровой среды.

Проанализируем результаты исследования ЭГ₁. Данные экспериментальные группы составили дети возраста 6-7 лет. Нами были проведены наблюдения за игрой детей, после чего было проведено интервьюирование детей. В течение ряда наблюдений дети демонстрировали типовое поведение в свободное время: читали книги (чаще всего один мальчик), двое мальчиков собирают кубики, девочки играют в куклы (на уровне предметных действий, иногда включаются ролевые диалоги), некоторые девочки рисуют (раскрашивают, рисуют с использованием трафаретов). Дети во время свободных занятий всегда спрашивают разрешение о возможности играть. Только после разрешения воспитателем взять атрибутику для игр дети берут коробки, на которых написаны названия игр («Больница», «Магазин», «Корабль»).

В процессе наблюдения выяснилось, что в большинстве случаев сюжетно-ролевые игры разворачивались по запланированному сюжету (возможно, представленные

воспитателем), поэтому с целью «расшатывания» сюжета (используется понятие Н. Михайленко) экспериментатор включился в игровую деятельность и создал «конфликтную» ситуацию: в ожидании приема врача, сидя в очереди, экспериментатору стало «плохо», он упал на пол «без сознания». Ожидалось, что, сохраняя содержание игры, дети должны были продемонстрировать игровые действия, направленные на «спасение больного» или «вызов врача». В результате дети удивленно посмотрели на экспериментатора и продолжали сидеть «ждать очередь» к врачу, а врач – осматривать больного. Полежав 2-3 мин., экспериментатор обратился к играющим с вопросом: «Мне стало плохо, а вы мне не оказали помощь?». На что дети молча пожали плечами, а некоторые спросили: «А что, надо было?». Данный факт свидетельствует о том, что дети могут разворачивать сюжеты только в случае наблюдаемых до этого ситуаций, иначе сюжеты бытового характера, в иных ситуациях демонстрируют абсолютную беспомощность и невозможность выхода за рамки запланированного содержания.

После наблюдения нами была проведена беседа с детьми данной группы, во время которой были заданы такие вопросы, как: «В какие игры ты любишь играть?», «Во что ты играешь дома?», «С кем ты играешь дома или играют ли с тобой родители?». В ходе беседы с детьми данной группы мы выяснили, что дети играют (100%). Из них у 70% – предметная игра (ответы детей: «Куклы», «Мягкие игрушки», «Пони»), 20% это игры с правилами (ответы детей: «Жмурки», «Прятки»), и у 60% – сюжетно-ролевая игра (ответы детей: «Дочки – матери», «Салон красоты», «Пароход»). Сюжеты игр данной группы: бытового характера – 17% («Семья») и производственного характера – 100% (профессиональная деятельность: «Пароход», «Парикмахерская»). 60% детей утверждали, что с ними играют родители дома, а 40% сказали, что родители слишком заняты или играют братья, сестры. Следует отметить, что использование понятия «сюжетно-ролевая игра» больше относится к форме, а не к содержанию, поскольку мы вывод делали только на основе рассказов детей.

Для родителей детей данной группы была предложена «Анкета для определения отношения родителей к детской игре и выбору игрушек», созданная А. В. Нерубленко [3]. Основываясь на ответах родителей, у 100% детей констатируется игра. Виды игр, которые присутствуют у детей: 94 % – предметная игра, 18% – игры с правилами, 23% – сюжетно-ролевая игра. Родители, чьи дети играют в сюжетные игры, выделяют такие сюжетно-ролевые игры, как «Дочки-матери», «Артист», «Магазин» и «Доктор». Сюжеты игр, которые выделили родители: бытовые – 50% (семья) и производственные – 70% (профессиональная деятельность). Только часть родителей (до 50%) включена в активную деятельность со своими детьми.

По результатам беседы и анкетирования родителей можно сделать вывод, что игра в данной группе констатируется. Из них сюжетно-ролевая игра у 60% (беседа с детьми) и у 23% (по анкетам родителей). Сюжеты игр, которые были выделены детьми и родителями: бытовые (ответы детей и родителей: «Дочки-матери», «Семья») и производственные (ответы детей и родителей: «Магазин», «Доктор», «Артист», «Салон красоты»). Включенность родителей в игровую деятельность детей данной группы составляет 60% (по ответам детей) и 50% (по ответам родителей).

Проанализируем результаты ЭГ₂ посещающей прогимназию. В экспериментальной группе детям в среднем 6-7 лет. Нами были проведены так же, как и в первой ЭГ, наблюдения за детьми, интервьюирование и анкетирование родителей. Следует отметить, что в группах прогимназии нет игровой комнаты, как в саду общего типа, а есть класс с партами и стульями, зона для игр расположена в свободной части класса слева и справа от парт. В работе с детьми педагоги прогимназии акцентируют внимание на развитии интеллектуального компонента готовности к школе. В режиме дня детей, посещающих прогимназию, определено «свободное время», в течение которого дети читали книги, играли в «Лего», 3 девочки играли в «Семью» (в большей степени констатировался

уровень предметных действий, иногда включаются ролевые диалоги), в основном дети рисовали.

После наблюдения за свободной игрой нами было проведено интервьюирование детей о любимых играх. По результатам интервью данной группы, 100% детей указывают наличие игры, 72% из них называют предметную игру (ответы детей: «Игрушки из киндера», «Играю с мягкими игрушками», «Играю бетменом»), 36% детей играют в игры с правилами (ответы детей: «В мяч», «В теннис»), и лишь 27% детей данной группы играют в сюжетно-ролевые игры (ответы: «Салон красоты», «Семья»). Сюжеты, которые отметили дети: уход за куклой – 2 ответа, «Салон красоты» – 1 ответ. 63% детей утверждали, что родители играют с детьми дома, и 36% детей ответили, что родители с ними не играют.

После наблюдения и интервью нами были проанализированы анкеты родителей данной группы. Обратим внимание на то, что мы ориентировались только на внешнюю форму описания деятельности детей с позиции родителей. Например, как ребенок играет в «Подиум»? – «...Дочь ходит перед нами, демонстрирует одежду и говорит, для чего она». Виды игр, которые обозначили родители в своих анкетах: предметная игра – 70% (ответы: «Машинки», «Динозавры»), игры с правилами – 40% (ответы: «Прятки», «Жмурки», «Догонялки»), сюжетно-ролевая игра – 60% (ответы: «Доктор», «Полиция», «Шеф-повар»). Сюжеты, которые были отмечены: 20% – бытовые сюжеты («Семья») и 70% – производственные («Магазин», «Кухня», «Подиум», «Шеф-повар»). 60% родителей активно включены в игровую деятельность со своими детьми. Сюжетно-ролевая игра, по описанию детей, наблюдается в 27% ответов, а родители констатируют в 60% ответов. Сюжеты игр, выбираемые детьми в общеобразовательном саду, имели следующие результаты: бытовые – 17% («Семья») и производственные – 100% («Парикмахерская», «Пароход»), а в прогимназии – 16% бытовые («Семья») и производственные – 100% («Салон красоты», «Парикмахерская»).

Сюжеты игр, называемые родителями в общеобразовательном учреждении: бытовые – 50% («Семья») и производственные – 70% («Артист», «Магазин»); в прогимназии: 33% – бытовые («Семья») и 100% – производственные («Кухня», «Полиция»).

По результатам опроса, ответы детей и родителей в двух учреждениях идентичны. Следует отметить, что дети, находясь дома, пытаются использовать сюжеты, отличающиеся от сюжетов игр в учреждении (классический набор: «Магазин», «Больница», «Парикмахерская»). Можно предположить, что дети на примере предметов (куклы, мягкие игрушки) демонстрируют элементы ролевой игры, а в группе сверстников не могут «развернуть» сюжетную игру: рассказать сюжет, определить роли и пр., поскольку такого рода деятельность им незнакома. Дети в группе общеобразовательного сада ориентированы на «разученные» варианты игр.

Нами был проведен статистический анализ ответов детей и родителей в двух исследуемых учреждениях, использовался критерий Манна – Уитни (при $p \leq 0,05$). Ответы детей двух учреждений и ответы родителей этих же учреждений статистически незначимо различаются. Но стоит отметить, что родители МБОУ прогимназии дают в большей мере социально желаемые результаты, в отличие от родителей МБОУ общего типа. При этом в МБОУ общего типа мы наблюдаем несколько случаев демонстрации тематических игр (чаще производственный сюжет: «Больница»), в прогимназии не констатировались случаи тематических игр. Производственные сюжеты констатируются в двух учреждениях, но основания возникновения данных сюжетов различны: в детском саду – тематические игры освоены под руководством воспитателя, а в прогимназии – влияние телепередач в единичных случаях (например, «Салон красоты»), что свидетельствует о более высоком уровне развития игры у 10-15% детей, нежели в общеобразовательном учреждении. Как

показал анализ результатов, форма организации – общеобразовательное учреждение или прогимназия – не влияет на разнообразие и развитие сюжетов.

Литература

1. Арбанян Л. А. Игра дошкольника / Л. А. Арбанян, Т. В. Антонова и др.; под ред. С. Л. Новосёловой. М. : Просвещение, 1989. 286 с.
2. Горбунова Г. П. Актуальность и проблемы сюжетно-ролевой игры современных дошкольников // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». № 52 (2013), Народное образование. Педагогика. С. 86-91.
3. Нерубленко А. В. Анкета для определения отношения родителей к детской игре и выбору игрушек // Инфоурок: образовательный портал. URL: <https://infourok.ru/anketa-dlya-opredeleniya-otnosheniya-roditeley-k-detskoj-igre-i-viboru-igrushek-1042475.html> (дата обращения: 11.05.2017)
4. Смирнова Е. О. Игра в современном дошкольном образовании // Психологическая наука и образование : электронный журнал. 2013. № 3. С. 92-97.
5. Фельдштейн Д. И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 6-11.
6. Чернявская В. С., Ахмадуллина О. В. Опыт исследования сюжетно-ролевой игры у дошкольников // Концепт. 2016. № 1. С. 11-15. URL: <http://e-koncept.ru/2016//16003.htm> (дата обращения: 11.05.2017)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.512.122.09

Абдуллина Л. И.
Abdullina L. I.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ «CREDO» АСЕЛЬ ОМАР: ЭФФЕКТ «ДЕЖАВЮ»

IDENTIFICATION OF ASEL OMAR'S "CREDO": THE EFFECT OF "DEJA VU"

В статье рассматривается творчество казахстанской и российской писательницы в аспекте авторского послания и индивидуального стиля.

The article is devoted to the creative work of the Kazakhstani and Russian writer in the context of the author's message and individual style.

Ключевые слова: авторская картина мира, кредо писателя, публицистический нарратив, риторический дискурс, стиль.

Keywords: author's view of the world, the writer's credo, publicistic narrative, rhetorical discourse, style

Поэт и прозаик, член Союза писателей Казахстана и Русского ПЕН-центра, обладатель Есенинской медали «За верность традициям русской культуры и литературы», Асель Омар хорошо известна в Международном сообществе писательских союзов. Однако отклики на ее творчество ограничиваются (за небольшим исключением [1]) рецензиями-интервью, появляющимися, как правило, после получения ею призовых мест на авторитетных международных конкурсах [2; 8]. Обзор интернет-источников не выявил наличие серьезного литературоведческого исследования творческой продукции этого, бесспорно, талантливого автора.

Первая книга стихотворений и прозы Асель Омар под манифестирующим заголовком «Credo» (1998 г.) не прошла незамеченной взыскательным читателем. Своеобразным вызовом глобализационным процессам современности прозвучало публицистически однозначное авторское послание.

Поэтическая риторика в художественном мире А. Омар служит своеобразным приемом придания повествованию интонации непосредственного диалога. К примеру, советская патетика начальных строк в стихотворении «Здравствуй, Родина! Здравствуй, столица!» за счет адресности риторического обращения переключает читательский стереотип в противоположное пафосному настрою дружески камерное поле: «Брось, не хмурь поседевших бровей...», «Помолюсь, чтоб везло тебе, милая...» [5, с. 25]. Публицистическая заостренность авторской позиции не снимается, а риторика обращений, усиленная повтором, не вызывает отторжения благодаря исповедальной интонации: «Я верю, что дух мой отчаянно волен/Я верю в спасенье, я верю в свободу, /Я верю в великую эту страну» [5, с. 25].

Социальная ответственность, о которой много говорится с официальных трибун, присутствует как художественный дискурс в книгах прозы А. Омар «Ранние холода» (2007 г.), «Синий волк» (2009 г.), «Галисман Тенгри» (2012 г.). Откровенная равнодушная позиция писательницы звучит в лаконично-емких названиях ее произведений, буквально «кричащих» о драматичных страницах нашей общей истории (рассказ «Черный снег декабря», повести «Satisfaction», «Гастарбайтер», стихи «Credo», эссе «Прикосновение

к свободе»), или скрывается под тревожной метафорической фразой. Автор поясняет это так: «Мы живем сегодня в достаточно опасном мире, так как слишком часто сталкиваемся со смертью в виде войн, терроризма или преступности. Сложности в нашу жизнь добавляет также и то, что нами всегда пытаются манипулировать – глобальные средства массовой информации, реклама, законы общества потребления, в котором мы оказались» [4].

Писатель ставит перед читателем (в первую очередь перед собой) вечные вопросы: кто виноват за совершенные исторические злодеяния и что делать, как и куда с этим моральным грузом двигаться дальше? Понимание смысла и назначения авторского послания определило публикацию книг А. Омар в рамках программы Министерства культуры и информации Республики Казахстан «Социально важные виды литературы».

Особое чувство истории своего народа, своей страны стало формироваться еще в период ученичества, когда Асель Омар отдавала предпочтение писателям, создавшим неповторимый самобытный мир с опорой на национальные истоки: «Красавица в трауре» Мухтара Ауэзова, «Записки о Джунгарии» Чокана Валиханова, произведения Ибрая Алтынсарина. Творческая биография стала осознаваться как неотъемлемая часть окружающего пространства и людских судеб: «За нами стоит великая история, и каждый из нас с ней соприкоснулся. А если исторические события касаются твоего поколения, родителей и более старшего поколения, то тем более проникаешься мыслью, как же мы связаны одной судьбой с теми, кто жил сто, триста, пятьсот лет назад, – в наших жилах течет их кровь» [4].

Понять составляющие стилевой манеры писательницы помогают признания автора, сформулированные ею в одном из интервью в виде целевой установки: «желание работать над словом» как «обязанность перед самой собой». Многие объясняет в художественном мире А. Омар и ее приход в литературу из журналистики. Собственный независимый взгляд будущего писателя на историю сформировали беседы с дедом Омаргали Кудышевным, не только известным журналистом, но и очевидцем событий Гражданской войны, участником Отечественной, свидетелем репрессий и репортером целинной эпопеи. Ничем не заменимый опыт принесла и работа в газете «Новое поколение» у Бигельды Габдуллина, редакторская деятельность в издательстве художественной литературы. Асель Омар научилась ценить труд журналиста за то, что он «заставляет точнее и лаконичнее выражать мысль, дисциплинирует, заставляет подчинять себе вдохновение, а не подчиняться ему» [4]. В известном смысле «репортажность» повествования, основанная на факте, – стрезень, вокруг которого «закручиваются» события в прозе Омар и которые «держат» внимание читателя, вовлекают его в действие, делают соучастником.

Литература как история, а история как событие жизни конкретного человека – осознание этого пришло к писательнице вместе с бабушкиными рассказами, которые начинались порой так, как начинаются старинные притчи: «Жил-был один казах...» (она была историком и много лет работала в партийных органах). Итак, журналистика, история, литература, факт, вымысел – арсенал авторского дискурса, который «идентифицирован» исследователями как постмодернистский. Однако для Асель Омар эта писательская техника вряд ли несет функцию творческой установки: так она ощущает, воспринимает мир и так воспроизводит его разные, часто внешне не соотносимые фрагменты. Возможно, поэтому рассказы Омар не поддаются канонической терминологии литературоведческих номинаций, научных дефиниций и классификаций. Древняя историческая быль, народное предание о давно забытом батыре, история бывшего фронтовика, будни одного служащего коммерческой организации, незатейливый сюжет из жизни школьной учительницы – все это оказывается объектом и предметом авторского повествования.

Из всех эпических жанров художница отдает предпочтение рассказу, отвечающему ритму жизни: эта жанровая форма, по ее мнению, обладает «эффектом сильного эмоционального воздействия на читателя» [4]. Сюжеты ее рассказов просты и лишены

искусственности, при этом Асель Омар дает понять, что центром земли для нее был и остается Казахстан, ее волнует все, что связано с родиной, прежде всего, история нашего народа.

Подлинность, достоверность и реалистичность сюжетных линий поддерживается стилистикой доверительного диалога и создает ситуацию «дежавю»: читатель ощущает себя в знакомых обстоятельствах, в определенный, уже пережитый им исторический момент нашей общей постсоветской действительности. Состояние «дежавю» подобно перечитыванию давно прочитанной книги или перепросмотру фильма, но, как выясняется по ходу чтения-просмотра, забыл важные детали и сцены. Повтор-узнавание рождает новое восприятие, более объективное и взвешенное.

Так, в рассказе «Черный снег декабря» подчеркнута хаотичная стилистика и мозаичная композиция повествования передают атмосферу наполненных ужасом и мраком декабрьских событий в Алма-Ате 1986 года. Сумятица, неразбериха воспроизводится автором сменой разных повествовательных планов: описание, диалог-реплики, оценки очевидцев создают множественность вариантов «правды». Повествование ведется от лица очевидца, при этом само понимание времени служит формой внутренней связи событий «тогда», в декабре, и «сейчас», во время рассказывания-воспоминания.

Как справедливо отмечает Б. О. Корман, субъективное восприятие времени является одной из форм изображения действительности [3, с. 92]. Само время, остановленное и воспроизведенное в художественном тексте, помогает читателю, тоже пережившему эти исторические дни, возвратиться и вспомнить *свои* чувства. Тот же, кто не был вовлечен в этот исторический водоворот, ощущает его, благодаря воссозданному автором «эффекту присутствия». В качестве иллюстрации приведем фрагмент: «Рустик вдруг ясно вспомнилась картина: в комнате мама, он, двенадцатилетний подросток, тетя Галя, дядя Костя, Софья Яковлевна, сыновья тети Гали – Дима и Владик. Рустик с мамой сидят дома у тети Гали испуганные и растерянные, и только Софья Яковлевна, расхаживая по комнате, громко говорит: «Ей богу, Гуля, сейчас бы пошла к Колбину и сказала: «Уходите, уходите сами, видите, что из-за вас происходит?»».

Своего рода репортажность, прием монтажа, покадровой съемки «работает» на замысел автора. Еще один эпизод помогает выйти к главной идее рассказа: «Однажды Рустик находит две фотографии дедовского архива, датированные разными годами. На одной аксакал еще молодой, улыбается. На другой, сделанной во время войны с Японией, «лицо будто не дедовское, а чужое – сухое, осунувшееся, с тусклым взглядом...». Соположенность двух кадров (эффект киномонтажа) приводит рассказчика к простой и очевидной истине: убивает война в душе человека силы, которые заставляют его светиться, искриться радостью. Герой задается риторическими вопросами о смысле существования человека: «Сколько человек может вынести, сколько сам соглашается выносить...?»; «разве может быть предел тому лучшему, что можно получить или не получить от рождения?».

Риторически острая формулировка заглавия омаровского рассказа «Черный снег декабря» послужила поводом для оценки произведения критиками: «экзистенциальный манифест» поколения, рожденного в 1970-е. В этом философском контексте воспринимается и авторское обращение к библейским мотивам. Рустем и Михаил Юрьевич, «они оба в своих летах олицетворяли в какой-то мере земную историю Сима, Хама и Иафета». Продолжателям рода, их детям предстоит жить в разных социально-экономических, исторических условиях, разбросанным по всей земле, как и сыновьям Ноя.

Оксюморонная номинация рассказа подчеркивает неестественность и трагичность ситуации, лежащей в основе сюжета. Аллегорический образ «черный снег», выполняя функцию авторской оценки, обрамляет композицию. «За окном падал снег. Во дворе между складами ресторана пробежала повариха в рогатом белом чепце. Выбросив помой, она, прыгая между сугробами, скрылась в железной двери. С шумом подъехал грузовик, оставляя на свежем снегу черные комья...», – так, вперемежку с бытовыми деталями

пейзажный финальный штрих «черные комья» «на свежем снегу» воспринимается в соответствии с замыслом автора: декабрьские события прошли, снег новый чистый, но черные комья остались как зарубки памяти в душе тех, кто был там.

Мифология в повествовательной структуре омаровской прозы – ни в коем случае не дань моде, а скорее определенный код-знак. Автор оставляет за собой право на рождение нового мифа, хрупкого в своей условности и сотворенности. Вместе с тем, по признанию Асель, «стилизация мифов, исторических фактов, изложенных в древних рукописях, прикосновение к которым оформилось в непреодолимое желание привести их в «красивую логическую историю» [4]. Миф, рожденный на глазах читателя и не без его участия, – авторский вариант истории, ее эстетическая оценка, соотносимая с читательской. Иллюстрацией тому служит книга А. Омар «Ранние холода», в которую «вошли рассказы о нашей современной жизни, о том, что сейчас происходит с нами, а также некоторые исторические реминисценции. Все они касаются судьбы какого-то одного человека, возможно близкого нам, возможно – незнакомого».

Особое место в мифологии А.Омар занимает неисчерпаемый в своей многослойности мир Востока, который она открыла еще в студенческие годы. В серии так называемых «восточных» рассказов ей удается связать тюркскую мифологию и восточную историю, тем самым «проследить пути истории и сравнить с современностью, с историей нашего народа. Восточный колорит, яркие и сочные краски, сказочная интонация и вековая мудрость» – все удивительнейшим образом переплетается в повествовательной структуре рассказов А.Омар. Возникает парадоксально целостный мирообраз, в котором органично уживаются контрастные образы утонченной культуры и цивилизации: «Мой чудный Восток, наследник великих эпох, словно древняя старуха, ты перебираешь заржавленные латы своих великих сынов, почивших во славе!» [6, с. 42].

На переплетении мифа и правдивого сюжета построены рассказы из цикла «Талисман Тенгри»: «Дервиш и Роза», «Два клинка», «Волчье сердце», «Станция Тимур» и др. [8]. Рассказ «Талисман Тенгри», давший название всему циклу, – о талисмани, приобретенном у антиквара: «Я храню талисман, хотя и боюсь его – слишком много тяжести прошлых веков лежит на нем. Но когда держишь его в руках, то невольно думаешь о том, что одна небольшая вещица смогла протянуть нить от меня на несколько поколений назад, заставила звучать в мировом многоголосье войн, народов, стран и страстей струну истории одного человека, то он становится удивительно ценным». Рассказчик, предком которого является шаман, знает и понимает сущность и историю этого необыкновенного предмета, впитавшего в себя дух народных традиций и навеки запечатлевшего тепло рук мастера. Читателю обязательно вспомнится свой предмет-талисман, передающий порой неведомую силу одного предмета над человеком.

Немногие современные художники обладают ювелирным искусством работы с художественной деталью. Асель Омар это удается. В рассказе «Вальтер и «ришелье» писательница незаметно для читателя «плетет» свое сюжетное кружево: использование многочисленных деталей создает неповторимый колорит и, одновременно, фон, который окутывает и объясняет внешне незатейливую фабулу повествования. В рассказе ожившие детали и картины, наполненные аллегориями, говорят о герое даже больше, чем всезнающий автор, они становятся инобытием человеческой души [6, с. 42].

Одна из ключевых сюжетных деталей заключается в описании причудливых элементов конкретного стиля вышивки: «Тугие нитяные жгутики выпуклых маргариток и ягод земляники изумляли своей легкостью, изысканностью, шиком. По ним хотелось провести ладонью, а потом долго любоваться причудами декора – сочетанием рукотворной рельефной поверхности, холодной палитрой и пространством в прожилках цветов и ягод» [6]. Описание завершается комментарием рассказчика, благодаря которому создается портретная характеристика образа-персонажа: «Собственно, в этом была вся бабушка – изящная, сдержанная, холодноватая». Сюжеты прозы Омар соположены, и в этом

писательнице видится смысл нашей повседневности, составляющей человеческое бытие, где неизблемыми константами остаются семья, любовь, дружба, бесценное богатство, которое хранит в «своем сундуке» атмосферу семейного очага, святую память о предках.

Асель Омар, азиатка по национальности, свободно владеет и художественно достоверно использует эстетические коды двух культур: этнокультурная компетентность писательницы придает ее художественному тексту толерантную своевременность. Потомок благородных бозкуртов Еренчин, странник-лицедей Хайрулла, ищущий счастья в «раю бродячих актеров» Шахимардене, спасающая брата из застенков ГПУ девочка в вязаном французском берете, случайные попутчики поезда «Москва – Астана» – в этих образах – история народа.

Чтобы достичь достоверности и подлинности событий и героев, автор вводит в повествование рассказа-легенды с экзотическим названием «Синий волк» детали, предметы, характеризующие жизнь и быт древних кочевых народов. Хан Тохтамыш, шаман Еренчин, Эдите – главные герои рассказа, исторические и вымышленные. Добро и зло – вечное противоборство между ними – основной конфликт рассказа. Заглавие рассказа символично: волк – прародитель кочевых народов, эпитет «синий» означает «благородный», «честный». Эдиге совершает благородный поступок, не оставляя своего спасителя в последнюю минуту его жизни.

В основе рассказа «Даур» эпизод, связанный с прошлым автора-персонажа, ее воспоминаниями о студенческом периоде ее жизни и конкретно герое ее юных страхов, построенных на этнических стереотипах. Знойный пугающий своей безудержной страстью характер однокурсника-абхазца Даура передается в сцене танца. И вот встреча через пять лет: «Закончив институт, он уехал домой и сразу попал на войну. Разгорелся грузино-абхазский конфликт. Я вспоминала о нем, когда на экране телевизора мелькали кадры хроники уже новой – чеченской войны». В частную жизнь героев попадает наша сегодняшняя история: «Такой запомнилась мне история первой чеченской кампании. Лица с колючими и жесткими взглядами, а на них – выражение суровой неприступности. Сказать честно, я переживала за этих людей, не желая при этом встретиться с ними в реальной жизни» [5].

Новая встреча с совсем уже «другим» Дауром наводит автора-героиню на зрелые размышления, скорректированные приобретенным жизненным опытом: «Неужели только теперь я поверила в романтизированные, как мне некогда казалось, образы горцев из русской литературы, в Хаджи-Мурата и Казбича, и поняла, что эту документальную хронику я смотрела через призму так называемого художественного вымысла, читанного еще в школе? И неужели эта правда оживает только вместе с новыми войнами, так обостряющими человеческие отношения?» [6]. Так, история о частной жизни и личном восприятии человека иной национальной принадлежности вырастает в масштабы общечеловеческих выводов.

Следующий рассказ-эссе, скорее эскиз-зарисовка «Волхонка», выполнен в знаваемой стилиевой манере писательницы: «Парадная, торжественная, псевдоантичная у Пушкинского музея, просторная и чистая Волхонка распаивает свои объятия, в такт шагам раскачивается над ней бледно-серое небо с белесыми облаками. Апрель еще холоден и не улыбчив, но асфальт уже совершенно сухой. Воздух пахнет костром. Плеер в ушах звенит: «Я на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе...» [6, с. 42]. Временные сдвиги-ассоциации, смена времени повествования – настоящее-прошлое – позволяет понять глубинные вещи, кроющиеся в незаметных мелочах: «И возможно, каюсь, в глубине сознания возникнет порой сомнение в верности финала. Пусть оно тут же забудется, но глядя на храм Христа-Спасителя, восстановленного на месте бассейна «Москва», заходя в залы импрессионистов Пушкинского музея, я начинаю ощущать терпкий вкус «Мессы» и понимаю особенно отчетливо, что все равно это мое небо, мое зеленое солнце, моя Волхонка, моя любовь!»

В рассказе А. Омар реализованы практически все существующие функции пейзажа: это и место действия, и главный персонаж, и создающий настроение образ, свидетельствующий о присутствии автора. Живая природа в звуках и акварелях передает индивидуальное пейзажное мышление, озвученное голосом рассказчика: «Мелькает ограда Пушкинского, мы идем по красной дорожке. Газон уже нежно зазеленел первой травой. Волхонка! Проносись дальше по своему широкому руслу, щеголяй своей роскошью, выхваляйся, важничай – ты этого стоишь! Небо сияет чистотой и свежестью. На сегодня лекции пропущены. Вдруг проглядывает сонное зеленоватое солнце, и улица расправляет суровые складки лица и сверкает зайчиком на чисто вымытом окне ампириного сооружения» [6].

Рассказ «День независимости» написан от мужского лица посредством несобственно-прямой и внутренней речи персонажа: этот прием необходим автору, чтобы высветить сложную, порой негуманную сущность человеческих отношений в перестроечный период нашей истории. Рассказчик – художник, который учился в Петербурге и после распада СССР вдруг оказался иностранцем: «В одночасье Жан из советского студента превратился в иностранца, это поначалу смутило его, но обязало к обновлению, и он всей душой принял это странное чувство неопита и новую страну» [6]. Рассказ начинается с полудокументальной справки об авторе монумента независимости, скульпторе Адлете Жумабае. Вслед за этой информацией следует пейзажная заставка: «Воздух прямо пахнет инеем, от земли поднималась легкая вечерняя замять. Небо ввысь густо-розовое, а ближе к горам темнело до синевы. Жан стоял на проспекте и думал, что сегодня он обязательно будет у Монумента независимости...» [6]. Омаровский герой, пока непонятно для читателя, непременно хочет увидеть этот памятник. Между началом и финалом происходят события, которые исподволь вырисовывают контуры нового мира, утрачивающего привычную перспективу. Новый, вдруг открывшийся взгляд, позволяет герою остро на глубинном уровне оценить известные ранее истины: «И вдруг он почти физически ощутил непреходящее чувство любви к этой земле, на которой он стоял, и какая-то смутная тревога снова завладела им. Она звенела в морозном воздухе, и ей вторили спугнутые каким-то глухим звуком галки, взлетающие в чернильное небо и оставляющие на снегу суетливые тени» [6].

Штрихи финального пейзажа вносят тревожные ноты в понимание авторского замысла: не просто «морозный воздух», но именно благодаря ему «смутная тревога» начинает «звенеть». Ей «вторят» «суетливые тени» галок, «спугнутые каким-то глухим звуком», а небо, в начале рассказа «густо-розовое», а ближе к горам темно-синее, вдруг видится герою «чернильным». Так, «работает» «пейзажное мышление», заданное писательницей в постмодернистской ткани рассказа. Ставший историей, «День независимости» передает расщепляющееся на глазах читателя историческое сознание. В размышлениях героя возникает мысль о совместной судьбе и устремленности людей, в которой прошлое, настоящее и будущее неразделимы. Сюжетные эпизоды фиксируют смену картин реального мира, моделирующих понимание новой наступившей эпохи. После столкновения с «братанами», пытающимися снять дорогое пальто, и потом разговора со спасшим его бывшим врачом Жану почему-то вдруг «вспомнилась Дворцовая набережная. Он делал акварель. Была осень, было также холодно, с Невы дул промозглый ветер, руки щипало, но он рисовал и рисовал, так хотелось закончить удачный пейзаж. Почему он вспомнил теперь мрачную питерскую погоду, державную силу и величие сурового неевского архитектурного ландшафта? Отчего вдруг коротко что-то толкнуло в сердце – он не знал. Он стоял рядом с каменной стеллой в окружении присыпанных снегом бронзовых рельефов, он все-таки пришел сюда, зачем-то ему это было особенно нужно». Так передает автор возникшее на глазах читателя ощущение ответственности героя за новую историю своего государства, провозгласившего независимость, которую еще предстояло отстаивать, в том числе и лично ему.

Маленький по объему рассказ-зарисовка «Станция Тимур» благодаря безошибочно выбранному сюжетному ходу раздвигает художественное время на тысячелетия. Повествование открывается сценой на маленькой станции «Тимур». Читатель вместе с рассказчиком видит и слышит происходящие «на его глазах» события одного дня: «Юг, духота, полуденное солнце. На перроне – сутолока и шум. Мелькают бабы в цветастых халатах и ярких люрексовых платках, завязанных тюрбаном, загорелые дети с запыленными ногами. Мимо с грохотом проносится железная телега, которую тащит бегом, обливаясь потом, разгоряченный юнец в закатанных до колен штанах и тапочках на босу ногу. Телега подпрыгивает на кочках, растрясая курдюк на розово-желтой бараньей туше» [6]. Система антитез пронизывает художественную структуру рассказа «Станция Тимур», со страниц которого возникают параллельные образы: «чудный Восток, наследник великих эпох» и «странная фигурка Ленина». Сама «земля Тимура» – это красивая восточная легенда и, одновременно, благодаря авторскому сравнению, «древняя старуха», которая «хранит восьмисотлетние суставы керамического водопровода». Амбивалентная постмодернистская мозаика складывается из миров, представляющих собой художественное обобщение целых культурных систем, органических культурных языков, образующих образную культурологическую формулу: «Помимо легенд земля Тимура хранит восьмисотлетние суставы керамического водопровода, но жители его ведут свое простое хозяйство, и в их дворах до сих пор ютятся колодцы и тандыры» [6].

Образ мира в рассказе «Станция Тимур» вырастает из архетипа «дороги», зафиксированного в начале повествования образом поезда: «Раскаленный от жары поезд тяжело тормозится». Станция Тимур на общем пути человеческой истории – фрагмент, как и вся человеческая жизнь, включая целые эпохи («Ленин»). Философскую идею бесконечности пути передает финальная фраза: «И снова пески, пески, пески» [6]. Голос автора-рассказчика звучит в унисон с сознанием персонажа, отраженном в смене формы повествования: безличное повествование с очень сильным рассеянным разноречием переходит в обобщенно-личную форму.

Практически во всех своих произведениях Омар не прячет голос автора, он, незаметно для читателя, обнажает внутренний механизм самого повествования, соединяя исторически давнее, мифологически прошлое и современный мир. Наличие точных индивидуально авторских метафор одушевляют внешний мир, возникающий со страниц рассказов А.Омар: «маленький пруд сонно дышит в холодных лучах солнца» (рассказ «Камышовый черт»); «Волхонка распахивает свои объятия», «Апрель еще холоден и не улыбочив», а «улица расправляет суровые складки лица» (рассказ «Волхонка») [6]. Читатель ощущает нечто большее, чем традиционный прием олицетворения, известный и популярный в фольклорном тексте. Образы, абстрактные понятия, примелькавшиеся вещи, детали небогатого городского пейзажа, так вольно одухотворенные автором и отражающие внутреннее состояние персонажа, расширяют границы реальной действительности.

Поэтика прозы Асель Омар, благодаря эффекту «дежавю», передает принципиальную незавершимость человеческого существования: все когда-то уже было сказано, но смешение и соприсутствие определенных элементов позволяют автору и читателю создавать новые комбинации, совмещать жанровые коды массовой и элитарной литературы. Авторский комментарий в интертекстуальном омаровском повествовании как бы отодвигает сюжетообразующее и открывает выход в большую историю. Используя постмодернистскую практику сопоставления различных исторических эпох и традиций мышления, автор обнажает сотворенность, сделанность этих порядков: они не объективны, не даны, а созданы механизмами культуры, человеческим сознанием.

Авторская индивидуальность российской и казахстанской писательницы обнаруживается, декодируется читателем посредством «узнавания-открытия» в соответствии с установкой писателя. Профессиональный подход к тексту как к диалогу-

посланию идентифицирован Асель Омар в ее «кредо», основанном на жизнеутверждающем импульсе философского отношения жизни – способности воспринимать каждый день, руководствуясь высшей логикой и принципами высшей справедливости.

Литература

1. Исина Н. У. Мифопоэтическая проза А.Омар // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы второй международной научно-практической конференции, Барнаул, 19-20 сентября 2013 г. – Барнаул : АлтГПА. С. 176-180.
2. Казанцева О. Под оберегом талисмана Тенгри. URL: www.kazpravda.kz/news/kultura/pod-oberegom-talismana-tengri/?print=yes (дата обращения: 01.10.2017).
3. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М. : Просвещение, 1972. 113 с.
4. Омар А. Все жанры хороши, кроме скучного: интервью с писательницей. URL: <http://www.spy.kz> (дата обращения: 01.10.2017).
5. Омар А. Книга стихотворений и прозы «Credo». Алматы, 1998. 100 с.
6. Омар А. Синий волк. Повести и рассказы. Астана : Педагогика-Пресс ИД, 2009. 208 с.
7. Омар А. Талисман Тенгри. Алматы : «Қазығұрт» баспасы, 2012. 304 с.
8. Омар А. Чувствую себя естественно и гармонично / Казах.ру: международный казахский сервер. URL: www.kazakh.ru/news/articles/?a=998 (дата обращения: 01.10.2017).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 256-264+398.2(=511.142)/(=511.143)

Бурханов Р. А.
Burkhanov R. A.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СТРОЕНИИ МИРА В МИФОЛОГИИ ХАНТЫ И МАНСИ

CONCEPT OF ORIGIN AND STRUCTURE OF THE WORLD IN THE KHANTY AND MANSI MYTHOLOGY

В статье рассматриваются мифы о происхождении и строении мира в традиционной культуре ханты и манси. Особое внимание уделяется анализу представлений о пространстве и времени в мифологии этих народов.

The article describes the myths of origin and structure of the world in the traditional culture of the Khanty and Mansi. Particular attention is paid to the analysis of ideas about space and time in the mythology of these peoples.

Ключевые слова: миф, мифология, мир, культура, ханты, манси.

Keywords: myth, mythology, culture, world, Khanty, Mansi.

Социальная организация народов ханты и манси относится к традиционному типу культуры, где воспроизводство схем человеческой деятельности, форм общения, организации быта, социокультурных образцов осуществляется посредством проверенных веками и сакрализованных предписаний. Основным видом трансляции личного и социального опыта в нем является традиция, реализующаяся посредством мифа. В мифологическом мышлении причинно-следственный принцип объяснения заменяется тотальным генетизмом и этиологизмом: объяснение мира в целом сводится к рассказу о его происхождении (творении) и строении [3, с. 377].

В мифе природные и социальные факты, объяснение и повествование объединены, поскольку сила воображения придает достоверность самому сказанию и оформляет его в запоминающуюся и устойчивую форму [1, с. 5, 8]. Во-первых, миф стирает, нивелирует границы между реальным и ирреальным мирами: все персонажи повествования для представителей традиционной культуры действительно существуют. Во-вторых, мифу присущ синкретизм, т. е. целостность, нерасчлененность, где практическое и духовное отношение человека к миру тесно переплетаются, находятся в неразрывном единстве. Главную роль здесь играют не понятия, а переживания в эмоционально-чувственной, зримой и слышимой, поведенческой форме, воплощенные в жестах, мимике, движениях танца, музыке, песнях, произносимом и выпеваемом слове.

Для мифологического мировоззрения характерно особое отношение к пространству и времени. Мифу присущи такие свойства пространства, как одухотворенность, конкретность (насыщенность материальными предметами), неразрывная слитность со временем, членение на составляющие, основанные на бинарной классификации (север – юг, правое – левое, верх – низ, белое – черное и др.) [6, с. 340–342]. Мифологическое время – это прежде всего «правремя», время «первотворения», появления на земле и на небе всего, что было на них с незапамятных времен – природного ландшафта, животных,

растений, людей, космического и общественного порядка. В любой мифологии первоначально речь идет о происхождении мира.

Космогонические мифы коренных народов Югры повествуют о создании земли (суши) из уже имеющегося материала (воды) и не содержат сведений о сотворении мира из ничего или о происхождении богов и людей. Так, в священном сказании народа манси отмечается, что первоначально была только вода, на ее поверхности не было земли, которая находилась глубоко под водой. На водной глади плавал клочок земли из торфа, где размещался домик, который ветер носил вместе с клочком в разные стороны. В домике жили муж и жена (иногда речь идет о старике и старухе – прародителях или древних божествах угорского пантеона); у них был ворон, гагара и какая-то водоплавающая птица (лúлы). В воде обитали рыбы, муж и жена ими питались, добывая их через порог своего дома.

Птица лúлы (по-видимому, утка) по просьбе мужа и жены приносит в клюве из водной глубины комочек земли, прикрепляя его на уголке дома. После этого старик и старуха ложатся спать. «На следующий день встали – земля выросла на середину стопы. На второй день встали – земля выросла настолько, насколько может видеть глаз... На третий день жена и муж из окна смотрят на улицу: совсем не видно воды, повсюду земля» [5, с. 137]. Они посылают ворона узнать, какой величины стала земля. Ворон долго летал и, вернувшись, сообщил, что конца и края земли не видно. О других существах, кроме рыб, ворона, гагары и утки-лúлы, в начале этого сказания ничего не сообщается. Позднее в повествовании появляются лошади, овцы, коровы, змеи, птицы и прочие обитатели Земли [5, с. 14–18, 137–141].

В представлениях народов ханты и манси самым первым деревом был кедр, который вырос на клочке земли из торфа за домом прародителей людей [5, с. 139]. В мифологии этих народов кедр в качестве Мирового Древа соединяет три слоя бытия – Верхний, Средний и Нижний миры, – а также питает и поддерживает эту вертикальную связь Мироздания. Еще в одном мансийском мифе сообщается, что первые люди – это дети бога Торума, в образе человека живущего на Небе, в Верхнем мире. А как он там оказался и как возник, в сказании ничего не сказано. По воле Небесного бога его дети спустились вниз, и от них пошел род человеческий [5, с. 15].

У народа ханты существует еще более архаичный вариант космогонического мифа, где птицы без всякого божественного повеления ныряют за землей, которая сама по себе разрастается. В другом варианте сказания о сотворении мира верховное угорское божество получает от своего прародителя землю, которую сбрасывает вниз, поскольку жилище его находится в воздухе. После этого сакрального действия земля разрастается, а творец спускается вниз и укрепляет ее.

Сама последовательность событий в мифе – «квази-временная», она существует без необходимой связи между событиями, без детерминированности настоящего прошлым, а будущего настоящим. В мифологическом мировоззрении отношение человека к миру воспринималось как вечносамодетельное («творение» мира божественными первопредками, повторяющееся в обрядах) и подчиненное строгим порядкам, неизбежности, нормам и традициям рода (календарные циклы и пространственные системы восприятия мира, воплощенные в ритуалах и обыденной жизни). В священных сказаниях мир появляется не из хаоса, а из особого состояния пространства и времени. Даже в самых ранних моментах космогонии угорский Космос представляется не плоским, а имеющим характеристики объемного мира. Ведь божественные железные гагары или утки-лúлы прилетают сверху и ныряют вниз, в глубь моря, пролетая *сквозь* пространство [2, с. 7–12].

В большинстве мифов традиционных народов происхождение людей обычно связывается непосредственно с космогонией. Человек, к примеру, помещается на землю божеством или каким-либо другим образом появляется с небес. Однако в мифологии

ханты и манси первые люди живут на Земле (полностью покрытой водой, кроме торфяного клочка) изначально, наряду с богами и духами, сам же процесс сотворения человека в священных повествованиях конкретно не описывается.

Для этих народов характерны различные понятия о строении мира. С одной стороны, у них бытует представление о Вселенной как трехчастном вертикально устроенном пространстве. В целом Космос состоит из Неба (*хант.* и *манс.* Торум), Земли (*хант.* Мых, *манс.* Сянь-торум) и Преисподней (*хант.* Ил-Торум, *манс.* Йоли-ма). Параллельно со Средним миром, где живут люди и звери, растут травы и деревья, существует также и Верхний мир, где обитают духи и боги, и Нижний мир, куда направляется после смерти душа человека. С другой стороны, наряду с вертикальным членением мироздания, в мифах народов Югры имеется и членение горизонтальное, где Юг ассоциируется с Верхним миром, миром богов, а Север – с Нижним миром, миром мертвых.

У некоторых групп коренных жителей Приобья трехчастная картина мироздания усложняется дополнительными членениями. Так, в представлениях народа манси пространство окружающего мира состоит из семи этажей или слоев. Первый этаж – *Ёлы торум*, Нижний мир, или «Темное царство», в котором обитают недружелюбные для человека существа или духи «обратного мира», причиняющие ему вред, насылающие болезни, устраивающие всяческие неприятности; это мир мертвых. Второй этаж – *Ялтын ма*, «Священная земля», где существует жизнь; это та земля, по которой мы ходим. Третий этаж – *Ма унлуп*, *унлуп торум*, «Земное царство» – пространство от Земли до голубого Неба, включающее в себя всех обитателей земли; это «Светлый мир» – царство человека и иных живых существ. Четвертый этаж – *Торум*, «Небо» – голубое пространство над нашей землей. Пятый этаж – *Нуми Торум* – пространство над небесным куполом; это мир духов-богов и людей Верхнего мира. Шестой этаж – *Опыль* – верхний слой жизнедеятельного пространства над слоем Нуми Торум. Седьмой этаж – *Корс* – «Высокий мир», где обитают всемогущие и всевидящие существа, которые обычно не интересуются нашей жизнью, но при сильной нужде к ним можно обратиться с мольбой о помощи. Человеческий контакт доходит только до Пятого мира, с Шестым и Седьмым мирами люди связаны лишь опосредованно, через Пятый мир, причем очень слабо [5, с. 19–21].

Пантеон угорских духов и божеств возглавляет хозяин Верхнего мира (Неба) – Нуми-Торум (Торум-ики) – Верховное божество, бог-демиург. Вместе со старшими богами он создал Землю и установил порядок в мире. Согласно мифологическим преданиям, Нуми-Торум – третий из небесных божеств: у народа манси он считается сыном Корс-Торума и внуком Косяр-Торума, которые, соответственно, занимают второй и третий этажи Верхнего мира; у ханты он считается сыном Нум-Курыса и внуком Нум-Сиверса. Корс-Торум (у манси он также имеет имя Кворыс-Торум, а у ханты – Нум-Курыс) в обско-угорской мифологии предстает как древний родоначальник богов и создатель нашего мира. После великого потопа роль верховного небесного божества перешла к его сыну Нуми-Торуму.

Во многих хантыйских и мансийских мифах Нуми-Торума изображают величественным и полным сил стариком в роскошной, расшитой золотом одежде, живущим в огромном и светлом доме «на седьмом небе», который доверху наполнен несметными богатствами. Он является богом-демиургом, при сотворении мира Верховному божеству помогал Куль-отыр (который стал править Нижним миром, т. е. Поземным царством), в образе гагары (утки-лулы) доставший зачаток земли со дна первичного океана. При помощи тяжелого пояса, превратившегося в Уральские горы, Нуми-Торум придал Земле устойчивость, создал растения, рыб и животных, для регуляции численности живых существ послал в мир болезни и смерть, научил людей ловить рыбу, охотиться, шить одежду и обувь. Он запретил инцест, жестокие и массовые убийства, установил законы общественной жизни и правила религиозного культа [4, с. 405].

Нуми-Торум почитался как бог, создавший и посылающий на Землю дневной свет, устанавливающий продолжительность жизни людей. Сведения о его роли в установлении погоды, наделении человека выдающимися способностями и ниспослании удачи разнятся: по одним версиям (больше характерным для народа манси), он непосредственно занимается этими земными делами или направляет деятельность соответствующих существ и духов; по другим версиям (больше характерным для народа ханты), после сотворения мира Верховный бог отошел от дел, поручив их более молодым членам своей семьи или конкретным духам.

Каждый из семи этажей мироздания могут посещать духи Верхнего мира, среди них: Месяц-старик (*хант.* Тылыс-ики, *манс.* Этпос-ойка), Солнце-женщина (*хант.* Катлими, *манс.* Хотал-эква), Ветер-старик (*хант.* Ват-ики), Гром-старик (*хант.* Пай-ики, *манс.* Сяхыл-Торум). Этпос-ойка («месяц-старик») – сын Корс-Торума и брат Хотал-эквы («солнца-женщины»). Он бодрствует ночью и спит днем. В отличие от него Хотал-эква днем проплывает по небу на пылающем золотым пламенем крылатом олене, а на закате купается в озере с живой водой. В одном из мифов народа ханты богиня Солнца Хотал-эква является женой бога Луны Этпос-ойки; от этого брака у них рождается дочь Хотал-ага, которую берет в жены Мир-суснэ-хум – младший сын Нуми-Торума [4, с. 642].

Небесная богиня (*хант.* Калтащ-ими, Анки Пугос, *манс.* Калтащ-эква) почитается народами Югры как прародительница и хозяйка всего земного. Калтащ-эква («нижнего мира мать»), или Йоли Торум Шань («земная мать»), в мансийской мифологии предстает как богиня Земли, жена и сестра Нуми-Торума. Вместе с Нуми-Торумом Калтащ-эква участвует в сотворении мира: она просит своего мужа укрепить созданную Землю поясом, в результате чего возникли Уральские горы. Небесная богиня наделяет первых людей душами, которые ей передал отец Корс-Торум. Она представляется в образе седоволосой женщины в собольей шубе и шелковых платках, но может принимать облик лебедя, зайца, лягушки.

Сын Торума и Калтащ Мир-шетиви-хо (*хант.*), или Мир-суснэ-хум (*манс.*), в угорской мифологии – один из главных, хотя и младших богов; он непосредственно занимается управлением земными делами. Буквальное значение его имени – «смотрящий за миром». Когда Мир-суснэ-хум вырос, он захотел увидеть мир и Небесного отца. На божественном коне по имени Товлынг-лув он объехал всю Вселенную, разрушая козни злых сил и выбирая себе в жены молодых девушек. Среди них – дочери повелителя Водного царства Вит-кана, властителя Подземного царства Куль-отыра, богини Солнца Хотал-эквы и бога Луны Этпос-ойки, а также дочери хозяйки Птичьей страны Мортим-эквы. При помощи своей матери Мир-суснэ-хум первым предстает перед Нуми-Торумом, благодаря чему получает главенство над братьями и право управлять от имени своего отца всем миром.

Каждую ночь на крылатом всевидящем коне по имени Товлынг-лув, у которого золотая грива и серебряные копыта, Мир-суснэ-хум объезжает землю, следя за порядком и передавая людям наказы Нуми-Торума. Он выслушивает просьбы и мольбы камлающих шаманов, может отвести опасности и излечить болезни, способен наделять изобилием и т. д.

Нижний мир – царство мертвых, юдоль болезни и смерти – возглавляет Куль-отыр (*хант.* Хынь-ики, *манс.* Хуль-отыр). Другое его имя – Йол-нойер, т. е. «Правитель низа». Это брат-враг Небесного бога Нуми-Торума и его соучастник в деле творения мира: именно он в облике гагары (утки-лұлы) нырял на дно первичного океана, чтобы принести в клюве землю для формирования суши. Куль-отыр получает от Нуми-Торума указания, кто и когда должен умереть. Повелителю Преисподней, иногда принимающему облик черного ворона, повинуются злые духи-кули и стаи комаров и гнуса.

На границе Среднего и Нижнего миров располагается Водное царство, которым правит Вит-хон, Йинк-кан (*хант.*), или Вит-кан (*манс.*), который является властителем вод и распределителем водных богатств. От него зависят богатые уловы рыбы, избавление от

болезней и т. п. Некогда Нуми-Торум, сотворив обитателей водных глубин и весь Водный мир, поместил туда и Вит-кана, чтобы тот, распределяя икру, следил за плодовитостью рыбы. Вит-кан (другое его имя – Шираке) живет в глубине моря (согласно иным мифам, в глубине реки Оби) в серебристо-золотистом дворце. От брака с супругой Мараке у него родилось семь сыновей и семь дочерей, которые обитают в водоворотах [4, с. 124].

В Лесном царстве живет дух Вонт-унк. Согласно мифам обских угров, этот дух леса дает удачу на охоте, особенно при добыче соболя, лисы, росомахи. Дух чащобы Вант-юнк тоже является дарителем охотничьего счастья, в частности в промысле соболя и белки. В отличие от злых лесных духов (Ич-тенк), Вонт-унк и Вант-юнк благоприятно относятся к людям.

Таким образом, представления о происхождении и строении мира у народов ханты и манси определялись традиционным типом их культуры и господствовавшими в их сознании мифологическими воззрениями.

Литература

1. Мифы и мифология // Всемирная энциклопедия: Мифология / гл. ред. М. В. Адамчик. Минск : Современный литератор, 2004. С. 5–21.
2. Канев А. Н. Мифологическое мировоззрение в культуре обских угров: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
3. Мелетинский Е. М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 377–378.
4. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
5. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное изд-во, 1993. 208 с.
6. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 340–342.

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллина Люция Ильдаровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова

Abdullina Lyutsiya Idarovna – PhD (Philology), Professor, Russian Philology and Journalism Department, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan State University

E-mail: abdullinal@yandex.ru

Аксарин Вячеслав Валериевич – кандидат исторических наук, доцент, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

Aksarin Vyacheslav Valerievich – PhD (History), Associate Professor, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: aksarin_80@mail.ru

Алексеева Любовь Васильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Нижневартровский государственный университет

Alekseeva Lyubov Vasilyevna – Doctor of Science (History), Professor, Russian History Department, Nizhnevartovsk State University

E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН

Aralovets Natalya Arkadyevna – Doctor of Science (History), Senior Researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: aralovetz@yandex.ru

Бурханов Рафаэль Айратович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права, Сургутский государственный университет

Burkhanov Rafael Ayratovich – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Philosophy and Law Department, Surgut State University

E-mail: ra.nvarta@gmail.com

Бытко Ольга Александровна – хранитель музейных предметов, Нижневартровский краеведческий музей им. Т. Д. Шуваева; магистрант, Нижневартровский государственный университет

Bytko Olga Aleksandrovna – Keeper of Museum Items, the Nizhnevartovsk Local History Museum n. a. T. D. Shuvaev, Master's Degree Student, Nizhnevartovsk State University

E-mail: koa94-72@mail.ru

Веселов Севостьян Игоревич – аспирант, Сургутский государственный университет

Veselov Sevostyan Igorevich – Postgraduate, Surgut State University

E-mail: veselov19920304@mail.ru

Давыдова Анжелика Олеговна – зав. отделом изучения историко-культурного наследия и традиционных ремесел историко-культурного центра «Старый Сургут»

Davydova Anzhelika Olegovna – Head of the Study of Historical and Cultural Legacy and Traditional Crafts Department, Historical and Cultural Centre “Old Surgut”

E-mail: snezh-ok1@yandex.ru

Делицой Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Delitsoy Anatoliy Ivanovich – PhD (History), Associate Professor, General History and Archeology Department, Surgut State University

E-mail: osen2005@yandex.ru

Долголюк Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Dolgolyuk Aleksey Alekseevich – Doctor of Science (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

E-mail: dolgalal@mail.ru.

Загороднюк Надежда Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

Zagorodnyuk Nadezhda Ivanovna – PhD (History), Senior Researcher, Humanitarian Researches Department, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: niz1957@yandex.ru

Задорожная Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России, Сургутский государственный университет

Zadorozhnyaya Olga Anatolyevna – PhD (History), Associate Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Кирилюк Денис Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kirilyuk Denis Valerievich – PhD (History), Associate Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: DenKik@rambler.ru

Клевакин Александр Николаевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

Klevakin Aleksandr Nikolaevich – PhD (Architecture), Associate Professor, Architectural Space Design Department, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

E-mail: kan0756@mail.ru

Кобелева Евгения Ивановна – младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

Kobeleva Evgeniya Ivanovna – Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: hromor@yandex.ru

Кузнецова Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kuznetsova Anastasiya Aleksandrovna – Assistant Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: smirnova_aa@list.ru

Мантикова Эльмира Курмангазиевна – преподаватель, кафедра всеобщей истории и археологии, Сургутский государственный университет

Mantikova Elmira Kurmangasievna – Lecturer, Department of General History and Archaeology, Surgut State University

E-mail: ehmantikova@yandex.ru

Миropyчев Сергей Викторович – студент, Нижневартровский государственный университет

Mironychev Sergey Viktorovich – Student, Nizhnevartovsk State University

E-mail: mironichev1983@mail.ru

Орлов Михаил Александрович – старший научный сотрудник, Государственный архив Кемеровской области

Orlov Mikhail Aleksandrovich – Senior Researcher, State Archives of Kemerovo Region

E-mail: orlov_m_a@mail.ru

Плеханова Наталья Павловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, Сургутский государственный университет

Plekhanova Natalya Pavlovna – PhD (Psychology), Associate Professor, Developmental Psychology Department, Surgut State University

E-mail: plehanova-np@mail.ru

Прищепа Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Prishchepa Aleksandr Ivanovich – Doctor of Science (History), Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: aiprishchepa@yandex.ru

Соколов Сергей Николаевич – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Нижневартровский государственный университет

Sokolov Sergey Nikolaevich – Doctor of Science (Geography), Associate Professor, Professor, Geography Department, Nizhnevartovsk State University

E-mail: snsokolov1@yandex.ru

Солодкин Яков Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований, Нижневартровский государственный университет

Solodkin Yakov Grigoryevich – Doctor of Science (History), Professor, Russian History Department, Head of the Scientific Research Laboratory of Regional Historical Studies, Nizhnevartovsk State University

E-mail: hist2@yandex.ru

Солодовников Александр Юрьевич – доктор географических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела экологии Тюменского отделения «СургутНИПИнефть»

Solodovnikov Aleksandr Yuryevich – Doctor of Science (Geography), Associate Professor, Head of the Scientific Research Department of Ecology of the Tyumen Branch, “SurgutNIPIneft”

E-mail: Solodovnikov_AU@surgutneftegas.ru

Стась Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии, Сургутский государственный университет

Stas Igor Nikolaevich – PhD (History), Senior Lecturer, General History and Archaeology Department, Senior Researcher, Yugorsk Laboratory of Archeology and Ethnology, Surgut State University

E-mail: igor.stas@mail.ru

Стрельцова Надежда Яковлевна – кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный учитель РФ, Почетный доктор Сургутского государственного университета, заместитель председателя Попечительского совета, ведущий специалист Управления общественных связей и информационно-издательской деятельности, Сургутский государственный университет

Streltsova Nadezhda Yakovlevna – PhD (Education), Associate Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Honored Doctor of the Surgut State University, Deputy Head of the Board of Guardians, Leading Specialist in Public Relations and Information-publishing Department, Surgut State University

E-mail: 1414@surgu.ru

Ташлыкова Марина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Tashlykova Marina Ivanovna – PhD (History), Associate Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: marina-tashlikova@rambler.ru

Томилов Игорь Сергеевич – младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

Tomilov Igor Sergeevich – Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Труфанова Жанна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Trufanova Zhanna Nikolaevna – PhD (History), Associate Professor, Russian History Department, Surgut State University

E-mail: janent@mail.ru

Федотова Дарья Юрьевна – младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

Fedotova Darya Yuryevna – Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: dashulya-23@bk.ru

Хохлова Наталия Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, Сургутский государственный университет

Khokhlova Natalia Ivanovna – PhD (Psychology), Associate Professor, Developmental Psychology Department, Surgut State University

E-mail: hohlova-ni@yandex.ru

Шумилов Евгений Николаевич – кандидат исторических наук

Shumilov Evgeniy Nikolaevich – PhD (History)

E-mail: kinshum@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: chalova_ap@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках**:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны.

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32
89221234567

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.
5. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белоглазова Т.В., Ставрук М.А.
Beloglazova T.V., Stavruk M.A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Key words: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Упорядочение изданий осуществляется по первой букве первого слова библиографического описания. Если первая буква повторяется – соблюдается алфавит второй, третьей и последующих букв. Источники на иностранных языках указываются в конце списка.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайнных сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>(дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гуцин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л.14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 2 (36)
2017

Подписано в печать 06.12.2017 г. Дата выхода в свет 12.12.2017 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 18,8. Уч.-изд. л. 13,3.
Тираж 100. Заказ № П-82.

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная.